

Это было четверть века назад. Город-герой не дрогнул в страшных испытаниях. Ленинград полностью освобожден от блокады.

Горки Ленинские.

В этом лесу, что возле школы, ходил когда-то Ильич.

Фото И. Тункеля.

ТЕТЯ ПАША

Человек в глубокой задумчивости сидел на скамейке. Он был немолод, утомлен, озабочен. Взлохмаченный мальчишка не сразу решился потревожить его. Худущий, конопатый, в ветхой рубашонке, он пошевелил в песке пальцами грязных ног и в замешательстве переступил с пятки на пятку.

— Дяденька, а дяденька, где тут Ленин живет?— выпалил он наконец одним духом тоненьким голоском.

Человек обернулся.

— А что?

— Дело есть к нему.

— Вот как! Дело есть? Кто ты? Откуда?

— Верст двадцать иду.— И мальчишка назвал глухую, бедную деревеньку.— Тятька пропал на войне, а мамка в тифу померла. Люди сказали, что Ленин поможет мне.

— Ну что ж, тогда придется идти...

«Дяденька» надел кепку, что лежала на скамье, и, опираясь на палку, встал. Видимо, он был не совсем здоров, потому что шел по дороге медленно и осторожно. А мальчишка плелся рядом.

— Ой, дяденька, а грибов тут! Погляди, каков боровик!— обрадовался он своей находке.

Они вышли к двухэтажному дому, что стоял за дорогой в лесу. Из открытой двери пахнуло сытным теплом. У мальчишки засосало под ложечкой: не ел со вчерашнего дня.

— Здравствуйте,— обратился человек к крепкой, смуглолицей женщине, которая возилась у печи.

— Здравствуйте,— ответила та, не глядя. Засыпав в котел с кипящей водой крупу, она бросила туда же луковички, горсть соли и еще чего-то, помешала и только после этого обратила внимание на пришедших. «Кто-то из совхозных»,— подумала она про человека в кепочке, в обыкновенном сером пиджаке и синей косоворотке.

— Привел вам пополнение. Не позовете ли заведующую?— попросил он.

— Хорошо, сейчас.— Повариха вытерла о фартук руки и застучала деревянными подошвами по лестнице.

— Заняты они, подождите маленько,— сказала она, вернувшись.— Да вы садитесь,— пригласила она пришедших.— Вот сюда к окну, тут чисто.

Незнакомец меж тем стал расспрашивать, как тут живется, хватает ли продуктов и дров, сами пекут хлеб или привозят. Женщина рассказывала без утайки. Если «совхозный», то пусть знает, что с топливом неважно, муку и крупу приходится возить из Подольска, что переправы хорошей нет и лошади идут через Пахру вброд с возами, что она тут крутится с утра до ночи да еще квашню ставит на запарку, одна мастерица на все руки: пекарь и кухарка. Пусть, надеялась она, совхозные работники позаботятся об ихнем детском доме.

Неизвестно, сколько продолжалась бы эта беседа, и, может быть, повариха рассказала бы и о себе, как в Питере, в семнадцатом, когда там Ленин Советы устанавливал, шла вместе со своими товарками «раскрывать» Петропавловку. И что ей не досталось винтовки, отчего она была очень расстроенная и злая, а был у нее в руках только штык... Но тут спустилась со второго этажа заведующая да как всплеснула руками:

— Товарищ Ленин у нас! Владимир Ильич... Да как же, Паша, ты не узнала?!

Тетя Паша уронила ухват, которым собиралась доставать чугун.

— А я-то наболтала, намолола, как соседу на завалинке.

Говорят, что бравая питерская ткачиха даже дар речи в тот момент потеряла.

Пока мальчишку отмыли, переодели во все чистое, наступило время обеда, и заведующая пригласила дорогого гостя к столу. Ну и вол-

Окончание смотри на стр. 16.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

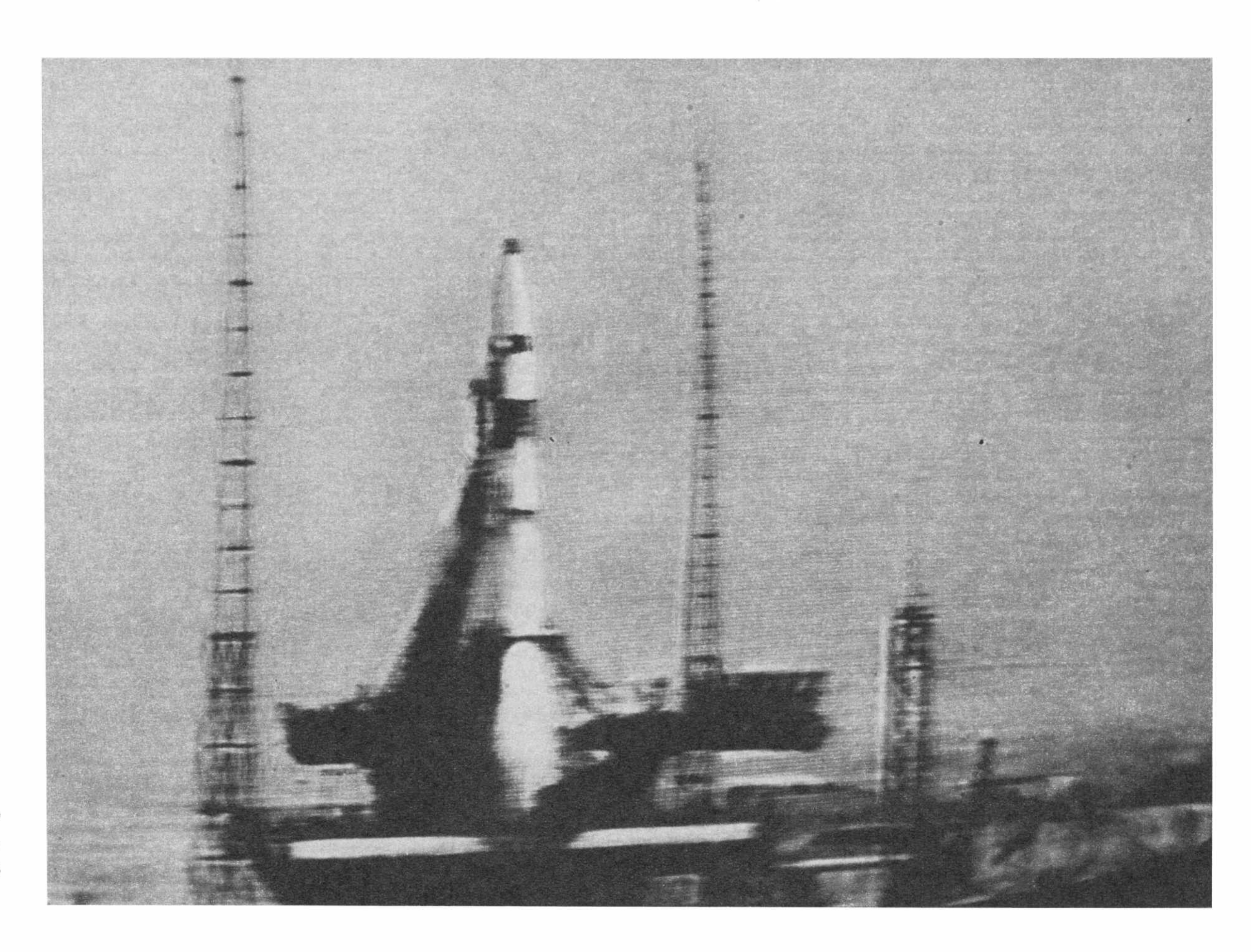
18 ЯНВАРЯ 1969

Основан 1 апреля 1923 года

№ 3 (2168)

Летчики-космонавты (слева направо) Евгений Хрунов, Владимир Шаталов, Борис Волынов и Алексей Елисеев на территории Московского Кремля.

Фото В. Черединцева (ТАСС).

Телерепортаж с космодрома. Ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-4» на стартовой площадке.

ЕЩЕ ЧЕТЫРЕ ГРАЖДАНИНА СССР — В КОСМОСЕ!

СОВЕТСКИЕ КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ — В СОВМЕСТНОМ РЕЙСЕ ПО ЗВЕЗДНЫМ ТРАССАМ.

НОВЫЙ ТРИУМФ СОВЕТСКОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

14 января 1969 года в 10 часов 39 минут московского времени на орбиту искусственного спутника Земли мощной ракетой-носителем был выведен космический корабль «Союз-4».

Командир корабля — гражданин Советского Союза, летчик-космонавт подполковник Шаталов Владимир Александрович.

А на следующий день, 15 января 1969 года в 10 часов 14 минут московского времени на орбиту спутника Земли был выведен еще один космический корабль «Союз-5» с экипажем из трех космонавтов. Командир корабля — подполковник Волынов Борис Валентинович и члены экипажа: борт-инженер, кандидат технических наук Елисеев Алексей Станиславович и инженер-исследователь, подполковник Хрунов Евгений Васильевич.

Все человечество приветствует советских людей, продолжающих штурм космоса.

Очерк написан для журнала «Огонек» специальными корреспондентами «Правды»

ПОБРАТ

С. БОРЗЕНКО, Н. ДЕНИСОВ

Семь лет назад, вскоре после полета Юрия Гагарина, нам пришла в голову неосторожная мысль написать сценарий художественного фильма. Мы назвали его «Космонавт Тринадцать», мысленно представляя себе, во сколько раз герой фильма умножит свершенное командиром «Востока», проложившим первую тропу в космосе. Но, как это зачастую случается, выход сей работы на кинематографическую орбиту задержало тысяча и одно сомнение, возникшее у тысячи и одного благожелателя, вращающегося в звездных туманностях кино.

В то время нам довелось побывать в гостях у крупнейшего ученого в области ракетной и космической техники академика Сергея Павловича Королева. Мы поинтересовались, какую, по его мнению, программу будет выполнять космонавт Тринадцать и кто из знакомых нам исследователей космоса может отправиться в тот полет? Сергей Павлович усмехнулся своей широкой, располагающей улыбкой и, как всегда, не спеша, сказал:

— Наверняка, он сделает в космосе больше, чем те, кто слетает до него. И случится это скорее, чем вы думаете...

Этот разговор припомнился потому, что сейчас, когда мы пишем эти строки, в космосе находится советский космический корабль «Союз-4», которым управляет Владимир Александрович Шаталов — космонавт Тринадцать! Короче говоря, еще не успели те, от кого зависит судьба новых фильмов, разобраться в нашем сценарии, а его герой уже на орбите. И не только он, но и космонавты Четырнадцать, Пятнадцать и Шестнадцать. Так сама жизнь опережает иные попытки заглянуть вперед.

Впервые командира «Союза-4» Владимира Шаталова мы увидели в «Звездном городке» вместе с Георгием Береговым. Чем-то они тогда показались нам похожими друг на друга: одинакового роста, оба подтянутые и стройные, у обоих синие глаза. Только Береговой брюнет, а у Шаталова волнистые, золотистые волосы, придающие ему, на наш взгляд, некоторое сходство с Сергеем Есениным. И душа у него такая же звонкая, русская, поэтическая.

И в дальнейшем как-то так получалось, что мы всегда встречали Берегового и Шаталова вместе. Как оказалось, многое их сближало еще до прихода в группу космонавтов. В одно время они учились в Военно-воздушной академии, которая ныне носит имя Ю. А. Гагарина,— только Береговой на заочном, а Шаталов на основном факультете. Береговой испытывал стреловидные реактивные истребители, а Шаталов взлетал на них с аэродромов Одесского военного округа. Береговой разрабатывал и испытывал системы перехватов воздушных целей, а Шаталов учил летчиков практике этого трудного дела в повседневной службе истребителей, охраняющих мирное небо Родины.

Вместе готовились они к полету на «Союзе-3»: Владимир Шаталов был одним из дублеров Георгия Берегового. Владимир провожал его в полет и встретил на космодроме, когда тот вернулся на Землю. В день этой встречи он исписал общую тетрадь, в которую занес рассказ товарища, сотни практических советов о том, как вести себя в космосе. И то, что повторялось раньше на земле и в стратосфере, повторилось в космосе. Георгий Береговой испытывал новый космический корабль «Союз-3», а Владимир Шаталов продолжил его дело.

Еще тогда, во время первой встречи с Владимиром Шаталовым, нам по душе пришлась та сердечность, с которой он говорил о своих родителях — отце Александре Борисовиче и матери Зое Владимировне, живущих в Ленинграде. Мы сейчас часто говорим о молодом поколении как о наследнике славы своих отцов и дедов. В этом смысле пример семьи Шаталовых очень характерен.

Александр Борисович в годы гражданской войны служил бортмехаником в Красном Воздушном Флоте. В годы Великой Отечественной войны на Ленинградском фронте был начальником спецпоезда, прокладывавшего и восстанавливавшего линии связи. На фронте он был великим тружеником, и четверть века тому назад в праздник Великого Октября Советское правительство присвоило ему высокое звание Героя Социалистического Труда.

Старшие Шаталовы воспитывали единственного сына своей самоотверженной жизнью. И в выполнении той сложной задачи, которую Владимиру Шаталову выпало решать в космосе, наверняка помогли ему отцовское мужество и упорство, которые, словно по наследству, перешли к нему. Наверное, и дети Владимира Александровича — Игорь и Елена — будут достойны своего деда и отца. Такова уж преемственность поколений нашего общества.

...В том, «гагаринском», году, когда мы беседовали с академиком С. П. Королевым на втором этаже небольшого домика, расположенного среди фруктовых деревьев, в уютном, строгом кабинете, ученый, говоря о будущих космических полетах, давал скупые, но меткие характеристики космонавтам. В числе других им было названо и имя нынешнего командира «Союза-5» Бориса Валентиновича Волынова, который был одним из вероятных кандидатов на первый полет человека в космос. Хорошие отзывы о Борисе Волынове мы слышали из уст и других ученых и специалистов как в «Звездном городке», так и на космодроме.

Сохранилась любопытная фотография, сделанная в доме отдыха на берегу Черного моря, вскоре после полета Юрия Гагарина. На ней — С. П. Королев среди космонавтов. Тут и Герман Титов, проведший на орбите сутки; тут Андриян Николаев и Павел Попович, совершившие длительный групповой космический полет; тут и Валерий Быковский, летавший в космосе одновременно с первой в мире женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой; тут и Владимир Комаров — командир первого многоместного космического корабля, в экипаж которого входили ученый Константин Феоктистов и врач Борис Егоров; тут и Павел Беляев с Алексеем Леоновым, осуществившим первый выход человека в открытый космос. На фотографии, чуточку тронутой временем, в окружении товарищей один из героев сегодняшнего дня — командир «Союза-5»: широкоплечий, атлетически сложенный Борис Волынов.

Борис Волынов — сибиряк, уроженец Иркутска. Его детство и юность прошли в городе шахтеров Прокопьевске, где мать Евгения Израилевна работала врачом-хирургом в рудничной больнице. Товарищами Бориса по детским играм, по школе были дети шахтеров. Многие из них хотели, как отцы и старшие братья, добывать уголь.

Подростком Борис Волынов спускался под землю. И кто знает, может быть, сейчас там, на высокой орбите, антрацитово-черная темнота космоса кажется ему бесконечной шахтой, в которой, будто лампочки горняков, светят далекие золотистые звезды. А мы видели его на земле и запомнили после первой же встречи: ясный, открытый лоб, черные, отброшенные назад вьющиеся волосы, выразительные черты лица, темные, полные мысли глаза, смуглые щеки.

Борис Волынов учился в школе, когда отгремели последние сражения Великой Отечественной войны. В Прокопьевск возвращались победители. Особенно привлекали молодежь летчики. Много рассказывал о подвигах советских воинов и вернувшийся с фронта отчим Бориса — медик Иван Дмитриевич Карих, он был полковым врачом и провел всю войну на переднем крае.

Живые герои оказывались куда интереснее героев книжных. Он говорил об этом со своей школьной подругой Тамарой Савиной, у которой на фронте погиб отец. Как-то девушка сказала, что хотела бы видеть Бориса летчиком. Ту же мысль однажды высказали и самые близкие для него люди — мать и отчим. Борис и сам мечтал об этом и после окончания десятилетки поступил в авиационное училище.

ИМЫ ВСЕЛЕННОЙ

Пришлось расстаться с родным городом, родителями, с младшим братом Робертом. Закончив школу, пошла учиться на инженера и Тамара Савина. Друзья переписывались. Молодые люди вскоре стали мужем и женой.

И, возможно, сейчас, находясь за тридевять земель от дома, где-то над Огненной Землей или над мысом Доброй Надежды, знакомым еще по детским книжкам, Борис Волынов думает о ней — самой близкой и дорогой, умной, нежной, всепонимающей жене. Немало выпало на ее долю переживаний. Она волновалась за каждый его полет — и когда Борис еще учился в авиационном училище и когда нес тревожную службу в истребительном полку противовоздушной обороны. Они ценили каждую минуту, которую могли провести вместе. Она частенько провожала его на аэродром, а он после ночной смены встречал ее у проходной завода.

Много было тревог и забот. Но были и радости. Родился сын, назвали его Андреем. Потом пришел еще один день, запомнившийся на всю жизнь: Бориса Валентиновича приняли в члены КПСС. Вскоре после этого он решил стать космонавтом. Пройдя через все сита тщательных медицинских и иных исследований, он в числе других в конце концов попал в группу космонавтов.

Тишина кабины космического корабля располагает к раздумьям. И в часы отдыха перед глазами командира «Союза-5» невольно должны возникнуть картины долгих лет, отданных космическим тренировкам. Один из вероятных кандидатов на первый полет человека в космос, он полетел четырнадцатым. Несколько раз взволнованно провожала его Тамара на космодром, уверенная, что он поведет корабль. Борису Волынову пришлось несколько раз готовиться к очередному полету. Он дублировал Валерия Быковского в 1963 году, а затем дублировал он и Георгия Берегового в октябре 1968-го. Сколько на все потребовалось нервов! Ведь это так трудно — ждать.

И вот долгожданный день, когда Борис Волынов возле высокой, могучей ракеты отдал рапорт Государственной комиссии о готовности экипажа «Союза-5» к полету. Много раз в нашей печати описывался этот торжественный церемониал, но всегда он проходит по-новому, и те, кому посчастливилось бывать на стартовой площадке в этот час, все никак не могут привыкнуть к нему. Накануне перед тем, как подняться на лифте к вершине ракеты, командир «Союза-4» Владимир Шаталов крепко пожал руки Борису Волынову, Алексею Елисееву, Евгению Хрунову. В этом мужском рукопожатии было заключено многое. Владимир Шаталов уходил на десятки тысяч километров от друзей, но разлука эта не должна быть долгой.

И действительно, через сутки вслед за Владимиром Шаталовым взлетел «Союз-5», на борту которого находились его друзья. Отныне судьбы этих четырех космонавтов — Владимира, Бориса, Алексея и Евгения — навсегда связаны самым крепким в мире космическим узлом.

Крепко связаны их судьбы и с теми, кто летал в космосе до них. О бортинженере Алексее Станиславовиче Елисееве тепло отзывался Юрий Гагарин. Почти все космонавты раньше были летчиками. Исключение составляли до сих пор лишь ученый К. П. Феоктистов и врач Б. Б. Егоров. Но космонавтика—такая область человеческой деятельности, которой нужны люди самых различных специальностей и в первую очередь специалисты с инженерным образованием. Кандидат технических наук А. С. Елисеев и принадлежит к числу таких специалистов.

Он в общем-то земляк замечательного провидца К. Э. Циолковского, разработавшего в тихой Калуге основы современного космоплавания,— ибо родился неподалеку от этого города, в зеленой Жиздре. Гроза Великой Отечественной войны унесла семилетнего мальчонку из родных мест на восток. Потом он стал москвичом — учился в 167-й средней школе в Дегтярном переулке, а затем в МВТУ имени Н. Э. Баумана на машиностроительном факультете.

Мать Алексея Елисеева Валентина Ивановна — сейчас она доктор химических наук — всячески развивала тягу сына к инженерной профессии. Она была очень рада, что инженерная стезя привела ее сына в космонавтику.

Образно говоря, командир «Союза-5» Борис Волынов и инженер-исследователь Евгений Хрунов долго сидели за одной партой. Они пришли в класс космонавтики вместе с Юрием Гагариным и в той или иной мере принимали участие в каждом полете от «Востока» до «Союза-3». Евгений Васильевич Хрунов досконально, до тонкостей знает весь путь, проделанный советской космонавтикой.

С давних времен моряки, отправляясь в дальние походы, брали с собой в океаны как талисман горсть родной земли. Космонавты, конечно, не делают этого, но мы слышали их рассказы о красоте земли, и мы знаем, с какой силой любит ее Евгений Хрунов. Он рассказывал нам о раздолье исторического Куликова поля, неподалеку от которого находится его родная деревня. Он по примеру отца и братьев готовился стать землепашцем. Он даже окончил техникум сельской механизации.

Но тяга в небо оказалась сильнее земного притяжения — Хрунов стал сначала летчиком-истребителем, а потом и космонавтом. Крутолобый, коренастый, он всю свою жизнь отличался настойчивостью и упорством. И в школе-семилетке, и в техникуме, и в авиационном училище, и когда нес службу летчика-истребителя, летая над полями и виноградниками солнечной Молдавии, и в изучении космических дисциплин, и во время учебы в Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского,— всегда он был собранным, целеустремленным.

Бывая в гостях у Юрия Гагарина, мы часто слышали от него точные, почти афористичные характеристики, которые он давал Евгению Хрунову:

— ...Терпение и труд — все перетрут. Долготерпение Хрунова приведет его туда, где не каждый из нас сможет побывать... В любом деле на Женю Хрунова можно положиться, как на самого себя.

Вся страна, миллионы советских людей благодаря телевидению присутствовали при стартах «Союза-4» и «Союза-5». И не только видели, как мощные ракеты-носители в клубах пламени возносили космические корабли на их высокие орбиты, но и как бы находились в кабинах вместе с космонавтами. Как удивительно спокоен был Владимир Шаталов на так называемом активном участке, когда «Союз-4» еще только выходил на орбиту и космонавт испытывал сильнейшие перегрузки! С какой обстоятельностью он вел свои репортажи из космоса, рассказал об устройстве «Союза-4», показал, как работает в своей «двухкомнатной квартире-лаборатории». Так же отчетливо увидели телезрители и экипаж «Союза-5» — Бориса Волынова, Алексея Елисеева, Евгения Хрунова, которые стартовали вслед за Владимиром Шаталовым.

Впервые одновременно на двух космических кораблях находятся четверо советских космонавтов, и мы, их соотечественники, словно летим вместе с ними.

...Когда мы писали тот сценарий кинофильма, о котором шла речь в первых строках этого очерка, его главный герой — космонавт Тринадцать представлялся примерно таким, как Владимир Шаталов,— мужественным, остроумным, веселым. В чертах нашего героя можно было найти что-то и от Бориса Волынова, Алексея Елисеева и Евгения Хрунова — нынешних космонавтов Четырнадцать, Пятнадцать и Шестнадцать, и от всех тех, кто уже раньше их слетал в космос, и от тех, кому еще предстоят новые открытия в звездном океане. Да так это и есть, ибо все они, от Юрия Гагарина до Евгения Хрунова и тех, которые еще не известны,— побратимы Вселенной.

Неколебимо, как Россия

Маршал Советского Союза

К. А. МЕРЕЦКОВ

Битва за Ленинград занимает особое место в истории Великой Отечественной войны. Она являет собой непревзойденный пример массового героизма советских людей, их непреклонной воли к победе.

Захват Ленинграда должен был принести гитлеровцам господство на Балтике, непосредственную связь с союзником — маннергеймовской Финляндией, развязать руки для наступления на Москву.

Начало войны застало меня в Ленинграде. Я как заместитель наркома обороны принимал участие в экстренном заседании Военного Совета Ленинградского военного округа, на котором наметили первые необходимые меры для приведения в боевую готовность войск округа и города. Было решено, в частности, усилить укрепления к северу от Ленинграда, на старой границе с Финляндией, приступить к строительству оборонительных рубежей на Волховском направлении.

В первый день войны я видел, как город, образно говоря, уже натягивал на свои могучие плечи солдатскую гимнастерку. Заплаканные женщины провожали мужей на призывные пункты. По Невскому проспекту нестройно отбивали шаг первые подразделения новобранцев в новом, еще не обмятом обмундировании. Мобилизация проходила быстро, организованно.

Ленинградцы всегда отличались высоким патриотизмом. Многие, узнав о начале войны, не дожидаясь повесток, являлись в военкоматы. Формировалось народное ополчение, из добровольцев создали 10 дивизий и 16 отдельных артиллерийских и пулеметных батальонов. В эти грозные дни в полной мере проявилась великая сила Ленинградской партийной организации. На фронт ушло более 70 процентов коммунистов города. В том числе секретари горкома партии А. А. Кузнецов, Я. Ф. Капустин, А. Д. Вербицкий, секретари обкома Т. Ф. Штыков, А. П. Смирнов, Г. Х. Бумагин. Коммунисты были повсюду — в частях Советской Армии, в дивизиях народного ополчения, в истребительных батальонах, на предприятиях, в особых бригадах внутренней обороны. Ушли на фронт и комсомольцы Ленинграда.

А дела на фронте складывались не в нашу пользу. На Ленинград двинулась группа армий «Север» фельдмаршала фон Лееба. Группе армий «Север» содействовала 3-я танковая группа и 9-я армия группы армий «Центр». Всего в наступлении на Ленинград гитлеровское командование сосредоточило 42 дивизии, из них 7 танковых и 6 моторизованных, в общей сложности 725 тысяч солдат и офицеров. Эта огромная армия имела 13 тысяч орудий и минометов, полторы тысячи танков, 1 200 самолетов.

6 июля пал город Остров, а через три дня — Псков.

Немцы вторглись в Ленинградскую область и уже считали, что путь к Ленинграду открыт. И верно, серьезных оборонительных рубежей перед ними не было. Оборонительные работы на Лужском рубеже еще не закончились, а непосредственные подступы к Ленинграду с юго-запада вообще не укреплялись, так как до войны считали достаточным иметь укрепленные районы на границе.

И все же фашисты просчитались. Их моторизованный корпус застрял на Лужском рубеже. Только после длительных и кровопролитных боев, создав многократное превосходство над нашими силами, немцы пошли дальше. С юго-запада между Балтийской железной дорогой и Финским заливом наступали два армейских корпуса. С юга рвались к Ленинграду танковые и моторизованные дивизии, с юго-востока вдоль Октябрьской железной дороги наступали части двух моторизованных корпусов.

Тем временем ленинградцы деятельно готовились к защите родного города. На оборонные работы в июле и августе ежедневно выходило до полумиллиона человек, главным образом женщины. Под бомбежками и обстрелами они создали 30 тысяч километров оборонительных линий. Эти линии опоясали Гатчину, Красное Село, Петергоф, Павловск, Колпино, Мгу, Пушкин. На окраине Ленинграда и в самом городе построили 25 километров баррикад, 4 126 дотов и дзотов, оборудовали бомбоубежища на 900 тысяч человек. Вдохновителем и организатором всех этих работ была Ленинградская партийная организация. Непосредственно руководила ими специальная комиссия при участии таких видных ученых, как академики А. А. Байков, А. Ф. Иоффе, А. Н. Крылов и другие.

Натиск вражеских войск с каждым днем возрастал. Сначала гитлеровцы нанесли удар в направлении Красное Село — Урицк — Ленинград. Их атаки следовали непрерывно в течение двух недель. Потерпев неудачу, фашисты крупными силами пехоты и танков попытались прорваться к Ленинграду через Пушкин. В конце концов им удалось занять северную часть этого города, но дальше продвинуться они не могли. И вот 26 сентября наши разведчики установили, что на всем фронте к югу от Ленинграда немецкие солдаты роют окопы полного профиля.

Не сумев взять город, немецкое командование решило сломить сопротивление ленинградцев осадой, артиллерийскими обстрелами, бомбежками. И этот варварский план выполнялся с тупой педантичностью. Особенно опасны для жителей были артобстрелы. Тяжелый снаряд порой сразу убивал несколько десятков человек. Но так случалось только в первые дни осады. Потом ленинградцы вырыли щели в садах, скверах, во дворах, в цехах заводов. На улицах появились предупреждающие надписи: «Граждане! При артобстреле эта сторона наиболее опасна!»

Скоро и артиллерия противника стала нести чувствительные потери. Это вступила в борьбу наша контрбатарейная группа. В нее вошли тяжелые пушечные полки и дивизионы Ленинградского фронта, артиллерия Балтийского флота. Руководили контрбатарейной борьбой генерал В. П. Свиридов и начальник артиллерии Балтийского флота И. И. Грен. Однако контрбатарейная группа не обладала необходимым превосходством, и вражеские снаряды продолжали рваться в Ленинграде.

Страдал город и от воздушных налетов. Советские истребители и зенитчики сражались самоотверженно, авиация противника несла большой урон. Скоро дневные налеты немцы почти совсем прекратили. Но и ночью воздушных пиратов перехватывали и уничтожали советские истребители. А летчик А. Т. Севастьянов, израсходовав в бою все патроны, пошел на таран немецкого бомбардировщика. Это был первый ночной таран в истории авиации.

Самым страшным врагом для осажденного города оказался голод. Уже со 2 сентября нормы выдачи хлеба населению Ленинграда были сокращены. Продовольствие и другие грузы с «Большой земли» доставлялись в осажденный город только через Ладожское озеро.

Уверен, что в истории войн не было героической эпопеи, подобной первой блокадной зиме Ленинграда. В огромном городе замерз водопровод, не действовала канализация, не действовали прачечные, бани, остановился городской транспорт. С 20 ноября паек был урезан до минимума: рабочий в сутки получал 250 граммов, а все остальные — по 125 граммов прогорклой комковатой массы, именуемой хлебом. Ежедневно умирали от голода тысячи и тысячи людей.

А немцы пытались еще туже стянуть петлю блокады, перерезать у станции Тихвин железную дорогу, по которой подавали к Ладожскому озеру грузы, направляемые в Ленинград. Двумя корпусами они двину-

Эту статью Маршал Советского Союза К. А. Мерецков написал незадолго до кончины специально для журнала «Огонек».

лись на Тихвин и дальше к реке Свирь на соединение с финскими войсками, чтобы завершить полную блокаду города Ленина. Началось наступление и по берегам реки Волхов в сторону Волховского железнодорожного узла.

8 ноября немцы заняли Тихвин и вплотную подошли к железнодорожной станции Войбокало. Этим они уже фактически лишили Ленинград всякого подвоза продовольствия. Теперь железнодорожные эшелоны останавливались на маленькой станции Заборье, за 160 километров до Волхова. Перевозить грузы дальше автотранспортом мешало бездорожье. Запасы хлеба в Ленинграде подходили к концу.

В то время я командовал 7-й армией, которая остановила финские войска на реке Свирь. Тихвин, который оставила наша 4-я армия, лежал у нас в тылу. Фронт 4-й армии был прорван, и немцы выходили к нам в тыл. Ставка предложила мне немедленно вступить во временное командование 4-й армией, сохраняя за мной командование 7-й армией.

Освобождение района Тихвина стало делом первостепенной важности. Это был вопрос жизни для Ленинграда, Ленинградского фронта и Балтийского флота. 5 декабря войска 4-й армии перешли в решительное наступление. К концу дня части генерала Иванова оседлали шоссейную дорогу Тихвин — Волхов. И наши войска, наступающие с юга, подошли к шоссейной дороге Тихвин — Будогощь. Тихвин был окружен и в ночь на 9 декабря взят штурмом 65-й дивизией полковника П. К. Кошевого (ныне Маршала Советского Союза) и 191-й дивизией полковника П. С. Виноградова. Подвоз продовольствия в Ленинград был восстановлен. Ударная группировка противника была разгромлена. Злодейский замысел гитлеровского командования осуществить полную блокаду Ленинграда сорван. Стратегическая инициатива на этом направлении была вырвана у противника и перешла к нам.

Через несколько дней меня пригласили в Ставку. Здесь в присутствии И. В. Сталина Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников сообщил о создании Волховского фронта. Его главная задача заключалась в том, чтобы не допустить нового наступления немцев на Ленинград, а затем вместе с войсками Ленинградского фронта разгромить гитлеровцев и освободить от блокады город Ленина. Командующим Волховским фронтом назначался я, начальником штаба — генерал Г. Д. Стельмах. В наступательной операции должен был участвовать и Северо-Западный фронт. Главная роль отводилась Волховскому фронту, который должен был нанести удар по линии Любань — Волосово. Ленинградский фронт своими активными действиями должен был помочь волховчанам. Перед войсками Северо-Западного фронта стояла такая задача: ударив в направлении Старая Русса — Сольцы, отрезать путь отступления немцам.

Наступать нам предстояло по глубокому снегу, в бездорожье, через густые леса и болота. В то время у нас недоставало самолетов, автоматического оружия, средств транспорта и связи, а также артиллерийских снарядов. Но, несмотря на это, войска Волховского фронта прорвали оборону противника и, развивая наступление в обход Чудова, Любани, глубоко вклинились в расположение противника, создавая угрозу для группировки немцев юго-восточнее Ленинграда. Фашистское командование вынуждено было ввести в сражение все резервы, снять войска с других участков фронта, в том числе и непосредственно из-под Ленинграда. И хотя у нас не хватало сил прорваться к Ленинграду, тем не менее в ожесточенных боях гитлеровцы понесли большие потери, израсходовали резервы, созданные для нового наступления, и окончательно перешли к обороне. Опасаясь разгрома группы армий «Север», немецкое командование усилило ее шестью дивизиями, переброшенными из Германии, Франции, Дании и Югославии.

А блокадный Ленинград переживал тяжелые дни. Городу-герою помогала вся страна. Но поток продовольствия и других грузов доходил до Ладожского озера и останавливался. Вот тогда-то и родилась мысль проложить по льду автомобильную дорогу. И 22 ноября 1941 года по этой дороге пошли первые машины.

Артиллерия противника обстреливала дорогу, авиация бомбила ее. Но движение по ледяной магистрали продолжалось. Дорога набирала силу. Ленинградский горком партии направил для работы на ледяной трассе 700 коммунистов; уже через месяц по ней провозилось по 800 тонн грузов в день. Это позволило повысить норму выдачи хлеба ленинградцам: рабочим — на 100 граммов, всем остальным — на 75. Этого было, конечно, недостаточно, но тем не менее спасло тысячи людей от голодной смерти.

С воздуха «Дорогу жизни» тщательно прикрывали летчики Ленинградского и нашего фронтов. На земле постоянно дежурили зенитчики. Вспоминаю один случай. Возле перевалочной станции Кабоны — это на самом берегу озера — стояли зенитные орудия малого калибра. И вот однажды на станцию пошла девятка «юнкерсов» — низко, в плотном строю. Малокалиберное зенитное орудие открыло огонь, и первый же его снаряд попал в ведущий самолет, видимо, в бомбы. Последовал страшный взрыв, от которого погибли еще шесть «юнкерсов». Немцы надолго прекратили налеты, сообщив, что русские применяют новое зенитное оружие невиданной мощи.

Во вторую блокадную зиму Ленинград стал получать жидкое топливо по трубопроводу, проложенному по дну Ладожского озера, и электроэнергию по кабелю с Волховской ГЭС. Эти очень важные работы выполнялись при непосредственном участии члена Военного Совета Волховского фронта полковника Константина Семеновича Грушевого. А охраняла «Дорогу жизни» наша стрелковая бригада Алексея Михайловича Паршинова.

И все-таки положение Ленинграда было тяжелое. Противник стоял у его стен, в городе продолжали рваться снаряды. Необходимо было прорвать блокаду. И вот в ноябре 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования утвердила план долгожданной операции, дав ей кодовое название «Искра».

Прорвать блокаду должны были 67-я армия генерала М. П. Духанова (Ленинградского фронта) и 2-я ударная армия генерала В. З. Романовского, а также часть сил 8-й армии генерала Ф. Н. Старикова (Волховского фронта . Прорыв обеспечивала авиация 13-й и 14-й воздушных армий, авиация и артиллерия Балтийского флота и кораблей Ладожской военной флотилии.

Удар намечалось нанести по Шлиссельбургско-Синявинскому выступу. Здесь расстояние между нашими фронтами было всего километров четырнадцать. Кроме того, севернее Синявина, где были торфяные болота, противник не ждал нашего наступления. Следовательно, можно было рассчитывать на внезапность.

Для уточнения совместных действий фронтов я дважды встречался с командующим Ленинградским фронтом Леонидом Александровичем Говоровым. Последний раз — уже в январе 1943 года, перед самым

Командующий Волховским фронтом генерал армии К. А. Мерецков среди своих солдат.

наступлением. Тогда мы обстоятельно обсудили предстоящие совместные действия, договорились о рубежах встречи.

К прорыву блокады готовились очень тщательно. В ближайшем тылу шла непрерывная учеба. Солдаты действовали применительно к той местности и обороне противника, где им предстояло наступать. Пример подавали коммунисты.

12 января 1943 года в 9 часов 30 минут началась артиллерийская подготовка. По немецким войскам открыли огонь более четырех с половиной тысяч орудий и минометов. Плотность огня доходила до 2—3 снарядов на каждый квадратный метр земли. В 11 часов 45 минут войска пошли в атаку.

Немцы отчаянно сопротивлялись, но наши солдаты упорно шли вперед, и к вечеру 14 января 18-ю стрелковую дивизию генерала М. Н. Овчинникова нашего фронта и 136-ю дивизию генерала Симоняка Ленинградского фронта разделяло всего два километра. Но каких километра! Каждый метр брался с бою. И только 18 января войска обоих фронтов встретились. Пробитый нашими армиями коридор был неширок — всего 8—11 километров. Но кольцо блокады мы прорвали.

В ходе прорыва блокады вспоминается один интересный и важный для последующих боев на советско-германском фронте эпизод. В районе Рабочего поселка № 5 наши бронебойщики впервые захватили опытный немецкий тяжелый танк «тигр», который у немцев проходил испытания и предназначался для штурма Ленинграда. Этот танк был направлен мною на полигон, где изучили стойкость его брони и уязвимые места. Наша промышленность затем создала новые самоходно-артиллерийские установки и снаряды, способные уничтожать «тигров». И когда через полгода фашисты на Курской дуге массированно применили танки «тигр», они не сумели застать нас врасплох. Против «тигров» имелось надежное оружие.

Почти весь 1943 год шла борьба за линии снабжения Ленинграда и за расширение зоны прорыва. Немцы сосредоточивали войска для нового наступления, с тем чтобы снова сомкнуть кольцо голода вокруг Ленинграда. Но мы их упредили. В результате длительных боев немцы понесли столь серьезные потери, что не могли и мечтать о восстановлении блокады.

К началу 1944 года советские войска превосходили противника в людях, вооружении, боевой технике и готовились нанести ему ряд сокрушительных ударов. Первый удар решено было нанести под Ленинградом и Новгородом. Тут наряду со стратегическими соображениями возникала необходимость избавить Ленинград от варварских артиллерийских обстрелов.

Ветераны, участники тех сражений, помнят, сколь нелегкой была эта задача. За два с лишним года оккупации немцы возвели на ближайших подступах к Ленинграду две оборонительные полосы глубиной 6—8 километров каждая.

Населенные пункты Урицк, Красное Село, Ропша, Пушкин, Гатчина, Усть-Тосно, Мга и другие враг превратил в мощные узлы сопротивления, оборудованные дотами, дзотами, разветвленной системой траншей и ходов сообщений.

Под Новгородом немцы создали тоже чрезвычайно мощную оборону глубиной до 60 километров.

Войска трех фронтов — Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского,— Краснознаменный Балтийский флот, авиация дальнего действия и партизанские отряды должны были принять участие в разгроме немцев под Ленинградом и Новгородом.

Подготовка к этой решительной операции началась, по существу, сразу же после прорыва блокады. В Ленинград перебрасывали новые войска, танки, артиллерию, боеприпасы. В тыловых районах, так же как перед прорывом блокады, шло обучение солдат. При этом солдатам Ленинградского и Волховского фронтов командиры и политработники постоянно разъясняли особую важность предстоящей боевой задачи. В успешном снятии блокады с города Ленина сыграла большую роль хорошо поставленная партийно-политическая работа в войсках. Тогда все, от командующих фронтами до солдат, жили одной мыслью: разгромить врага.

К середине января 1944 года все было готово. На Ораниенбаумском плацдарме подготовилась к атаке 2-я ударная армия генерала И. И. Федюнинского. Эта армия, пожалуй, была самой закаленной из войск Ленинградского фронта. Незаметно, под носом у немцев, корабли Балтийского флота сумели переправить целую армию, которая раньше входила в состав Волховского фронта.

В районе Пулкова ждала сигнала 42-я армия генерала И. И. Масленникова. 59-я армия генерала И. Т. Коровникова главный удар наносила в обход Новгорода с севера и вспомогательный через озеро Ильмень по льду в обход Новгорода с юга группой под командованием генерала Т. А. Свиклина.

И вот утро 14 января 1944 года. Долгожданный день! Первыми начали наступление наши войска с Ораниенбаумского плацдарма. Артиллерийская подготовка была очень мощной. По гитлеровцам били орудия не только 2-й ударной армии, но и орудия кораблей и кронштадтских фортов. Когда вслед за танками пошла в атаку пехота, гитлеровцы дрогнули и стали отходить.

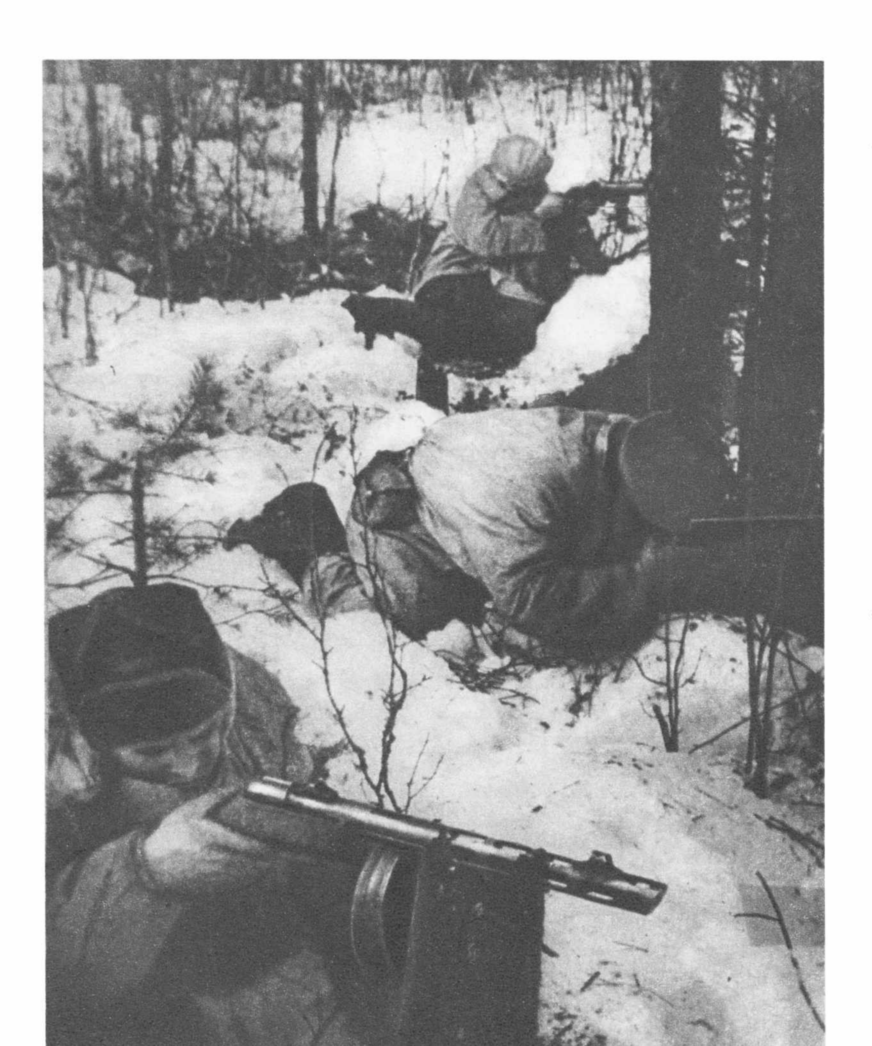
На другой день, 15 января, начала наступать со стороны Пулкова 42-я армия — войска генералов И. П. Алферова, Н. П. Симоняка, И. В. Хазанова. Более тысячи орудий и минометов прокладывали им дорогу через вражеские укрепления. Немцы яростно сопротивлялись, неоднократно переходили в контратаки.

Но их усилия были напрасны. 59-я армия Волховского фронта взломала сильную оборону противника севернее Новгорода и, обойдя его с юга по льду озера Ильмень, к утру 20 января окружила группировку противника в районе Новгорода и штурмом взяла город.

Перешли в наступление и другие армии Волховского фронта. Мощные укрепления немцев под Ленинградом и Новгородом были прорваны. Грохот боя все дальше и дальше уходил от города Ленина. К исходу 27 января 1944 года войска Ленинградского и Волховского фронтов отогнали врага на 70—100 километров. И в тот же день в Ленинграде прогремел салют, известивший о конце блокады.

Великий город, колыбель революции, не дрогнул в страшных испытаниях. Он стоял неколебимо, как Россия!

ГОРОД НА ВОЛХОВЕ

Бой на подступах к Новгороду.
Фото из архива
Центрального музея
Вооруженных Сил СССР.

Господин Великий Новгород, отец городов русских... В войну Отечественную город этот на Волхове фашисты включили в состав «северного вала», «стального кольца» блокады Ленинграда. Освобождение Новгорода 20 января 1944 года облегчило судьбу ленинградцев...

Интерес к тем дням не угасает. Лютый морозный день января 1969 года. На широких ступенях Центрального музея Вооруженных Сил СССР тесно, очень нелегко пробиться к входу. Идут и идут сотни экскурсантов. Сотрудник музея полковник Николай Петрович Ваулин предупреждает нас, что сегодня день у них особенный: прошел четырехмиллионный посетитель. Вот мы в одном из залов музея. С фотографии на нас глядят запорошенные снегом лица солдат. Подпись гласит, что это автоматчики 59-й армии ведут бой в лесу западнее Новгорода. На других снимках — самоходные орудия и танки, пробивающиеся к городу. Усталые, измученные жители Новгорода спешат на родные пепелища.

Каким же враг оставил город? Перед тем как направиться в музей, мы не без удовольствия перелистали десятки проспектов, путеводителей, альбомов о современном Новгороде. Это богатые издания с цветными иллюстрациями, на прекрасной меловой бумаге. Незабываемые архитектурные памятники. В одном из предисловий читаем: «Путешественнику, туристу, экскурсанту Новгород предстает зримо — с прямоугольными силуэтами новых зданий, стрелой телевизионной вышки, шатрами башен и колоколен...»

И вот в музее увидели мы другой путеводитель, тоже по Новгороду, изданный... в единственном экземпляре. В нем вместо стрелы новгородской телевизионной башни узкая стрела, сколоченная из корявых досок снарядного ящика, на стреле слова: «Питательный пункт». И тут же неподалеку фигурка регулировщика с флажком под надписью на стене: «На Ленинград». В том же стареньком путеводителе увидели: под пасмурным небом, среди снежных сугробов множество мертвых тел. Убитые?.. Пригляделись — фигуры, отлитые из металла, 129 фигур, составлявших памятник тысячелетию России. Фашисты спешно распиливали памятник, готовя его к отправке в Германию. Вывезти не успели.

Страница за страницей — сплошь руины.

Мертвый город. Но был ли он действительно мертвым? Маленькая листовка, размером не больше половинки странички ученической тетрадки, раскрывает жизнь Новгорода: «Прочти и передай другому». Изо дня в день распространялись они в оккупированном Новгороде. В листовках говорилось о том, как должны вести себя советские люди в оккупированном городе, были сообщения такого рода: «Бомбим Берлин», и даже частушки: «Скоро красные придут, скоро милый явится. Скоро Гитлеру капут, Геринг сам задавится». Частушки записаны в 1943 году, но они весьма точно предсказали судьбу фашистских главарей.

З. ХИРЕН

Т. Голембиевская (Киев). ВЫСОКАЯ НАГРАДА.

ВСЕСОЮЗНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА «50 ЛЕТ ВЛКСМ».

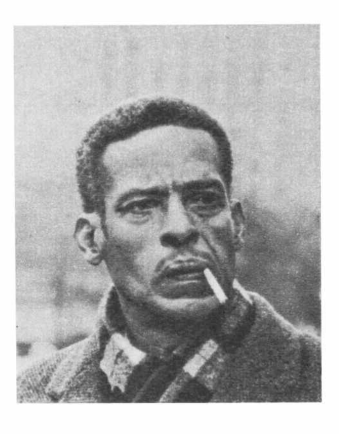

В. Кравченко (Киев). ЩЕДРОЕ ЛЕТО.

Слово о Ленине

Жан БРИЕР,
гаитянский поэт

Ленин... Великий подвиг его жизни, творческий труд, неизгладимый след, оставленный им в судьбах человечества,— вот поистине неувядаемая тема для поэтов всех стран и народов!

Какие бы черты человеческого облика Ленина вы ни вызвали в своей памяти, на какой бы грани его сверкающего ума ни остановилось ваше восхищенное внимание — вас тут же охватывает ощущение безграничной силы, многогранности, многообразия ленинской мысли. Ибо в Ленине нет ничего от «золотой середины», от мелких пропорций обыденного и заурядного. Гений Ленина — явление планетарного масштаба.

Думаешь о Ленине — и в твоем сознании неизбежно встает многовековая история человечества. Не та история, написанная учеными прислужниками богатых для «простого народа», похожая на ленивую реку, текущую между «вечными» берегами. Ленин — живое напоминание об истории, подобной бушующему морю, которая писалась огнем и кровью народных мятежей и восстаний, складывалась в революционных бурях. Эту историю делали люди, вышедшие из недр народа, сумевшие стать его вождями, страстными и в то же время трезвыми наставниками, терпеливыми просветителями и неподкупными друзьями. И величайший из этих подлинных зодчих истории — Ленин.

Прошлые века знали немало выдающихся мыслителей, реформаторов, борцов за высокие идеалы справедливости. Но не всем оказались под силу высокие задачи, которые возлагала на их плечи история.

Галилей не смог завершить дело своей жизни, дело познания механизма Вселенной. Он не смог преодолеть стену мракобесия, которую воздвигла могущественная инквизиция между его новаторским умом и предметом его научных исканий.

Велики заслуги перед человечеством светлых умов эпохи Возрождения, смело ополчившихся на средневековый обскурантизм. Но просветление, которое они принесли людям, не помешало тому, что на смену каравеллам вдохновенного землеоткрывателя Колумба пришли суда работорговцев — плавучие темницы, где в трюмах не переставали звучать горестные стоны закованных в цепи людей, еще недавно свободно певших свои песни под животворным солнцем Африки.

Ян Гус, Кальвин не пожелали вырваться из мертвящих пут веры, они достигли лишь упрощения обрядов богослужения и изгнания из церквей изваянных из камня католических идолов.

Печатное слово — могучее орудие познания, созданное Гутенбергом, очень скоро было превращено в инструмент насилия и порабощения. Мир богатых делал типографские литеры из того же свинца, который шел для пуль против непокорных, а в типографскую краску власть имущие примешали яд лжи, обмана, одурманивания масс.

Энциклопедисты, как и другие философы, лишь объясняли мир, уже чреватый переменами. Они стали провозвестниками идей буржуазной Французской революции, но уже покоились вечным сном, когда Дантон, Марат, Робеспьер тоже на краю могилы пытались воплотить в жизнь начала свободы, равенства и братства. И по их костям промаршировал к единовластию Наполеон Бонапарт, как впоследствии кровавый карлик Тьер — по телам парижских коммунаров, поднявших знамя первой социальной революции.

Впервые история огненными письменами победы отметила Октябрьскую социалистическую революцию в царской России, ставшей после этого Союзом Советских Социалистических Республик. Ленин был разумом, совестью, голосом и руками победоносного Октября. Он и возглавленная им партия большевиков — воплощение замечательного мужества рабочих, крестьян и солдат — мужества без позы и рисовки, черты которого я находил в нынешней повседневной жизни городов и сел Советского Союза, где мне посчастливилось недавно побывать.

Отличие Ленина от социальных борцов прошлого в том, что он не знал страха и колебаний перед злобными силами старого мира, не отступал и не терял воли к борьбе даже после тяжелых неудач и поражений революционных сил. Он и мысли не допускал о линии наименьшего сопротивления в революционной борьбе, глубоко презирал и беспощадно клеймил тех «вождей», которые готовы лишь слегка перекрасить фасад старого строя, оставляя неприкосновенной его эксплуататорскую сущность.

Всю свою жизнь до последнего мгновения Ленин отдал делу освобождения трудящихся. Это была жизнь, до краев наполненная неустанной работой мысли, творчеством, любовью к обездоленным, ненавистью к угнетателям, жизнь труженика, презревшего мелкобуржуазный комфорт, ограничившего свои материальные потребности тем, чем живет простой рабочий. Гигантская революционная работа, начатая Лениным еще на заре века в царском Петербурге, не прекращалась ни в тюрьме, ни в подполье, ни в сибирской ссылке, ни в эмиграции. Октябрьская революция была увенчанием долгих лет скитаний, надежд и борьбы.

Теперь, с победой Октября, Ленину предстояло написать самую важную и блистательную главу великой книги Пролетарской Революции. Он написал эту главу, написал, как ученый, как воин, архитектор, каменщик и как поэт. Вот он стоит перед нами, окруженный внимательно притихшей толпой, в неказистой кепке рабочего, широкими взмахами руки как бы сметая препятствия на пути революции, и голос его — голос трибуна и учителя — доносится от Москвы до жарких степей и морозной тундры. Он прямо говорит людям о муках, в которых рождается новое общество, о тяжелой кровопролитной войне против империалистической интервенции и внутренней контрреволюции. Со всей силой убежденности Ленин говорит, что эта война будет выиграна победившим пролетариатом.

Она была выиграна. Но Ленин хорошо знал повадки империалистических хищников, готовых в любой час снова наброситься на ненавистную им республику рабочих и крестьян. И Ленин зовет народ к охране границ советской земли, еще обескровленной, но уже подымающейся к новой жизни. И в то же время Ленин знает и доказывает всем, что и строительство нового, социалистического общества не терпит отсрочки.

Великий провидец, знаток души людей труда, Ленин знал, что поднять миллионы людей на дело строительства можно лишь одним путем: привить этим миллионам полное и ясное понимание величия их исторического дела. И Ленин неустанно зовет выкорчевывать заросли невежества, очищать жизнь от хлама предрассудков и суеверий, застилающих туманом сознание трудящихся. Ленин настойчиво повторяет ту истину, что в процессе преобразования жизни человек изменяет и свою собственную природу. Ленин стремится вырвать людей из плена старых привычек, помочь им, по образному выражению Чехова, каплю за каплей выдавливать из себя раба. И Ленин, чуждый иллюзий мыслитель и политик, доказывает, что после революции самое трудное дело — уничтожить раба в человеке.

Государственная мудрость Ленина сказалась в его твердом убеждении, что в ногу с политическим укреплением и экономическим укреплением социализма должна идти культурная революция. Ленин утверждает, что именно социалистическая революция широко открыла двери просвещения и культуры для самых широких масс и что быстрый культурный их рост обеспечит огромное ускорение развития социалистической экономики.

Неоценим вклад Ленина в решение самого сложного вопроса культурной революции — вопроса о национальной культуре. Ленин всегда подчеркивал, что перспектива рождения в будущем интернациональной, общечеловеческой культуры, принятая научным социализмом, не только не исключает, а наоборот, предполагает расцвет национальных культур, отливающихся в формы исторического опыта и творческих традиций каждого народа. В Советском Союзе писатели и поэты всех населяющих его народов пишут и печатаются на родном языке, открывая все новые его богатства и творчески его развивая. Мудрое решение Лениным проблемы национальных культур явилось одной из главных предпосылок того радующего и вдохновляющего единства в многообразии, каким является многонациональный Советский Союз.

Ленинский гений, наложивший свой отпечаток на все развитие богатой и многогранной культуры Советской страны, проявил себя и в вопросе о культурном наследии. Ленин настойчиво предостерегал от опасности бездумного перечеркивания культурного прошлого человечества. Он доказывал, что для пользы дела строительства социализма трудящиеся массы должны овладеть всем запасом знаний, достигнутых в эпоху капитализма в области науки, техники, материальной культуры и искусства. Ленин учил, что при этом необходим тщательный отбор, сохраняющий для трудящихся лишь высшие, подлинные достижения культуры прошлого. Все же, что в культуре капитализма несет ферменты загнивания и распада, должно отметаться как ненужный хлам.

Перед народами бывших колоний, совсем недавно завоевавшими независимость, во весь рост стоят такие же задачи в области культуры. Ленин был и остается для них ярким маяком.

Сорок лет я ждал этой встречи с Лениным на его земле, разговора с ним, как с живым. Я мечтал показать ему свои зарубцевавшиеся и свежие раны, простреленные знамена поражений и новой борьбы. И прежде всего — скромный сад своих мыслей, издалека освещенный и согретый светом и теплом ленинского учения.

Ленин — зачинатель подлинного Возрождения человечества, которое распространяется все шире по нашей планете. Оно достигло уже сердца обеих Америк. Живительным воздухом свободы уже дышит Куба, восставшая и победившая, как некогда восставал и народ Гаити, еще ждущий освобождения.

Голос Ленина звучит в наших сердцах.

Ленин будет жить вечно.

Шаги Ленина эхом отдаются в цехах заводов, на пашнях, по мостовым столиц мира. Ибо Ленин был, есть и навсегда останется для людей труда образцом революционного вождя, не склонившегося перед силами реакции и угнетения, примером для новых и новых поколений революционных борцов.

Январь — Апрель

Ашот ГАРНАКЕРЬЯН

По высочайшему,
Видно, праву
Время уносит
В пучину лет
Факты, события,
Чью-то славу
Перечеркнув
И сведя на нет.
Каждому место
Свое укажет
С каменным
Беспристрастьем своим.
Кто-то архивною
Пылью ляжет,
Кто-то из праха
Встанет живым.
Сколько их было,
Имен шумливых,
Канувших в темное
Небытие?
Время разумно
И терпеливо
Дело умеет
Вершить свое!
Щедрые реки,
И те мелеют,
Рушится в бездну
Утес морской.
Но не стареет,
Но не бледнеет
В памяти образ
Вечно живой.
Годы проходят
Мимо, мимо,
Высятся трудных годов
Хребты.
Вижу отчетливо,
Ощутимо,
Вижу родного лица
Черты.
Вот и хочу я
Снова и снова
Сердцем измерить
Его пути,
Чтобы рожденное
В сердце слово,
Словно венок,
К Мавзолею
Нести.

* * *

Играют соки
В стволах березок,
Как молодое вино
В бочонках.
Весны рисунок
И свеж и бросок,
Земля, как бубен,
Тугой и звонкий.
Как будто в бубен
Ударил кто-то,
И звуки льются
Сильней и гуще.
Река бурлива
На поворотах,
Я слышу всплески
Волны бегущей.
Апрель ликует,
Но память сердца
Меня уносит
К далеким го́дам,
И мне теплынью
Не обогреться
Под этим синим
Просторным сводом.
Январской стужей
Весь мир сковало,
Пургой колючей
Сечет ресницы...
Его не стало,
Его не стало!..
День этот горький,
Как вечность, длится.
Апрель ликует.
А я во власти
Январской стужи
Иду навстречу
Тем дням тревожным,
Когда несчастье
Тебе, Россия,
Согнуло плечи.
Не только люди,
Природа в скорби,
Оделась в траур
Как будто тоже.
Казбек вершиной
Синеет, горбясь,
И стало небо
Кавказа строже.

В полярной тундре,
Где след олений
Пурга заносит
В ночи угрюмой,
Жил в каждом сердце
Владимир Ленин,
Тепло с ним было
В холодном чуме.
Тоска настоем
Полыни горькой,
Отравой смертной
Вливалась в души.
Уснули сосны
В полночных Горках,
В окне бессонном
Огонь притушен.
У глаз морщинки
Тесней собрались,
Спина сутулой
От ноши стала.
А мы забыли,
Что есть усталость
Не только сердца,
Но и металла.
Теперь мы молча
Стоим, как братья,
Полыни горше
Тоска такая.
Молчанье это
Звучит как клятва
И как присяга звучит
Святая.
Хоть слов не слышно,
По стуку сердца
Друг друга слышим
В молчанье этом:
Его богатство,
Его наследство
Как дар бесценный
Прими, планета!

* * *

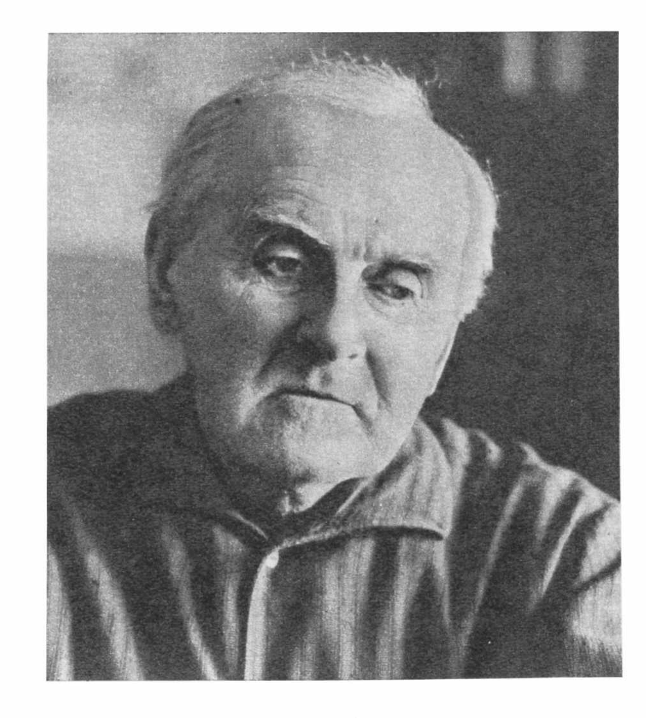
Весенний ветер
Над всей планетой,
И синевою сверкают дали.
Все больше красок,
Все больше света,
Добрее люди
Сердцами стали.
Апрель ликует...
А я во власти
Январской стужи,
Иду навстречу
Тем дням тревожным,
Когда несчастье
Тебе, Россия,
Согнуло плечи.
Смотрели лица
Мертво, угрюмо,
Зима дышала
Большой бедою...
Я был мальчишкой.
Я разве думал,
Что он моею
Станет судьбою?
Что каждый вздох мой
И взгляд мой каждый
Высокой меркой
Я буду мерить.
Его любовью
И вечной жаждой,
Его желаньем
Творить и верить.
Не знал, что буду
Грустить до дрожи,
Смотреть влюбленно,
Смотреть счастливо,
Когда увижу
Шалаш, похожий
На тот, который
Стоял в Разливе.
Не знал, что буду
Молиться свято
Не богу в небе
И не иконам —
Симбирским рощам,
Симбирским хатам,
Приволжской шири,
Приволжским склонам.
Сквозь жизни замять
Пробилась память,
И я, мальчишка,
Худой и хмурый,
Портрет увидев,
Сверлил глазами
Разрез особый
Тех глаз с прищуром.

Я знал — он русским
Был человеком,
Но скулы
Чуть выдавались будто,
Как у таджика
Или узбека,
Как у калмыка
Или якута.
Как будто это
Лицо вобрало
Многообразье земли
Российской.
Во всем, что делал,
В большом и в малом,
Он всем казался
Родным и близким.
А я, мальчишка,
Птенец бескрылый,
В те дни не ведал
И в малой доле,
Какой могучей
Владел он силой,
Каким железным
Упорством воли.
Смотрел пытливо,
Смотрел тревожно,
Рассудком детским
Не понимая,
Что мир продажный,
Гнилой и ложный
Он опрокинул,
Друзей сзывая.

* * *

Бывают
Вдохновенные мгновенья,
Минуты озарения,
Когда
Через всего тебя
Проходит Ленин,
Как ток проходит
Через провода.
И вырастают за плечами
Крылья,
Тебе неведомы
Тоска и страх.
Душа поет,
В ней нет следов
Бессилья
И Прометеевый огонь
В глазах.
По-ленински ты тверд
В своем решенье,
По-ленински широк
В больших делах.
И ты познал
Его ученье,
И словно ты обрел
Его размах.
Пусть это длится
Не одно мгновенье,
Ты не отступишь,
Не боишься ты:
С тобою дар
Проникновенья
И чувство глубины
И высоты.
И нет для нас
Желания дороже:
Летишь ли в космосе,
Сидишь ли над строкой,
Быть хоть слегка
На Ленина похожим,
Хотя бы малой
Черточкой одной.
Мы в дальний путь идем
Во всеоружье,
И все видней нам
На путях больших,
Что нелегко лепить
Людские души,
Сияньем новым
Озаряя их.
Мы души собираем
По крупицам,
И сердце с веком
Станет биться в лад,
Когда соединятся
Те частицы,
Что образуют
Твой глубинный клад.
Ту россыпь драгоценную,
Которой
Наполнится
Созревшая душа,
Чтоб стать твоею
Прочною опорой,
Все мелкое,
Ничтожное круша.
В глухой тайге
Уже гудят антенны,
Электровозы
Под землей гудят.
Сверкают бронзой
Метрополитены,
И спутники
К другим мирам летят.
Меняется извечное
Теченье
Строптивых
И неукротимых рек.
Все глубже,
Все возвышенней
Значенье
Заманчивого слова
ЧЕЛОВЕК.
По тем путям,
Что были им намечены,
Еще идти придется
Долго нам...
Но все равно
Пойдет все человечество
По этим неисхоженным
Путям.
Над всей землей,
Тревожно раскаленной,
Над бесконечностью
Морей и стран,
Горит маяк,
В счастливый час
Зажженный,
И людям в руки
Верный компас дан.

Ростов-на-Дону.

КАПИТАН ПЕРВОГО РАНГА

Сквозь стекла широкого окна видна Нева. Черная решетка Летнего сада на том берегу, побелев от инея, светлым кружевом легла на серые деревья. Нет, не проплыть здесь сейчас кораблям: крепок мороз и крепок лед. Правда, иногда взметнется над ширью реки снежок и покажется на миг, будто белоснежный фрегат расправил призрачные паруса.

Борис Павлович Новицкий отрывается от работы. Три раза в год он, как бы принимая парад, видит военные суда на Неве. Прямо перед его окнами в мае, июле и ноябре встают корабли Балтфлота. Корабли, которым отданы сорок лет жизни, нет, вся жизнь. Их нет сейчас на реке. Но не расстается с ними старый моряк. Вокруг него стоят на якорях и лихо вспарывают волны кокетливые яхты и грузные дредноуты, острогрудые бриги и гордые броненосцы. Корвет мчится наперегонки с эскадренным миноносцем, а крейсер идет в пеленге со сказочной бригантиной.

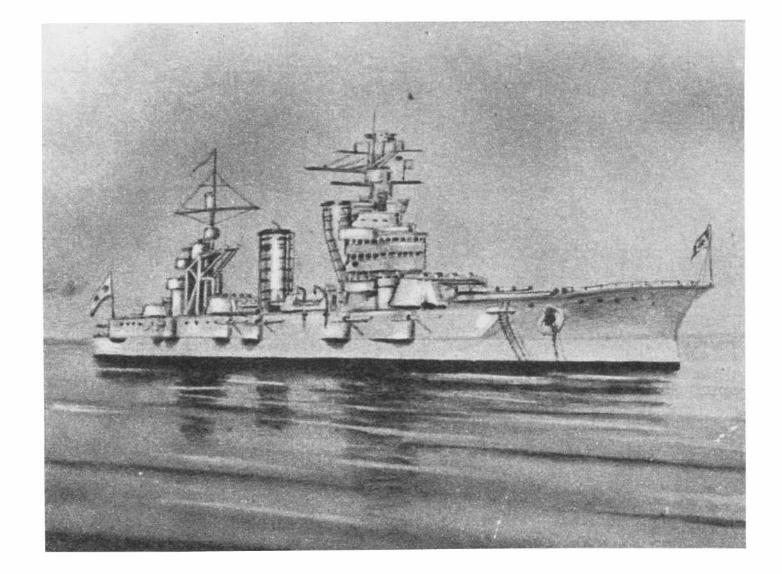
Еще мальчиком в реальном училище он радовал учителя рисования своими успехами, но сына адмирала заманило море, да так и не отпустило. Только спустя сорок лет, уйдя в отставку, вернулся «кафедральный архиерей» (так в шутку он называет свою последнюю должность начальника кафедры одного из учебных заведений ВМФ) к любви своей юности, и вот уже пятнадцать лет плывут по стенам его квартиры корабли. Флот все растет. Сейчас в его составе 850 единиц. Мы просматриваем рисунки, а хозяин сетует, что не может показать все: многие его работы увезли на очередную выставку.

Многолетний опыт, великолепное знание истории и техники судостроения, большая любовь и убежденность в необходимости своей работы помогли Борису Павловичу создать эту, пожалуй, единственную по полноте коллекцию рисунков кораблей русского флота.

Г. МАКАРОВ

Капитан первого ранга в отставке Борис Павлович Новицкий.

Краснознаменный линкор «Октябрьская революция».

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

Эх, птица-тройка

Перед строгими взорами судей.

Птица-тройка... А сегодня их здесь пронеслась целая стая. Быстролетные красавцы с горящими глазами, мчались они вразлет сквозь взметнувшуюся искристую пыль прокаленного морозом снега.

Им пришлось порядком постараться, показать всю свою стать, слаженность и резвость. Еще бы! Ведь авторитетная судейская комиссия должна была решить: какая тройка наилучшая во всей России.

Победили и стали чемпионами три тройки: даже главные знатоки — специалисты — не смогли кому-либо отдать предпочтение.

В дни фестиваля «Русская зима» на ВДНХ все тройки, участвовавшие в смотре, потрудились на славу, катая гостей. А желающих испытать острые ощущения оказалось немало — десять тысяч гостей со всех концов нашей страны да три с половиной тысячи «из-за моря» — представители двадцати стран. И ни один не остался равнодушен — все унесли с собой это необыкновенное чувство скорости, красоты, очарование русской зимы во всей ее богатырской прелести.

Один из чемпионов — вороная тройка ВДНХ кучера И. К. Зуботарева.

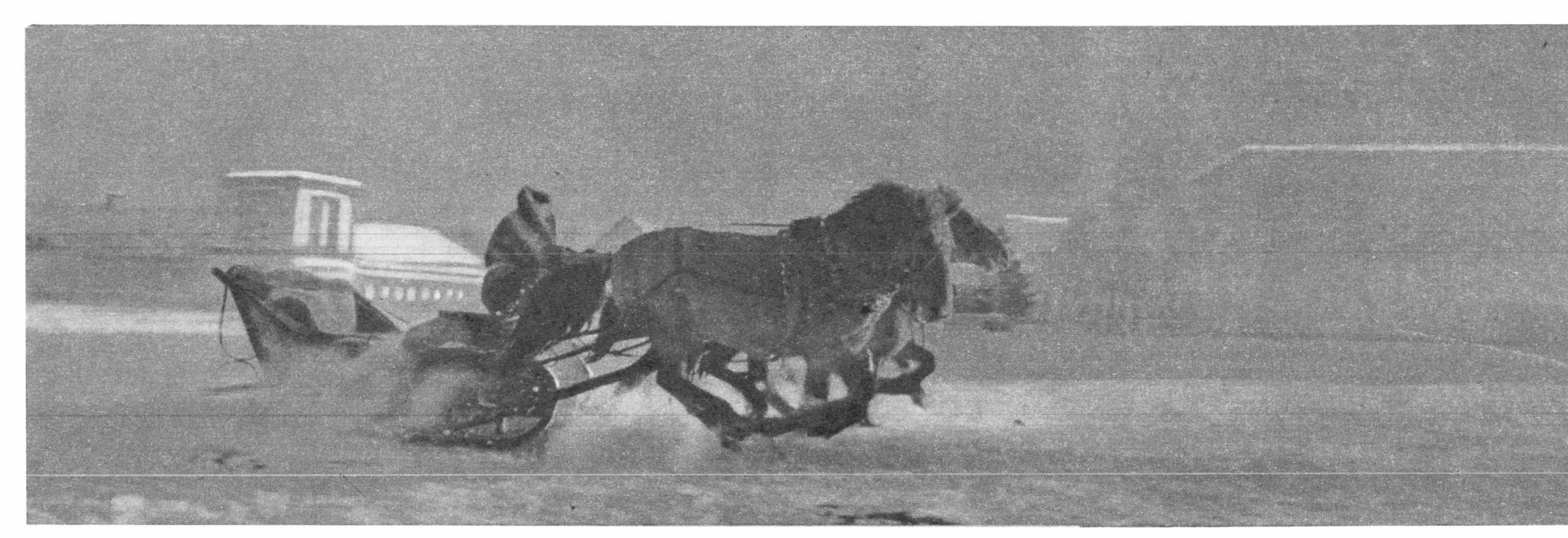

После смотра... катание болельщиков.

Слишком много конкурентов!

Кому отдать предпочтение!

Вот это прыть!

Много, много люблю вас...

В. РОСЛЯКОВ

Рассказ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

— Господин Кондратов, господин Кондратов! — Она смотрела на меня пьяными прекрасными глазами, и я сказал:

— Отстаньте вы со своим «господином».

Мы сидели в дешевом бухарестском ресторанчике. Зал был уже под градусом, все вокруг нас гудело на хмельном, непонятном языке. Мое место было у стены, так что весь этот пьяный гвалт вливался мне в правое ухо, левым я мог слушать Санду, сидевшую напротив, тоже у стены.

— Васька, можно так, Васька? Я много, много люблю вас...

Рядом с Сандой грустно улыбался мой друг Тадеос, армянин с тонким лицом, тонким же носом, хорошо приспособленным для крупных очков. Сквозь слоеные стекла, как сквозь объективы кинокамер, Тадеос смотрел немного грустно и загадочно. По левую руку Тадеоса хохлилась взбитой прической маленькая Лиля, наша переводчица. Справа от меня сидел с очень молодой лысиной румын, терпеливый друг Санды.

— Это есть замечательная ресторация,— сказала Санда,— демократична. Здесь пьют хорошие люди. Видите в углу, на своем месте, пьет большой майстер, драматик. Хороший человек, много талантливый.

Сначала выпили мы за мир-дружбу, за нашу маленькую Лилю, за Санду («О, господин Кондратов, за меня не надо, я нехорошая!»), за Тадеоса, за румына с молодой лысиной, также и за меня. Потом стали пить обыкновенно, ни за что, пили и закусывали сыром и мясом. Румын пил молча и преданно. Тадеос грустно улыбался и рассказывал смешные истории, от которых хохотала маленькая Лиля. Санда быстро пьянела, перед каждой рюмкой предупреждала: «О, мне будет достаточно!» — выпивала и закуривала новую сигарету.

— Васька,— сказала Санда и поставила локти на стол, подалась ко мне. Глаза ее были темными и влажными, губы горько улыбались.— Я очень много, Васька, люблю вас, я хочу рассказывать вам одну историю. Можно, Васька?

Санду я видел один раз в редакции журнала, где она сотрудничала. Смуглое личико, заметное, глаза притомленные, большие, темные, блузка с подвернутыми рукавами и мини-юбочка выше круглых коленок. Ни девочка, ни женщина. Сейчас лицо ее сделалось расслабленным, безвольным и не таким юным. Через стол она притронулась к моей руке, чтобы я придвинулся поближе. Глаза ее наполнились усталым светом, смотрели на меня в упор.

— История, Васька, про мою любовь. Я люблю одного человека, большого человека, вашего, советского. Я была тогда маленькая и много красивая, учила гимназию.

— Училась в гимназии.

— Правильно, Васька, училась в гимназии. Мой папа был большой юриспрудент в нашем городе. Папа и мама имели меня одну и любили меня. Ты знаешь, Васька, тогда была война, и ваши пришли в наш город. Папа никуда не убежал, но все-таки он боялся вас. Ваши солдаты изъяли у нас приемник. Папа нехорошо говорил, но он боялся. Я никого не боялась. «Папа,— сказала я,— ты не пойдешь, я пойду пожаловаться».

Лиля хохотала. Тадеос говорил ей что-то про нас с Сандой, косил в нашу сторону своими объективами, и Лиля опять хохотала.

— Что вы зашептались? — сказал мой друг Тадеос.— Не пьете и нарушаете гармонию.

Санда, не поднимая головы, отмахнулась ручкой и продолжала свой рассказ:

— Я оделась, Васька, хорошо и пошла искать советский комендант. Я совсем никакого русского языка не понимала. Солдат говорит, и я говорю, и мы никак не можем понять. Я сказала «комендант», и солдат улыбался и пропускал меня. Совсем тихонечко я открыла двери и так вошла. Он сидел за столом, Васька, такой русский капитан, лицо такое, глаза. Ты не поверишь, Васька, сердце у меня так остановилось немного, и я забыла, что пришла на жалобу. Я много покраснела. Сначала он не посмотрел на меня, он писал какую-нибудь бумагу. Сначала поднялась собака, она сидела на полу, справа от капитана. Собака была, как маленькая лошадь. Она поднялась на передние ноги и посмотрела на меня. Потом капитан сказал: «Пальма» — и тоже посмотрел на меня. Я еще не знала, что он будет Леонид Николаевич и что я буду много, много любить его. О, Васька, как много я любила его! Никогда уже больше так не любила. Я хочу, Васька, выпивать за Леонида Николаевича.

Я налил Санде и себе. Мы выпили за Леонида Николаевича, русского капитана. Лиля бросила к нам бумажную салфетку. На ней был рисунок: Санда и я длинными носами упирались друг в друга через стол, заставленный бутылками и рюмками.

— Ха,— сказала Санда,— это не совсем так смешно,— и снова наклонилась ко мне.

— Капитан смотрел на меня, а я думала — это бывает так, Васька,— думала, что это мой капитан и что ему хорошо смотреть на меня. Я была красивая, смуглая девочка с бантиком на волосах, в белой такой кофточке. Он улыбнулся тогда, и я немножко улыбнулась ему. Он сказал, и я ничего не понимала. Тогда он сказал еще по-русски и еще по-немецки, и я вспомнила, зачем пришла, и сказала по-немецки.

Он хотел, чтобы я села, но мне было так хорошо, что он смотрит на меня. Я никогда еще не знала, как хорошо смотрит и смущается взрослый мужчина. Я не хотела садиться, Васька, я хотела, чтобы он смотрел на меня и много смущался. Это было так, Васька.

Санда говорила тихо, чтобы не слышали другие, старалась говорить спокойно, но лицо ее и глаза переживали все до капельки из того давнего, незабытого, жившего в ней все эти уже немалые годы. Лицо переживало, глаза менялись, то уходили куда-то от меня, то приближались ко мне, старались заглянуть в мои глаза, блуждали по моему лицу и немножечко смущали меня.

— Леонид Николаевич сказал, что сделает все, найдет солдат и найдет приемник. Сказал, чтобы я зашла завтра. Спросил, как зовут меня, и сказал, что его зовут Леонид Николаевич. Он поднялся и проводил меня до двери и подал руку. Моя рука совсем пропала в его ладони, и я тоже в ответ немножко пожала его большую и такую теплую руку. Сердце у меня хотело сильно выскочить от радости, и я очень быстро как будто полетела домой, но потом испугалась, что мама и папа сразу узнают, как это со мной случилось что-то. Я бегала туда и сюда, но были всегда люди, а мне хотелось, чтобы никого не было. И никуда я не могла деваться, пришла, что-то сказала и запряталась в своей комнате. Сначала бросилась на постель, обнимала подушку и так сладко плакала и смеялась, как будто голова моя сходила с ума. Потом поднялась и села за столик и зачем-то взяла чистую тетрадку. Что-то со мной делалось, и что-то мне хотелось, а я не знала что: или мне сочинять что-нибудь хотелось, или замуж. Даже, Васька, я правду говорю, почему-то живот мой как-то непонятно так холоднел. Как долго протянулся вечер и ночь! Я все ждала, когда будет утро, чтобы звонить Леониду Николаевичу. Утром я позвонила, и он сказал, чтобы я приходила. Я как будто прилетела, и мы разговаривали с Леонидом Николаевичем. Он знакомил меня с Пальмой, и я гладила ее по голове, а она смотрела совсем как Леонид Николаевич. Я разговаривала с Пальмой на румынском языке, а Леонид Николаевич работал и, когда отходил от работы, очень хорошо смеялся, говорил, что Пальма уже понимает по-румынски, а он еще не понимает. Такая, Васька, была война, и был Сталинград, и был такой большой Советский Союз, и теперь большой такой капитан Леонид Николаевич улыбается мне, и я его уже любила совсем непонятно и нежно. И я никак не хотела уходить и много завидовала Пальме.

Нас уже никто не мог вернуть к общему разговору. Тадеос выпил всю свою цуйку, рассказал все свои истории и теперь с помощью Лили изучал румынский язык. Румын терпеливо молчал. Мы выпили с Сандой плиски и снова склонились над своими рюмками и тарелками.

— Васька,— сказала Санда,— какое это было несчастье, когда нам привезли приемник! Леонид Николаевич сам привез, извинился перед папой и перед мамой, а я все смотрела на папу и на маму. Мне хотелось, чтобы он понравился. Я видела, что Леонид Николаевич им понравился, но они ничего, ничего не знали. Леонид Николаевич что-то сказал обо мне, и я боялась, что сделаю что-нибудь непонятное, подбегу к нему и буду его обнимать или плакать. Я очень боялась.

Это было несчастье, Васька, что приемник вернулся так быстро. Зачем же теперь я приду к Леониду Николаевичу? А я уже не могла, чтобы не видеть его. Каждый день я ходила по улицам, и смотрела на солдат, на машины, на все военное, и все любила, все мне показывалось Леонидом Николаевичем. Он мне показывался кругом, но его нигде не было. Есть ничего не хотела, сидеть дома не могла, ходить не могла, жить не могла. И один раз позвонил телефон, и я узнала его голос. Он сказал: «Саня»,— и я заплакала в телефон, а он говорил: «Саня, Саня...» Он говорил, что они с Пальмой скучают и все время ждут Саню, но она не приходит, она их не любит. Тогда я бросила трубку и побежала. Я обнимала Пальму и плакала. Леонид Николаевич поднял меня на ноги, и поставил перед собой, и тогда поцеловал по моим слезам, в мои глаза. Я положила к нему голову, и сделалась совсем маленькой, и хотела, чтобы он пожалел меня. Мы так стояли, и Леонид Николаевич держал руками мою голову, а его ордена были холодные, и я прикладывала к ним губы и щеку и немножко успокаивалась. Ох, Васька! Сколько я любила его! Столько уже никогда не любила. Он тоже много любил меня и много жалел. Мы ездили за город. Я приходила к нему всегда, каждый день. Я сказала: «Леонид Николаевич, если я сделаюсь женщиной, мой папа убьет меня». И он меня жалел. Я была совсем глупая и думала, как прекрасно все, как прекрасно, что война, что солдаты погромили немцев, что пришли в наш город, что взяли приемник, чтобы я увидела Леонида Николаевича. Я не думала, что война — это война и что Леонид Николаевич может уехать или его могут еще убить. После ранения он стал комендант, но его опять могли посылать в бой. Ничего не думала. Я была самая счастливая на свете. Один раз я пришла, и Леонид Николаевич был очень грустный и говорил мне, что его посылают в другой город. «Как же я буду без

тебя, Саня?» — так он сказал. И я много, много целовала его и жалела. Я не знала, что его давно уже ругали и предупреждали за связь с румынской девочкой — со мной. А Леонид Николаевич говорил: «Можете наказывать меня, но я люблю ее больше жизни». И его наказали и послали в другой город. Ох, Васька, как нам было невозможно расставаться, как невозможно! Я осталась одна, и совсем пропала, самая несчастная девочка на свете, черная, худая, как последняя собака. Но Леонид Николаевич любил меня, и позвонил из соседнего города, и не послушался своих начальников, приезжал ко мне, и я приезжала к нему. Потом кончилась война. И он уехал совсем. Уехал домой, в Советский Союз, в город Ленинград. Все радовались, что война закончилась, а я плакала и не хотела больше жить. Я попала в больницу, но никак не умерла. Леонид Николаевич успел еще приехать в больницу, но его не пропускали ко мне, передали маленькое письмо. «Саня, родная моя девочка, всю жизнь буду любить только тебя».

Прошло двадцать лет. Двадцать лет, Васька...

Санда передохнула, достала из пачки «Адмирал» сигарету, закурила. Мы выпили еще по одной.

— Сколько было Леониду Николаевичу? — спросил я.

— Леониду Николаевичу было сорок лет. Я никогда не называла его Леней. Только теперь про себя называю. Когда он уехал, я хотела забыть его, пробовала замуж выходить, но Леонид Николаевич никуда не уходил от меня, и так любить я не могла уже никого. Каждый год я хотела ехать в Советский Союз. И прошло двадцать лет, когда я приехала в Ленинград.

Напротив гостиницы было справочное бюро. Я сразу прибежала туда. Знаешь, Васька, сколько в Ленинграде справочных бюро? Я знаю. Сто шестьдесят три. Потому что с этого начинается целая мистика, но это правда, Васька. Там сидела такая дамочка, и я спросила адрес Леонида Николаевича. Дамочка сказала: «Вы Санда?» И я подумала, что моя голова помешалась. Я спросила, сколько справочных в Ленинграде, и дамочка сказала, что она живет в одном с ним подъезде. Она странно так на меня смотрела, а я быстро убежала к Леониду Николаевичу, совсем ненормальная. Вот уже улица и номер дома семнадцать. Я открыла дверь подъезда. Там горела лампочка, и я остановилась. Посчитала, как сердце стучит. Потом позвонила.

— Леониду Николаевичу было уже шестьдесят? — спросил я Санду.

— Ох, Васька!..— вздохнула Санда и притронулась пальцами к моей руке.— Я позвонила, и вышла женщина, волосы, как тогда, закрученные. Я так и узнала ее. Она приезжала к Леониду Николаевичу. И Пальма вышла. «Я пришла,— говорю,— к Леониду Николаевичу». Она говорит: «Никакого Леонида Николаевича здесь не живет». «Как не живет? Вы же Лариса Ивановна, и вот Пальма». «Никакая я не Лариса Ивановна, а собаки так долго не живут, это дочь Пальмы». Она говорит: «Леонид Николаевич жил здесь, но он умер десять лет назад». Я совсем не упала, а прислонилась спиной к лестнице. «Вы неправду говорите»,— я сказала. «Если вы пришли к Леониду Николаевичу, идите на Волково кладбище»,— сказала женщина. Она не хотела признаваться, что она Лариса Ивановна, и закрылась за дверью. Я опять бежала. Люди показали мне, как находить Волково кладбище. Уже ночь была, у вас праздновали Новый год, и на кладбище гуляли девушки и ребята. Я просила их находить могилу Леонида Николаевича. Они много искали и ничего не нашли. Тогда я пошла не по дорожке — пошла прямо в большой снег. Провалилась в снегу, и шла, и прямо пришла, и читала на камне, что под ним лежит мой Леонид Николаевич — правильно, лежит десять лет. Я упала на снег, на его могилу и стала по-румынски разговаривать и плакать. Стала звать его: «Леонид Николаевич, Леонид Николаевич...» Потом эти ребята и девушки нашли меня и увели. Так, Васька, было. На другой день я звонила Ларисе Ивановне и сказала, зачем она не признавалась и со мной поиграла, как детским мячиком. Лариса Ивановна сказала, что «он любил только вас и даже перед смертью называл только ваше имя, и я вас ненавижу, вы загубили мою жизнь», и не захотела со мной разговаривать. Это правда, Васька, что собаки так долго не живут?.. Теперь, Васька, когда приезжают русские, когда я вижу русского, сердце у меня болит, и я вижу Леонида Николаевича и люблю каждого русского. Васька, я много, много люблю вас...

Мы вышли из ресторана. Над Бухарестом стояла теплая ночь. Где-то далеко блуждал огонек такси. С первой машиной мы отправили Санду и ее друга. Еще не захлопнулась дверца — Санда выскользнула из такси и, спотыкаясь, бросилась к нам на мостовую, схватила меня за руки и не хотела отпускать.

— Васька,— заплеталась она языком и плакала,— я не могу отпускать тебя, Васька...

Мы с румыном взяли Санду под руки и отвели в машину, сами ушли пешком. Улицы были безлюдны. На востоке, за каменными глыбами, сочился рассвет. Спал мой молодой друг Петру Попеску, спал Бухарест и видел свои сны. И далеко, на моей родине, на Волковом кладбище, спал вечным сном Леонид Николаевич, русский капитан.

Начало смотри на стр. 1.

новалась тетя Паша, когда подносила тарелку супа Ленину — а вдруг скажет: «Плохо!»

Владимир Ильич сел вместе со всеми за стол, взял ложку. И первое и второе — запеканку — отведал. На третье компот был.

— Как обед? — обратился он к ребятам.— Хороший или плохой? Нравится вам или нет?

— Нравится,— послышалось нестройное.

— Так что́ надо сказать тете Паше?

— Спасибо, тетя Паша! — весело прогорланили дети.

С тех пор ребята кричали ей «спасибо» каждый день.

Говорят, что все в точности так и было. Сама Прасковья Васильевна Грачева подтверждает. Я нашла ее в Новом Сиянове. Оно бок о бок со старым. В Сиянове — о котором много лет назад писал Ленин. «Насчет электрического освещения в Горках: ко мне поступило заявление еще от деревни Сияново (переслали ли вам?)...» — беспокоился Владимир Ильич о крестьянских делах и 18 января 1921 года направил записку управделами СНК.

Живет тетя Паша в просторном доме под старыми рябинами. Много весен подряд, уж и счет им потерян, гнездились на рябинах грачи, а тот красный день всегда перед ее глазами, будто вчерашний. Вот только запамятовала, что стало с тем мальчонком, которого привел Ленин. «Хворый был, не то в лазарет его отправили, не то в санаторию». А других детдомовских ребят помнит, особенно Скокиных, брата с сестрой. «Коля был повзрослее, и завхоз, когда отправлялся за покупками, все его с собой прихватывал, и приноровился парень хозяйствовать, видать. Колхоз сколачивал, а последние годы заместительствует в Ямском совхозе, аккурат по хозяйственной части. Сестренка его Таиса — ее еще к Ильичу в Большой дом на елку с другими малыми ребятами звали — тоже вышла в люди. Училась, а сейчас работает в Москве».

Старушка включила настольную лампу, потрогала батарею под окном: тепла ли? Надела очки, взялась за спицы. На террасе хлопнула дверь. Владимир, сын, с невесткой пришел. Работают они оба — надо же, чтобы так тесно все переплеталось, и люди и время! — в парке Дома-музея В. И. Ленина в Горках. Озеленители. Берегут деревья, которые любил Ильич, следят, чтоб не заросли любимые Ильичем тропинки.

Тети-Пашина внучка, черноглазая Надя, бегает в школу, которая вот она, через два дома, вплотную подступила к деревне Сияново. В той же школе учились и сыновья тети Паши. Отзывается старушка о школе с большим почтением: «Не такая, как все. Вдоль шоссейки раскидалась на добрый километр. Богато там учат. Надюшка наша третью осень поиностранному пишет и на ритмы ходит. Ну, где такую школу сыщешь? И зовется-то как: «Памяти Ленина». А все от нашего Детдома пошло. Живехонек стоит, не видели?»

Вот и замкнулся круг — снова Детский дом. Пойду к этому Дому и я, может быть, и мне он что-нибудь расскажет?

«ШКОЛА У ВАС, КАЖИСЬ, ХОРОШАЯ...»

Старое, загруженное грохочущими ЗИЛами, молоковозами и пригородными автобусами Каширское шоссе. У первого поворота, на взгорке, голубая стрела указателя: «Дом-музей В. И. Ленина». Все так, как и писал о дороге в Горки Владимир Ильич: «...взять первый поворот налево»... Пробежав от центра Москвы десятки верст, 513-й автобус сворачивает на тихое, будто аллея, шоссе. Где-то там, в дремучей синеве уснувшего в снегах парка, светятся прохладной белизной колонны и золотистый портик — силуэт здания, бесконечно дорогого миллионам людей. Остановка. А мы едем дальше. Еще метров двести вдоль парка, и водитель снова притормаживает: «Школа».

Шоссе уперлось в бетонную ограду, и ему пришлось растечься надвое. Тут живут, тут учатся дети. За оградой — корпуса, слева их поменьше, справа побольше, и один другого красивее. Особенно то двукрылое здание, которое как большая светлая птица в полете. На груди ее — даже видно отсюда, с шоссе,— изображен Ленин во весь рост.

Десятиклассница Оля Щедрова, дочь доярки экспериментальной базы (мать ее тоже здесь училась), пригласила нас в школьный музей.

— Вы спрашивали о Детском доме,— вошла в роль экскурсовода Оля.— Но до него была еще детская площадка. Мы очень дорожим всем, что с нею связано. Обратите внимание на документ первый.

На стенде — портрет и рассказ Александры Николаевны Колосовой, учительницы Ямской школы (Ям — следующее за Горками село по Каширскому шоссе). Переносят нас эти экспонаты в третью весну Советского государства.

«Как-то раз в подполе я перебирала картошку. Вдруг слышу, кто-то спрашивает учительницу, дома ли она. Как есть, в чем была, с грязными руками я вышла на крыльцо и очень смутилась, увидев Н. К. Крупскую и М. И. Ульянову. «Извините, товарищ, что мы вас побеспокоили,— сказала Надежда Константиновна.— Но у нас к вам важное дело. Владимир Ильич слышал хорошие отзывы о вас и просит организовать в Горках летнюю площадку для детей местного населения...»

Чтоб понять и соизмерить значение этого, казалось бы, не столь уж масштабного эпизода, невозможно не вспомнить 1920 год и то, что тогда было: война, голод, разруха. Лежат в развалинах домны, поросли бурьяном шахты, скособочились на путях разбитые паровозы... Но Ленин далеко смотрел вперед, мечтал об электрификации России. И вдруг в тот напряженнейший период становления государства, потребовавший огромной затраты энергии и сил, вождь вспомнил о горсточке истощенных, разутых ребятишек подмосковной деревни...

Надо ли говорить, как горячо взялась за дело Александра Николаевна Колосова! Еще весной в деревянном доме, что стоял в роще, на берегу Пахры, по соседству с северным флигелем, в котором сначала жил Ленин, была открыта детская площадка.

— Вот этот дом,— показывает Оля Щедрова рисунок и макет дома.— Его сейчас нет. На том месте стоянка экскурсионных автобусов, приезжающих в музей. Помещение, вероятно, не отапливалось.

Вот что дальше писала Колосова:

«Когда началась осень, дети не хотели уходить с площадки, плакали, просили их оставить. Я рассказала об этом Владимиру Ильичу. Он обещал помочь нам. И вскоре детям было подыскано двухэтажное здание, которое назвали Детским домом. Дети здесь жили постоянно, а учиться ходили в школу в Ям».

— В 1925 году в Детском доме по инициативе Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой, в память о Владимире Ильиче,— продолжает Оля,— была открыта школа-интернат. Называлась она «ШКМ» — школа крестьянской молодежи. Было в ней всего три класса — пятый, шестой и седьмой. Ее первый учитель Петр Ильич Новиков проработал в школе тридцать с лишним лет. Мы его разыскали. Сейчас он живет в Москве, совсем уже старенький. Он передал нам свои воспоминания о первых годах жизни нашей школы, о том, как ей помогали родные и близкие Владимира Ильича. Записали мы рассказы и учительниц, на уроках которых бывала Надежда Константиновна. Еще при ней наша школа стала обычной десятилеткой.

Теперь посмотрим Детский дом в «натуре»,— предложила Оля. Повела нас сначала по асфальтовой дорожке, потом по ступенькам вниз, через овраг, через живописный мосточек над замерзшим ручьем, через рощу, сад и теплицы к старому, самому первому школьному дому. Вот этот золотистый, в два этажа, кажущийся теперь совсем небольшим флигель, названный Детским. Где та дверь, в которую входил в кухню к тете Паше Владимир Ильич? Где та самая кухня?

— Говорят, что когда-то, еще до Рейнбота, бывшего губернатора Москвы, владевшего имением,— комментирует всезнающая Оля,— тут жила жена миллионера Саввы Морозова. Потом был Детский дом. Потом открылась наша школа. Когда ей стало тесно, в 1936 году выстроили трехэтажное каменное здание. В нем теперь начальные классы...

Оля показала на сверкающий широкими окнами корпус.

— Однако после войны и этих двух домов оказалось мало.— Она вполне освоилась с ролью историка-экскурсовода, тем более что эта должность близка к профессии, которую она избрала. Щедрова собирается поступить в педагогический вуз, стать историком.— В 1958 году началось новое большое строительство, и тогда получилось все у нас так, как сейчас. А в Детском доме Октябрь Викторович, наш директор, собирается создать мемориальный музей Крупской и поставить перед ним памятник Надежде Константиновне. Как это будет замечательно, правда?

На следующий день наш гид с голубыми бантами в косах водил нас по своей школе. Мы успели заглянуть в два учебных корпуса с прекрасно оборудованными, с истинной щедростью и широким научным размахом, кабинетами; к концу дня забежали в мастерские по труду, в автомобильные и тракторные парки, расположенные в отдельных помещениях. Торопились! Хотелось побывать в самом большом «крылатом» здании. Тут интернат. В нем живут триста мальчиков и девочек, приехавших из отдаленных сел и районов Московской области и других городов. Тут пионерский кинотеатр. Тут настоящая музыкальная школа. Школа в школе! Со всеми полагающимися быть в ней классами, от аккордеона до фортепиано. Тут, наконец, изостудия...

Вечером Оля покинула нас, заспешила в читальный зал, на лекцию о «Фаусте» Гете. А мы поймали по пути директора школы и заведующего педагогической лабораторией Института общего и политехнического образования Академии педагогических наук СССР. Октябрь Викторович Знаменский соединяет эти две должности. Дело в том, что школа — давно уже экспериментальная база академии. Ее сотрудники, ученые и аспиранты, здесь не случайные посетители, а работают постоянно, по строго продуманному плану. Обобщают накопленный опыт, ищут крупицы нового, чтоб повторить их потом многократно в других школах.

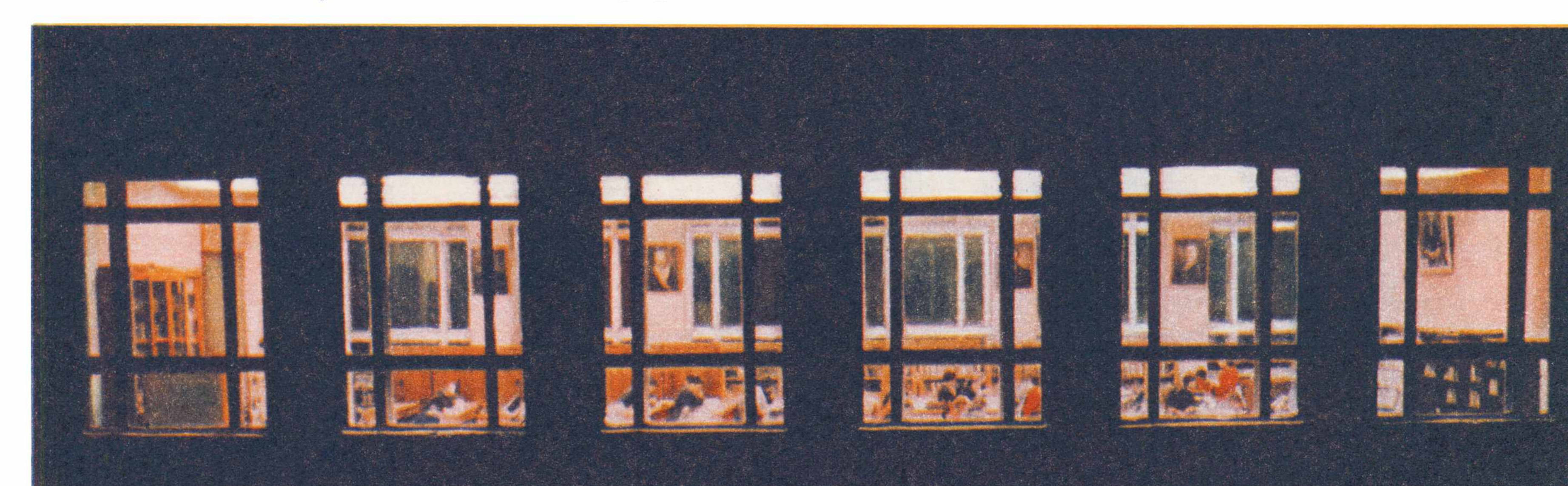
— Ну как, все осмотрели? — поинтересовался директор.— Говорите, бегло? Да, много, тридцать шесть классов. Но ведь вы побывали только в учебных корпусах. А у нас еще свое подсобное хозяйство, без которого нам не обойтись: котельная, склады, насосные, жилые дома, подступившие к Сиянову,— всего тридцать семь строений.

Мы вышли во двор. На теннисном корте и стадионе, превращенном в катки, было шумно и весело. Звенел под коньками лед, скрипел снег. Подумалось: и это все, вместе взятое,— просто школа? Вспомнились слова Надежды Константиновны. «Школа у вас, кажись, хорошая...» — писала она ее директору Е. И. Смирновой в 1937 году, когда было тут всего два корпуса: Детский дом и здание напротив. Как же назвать эту школу сейчас: «комбинатом», «комплексом», «городком»?

Еще одна пленка для школьной Ленинианы. Рассказывает Прасковья Васильевна Грачева.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

«Малая Ленинка» — так назвали ребята свой школьный читальный зал.

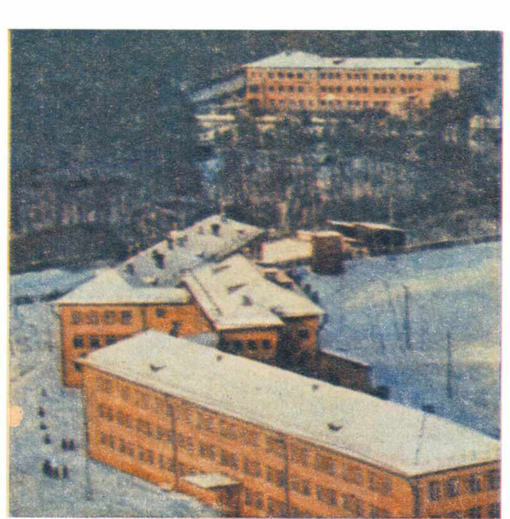

Ученица 9-го класса Зина Агафонова.

Они соседи — белоколонный дом, в котором жил Ленин, и школа.

Снимки сделаны с вертолета, пилотируемого летчиками В. Г. Калошиным и В. Г. Костенко.

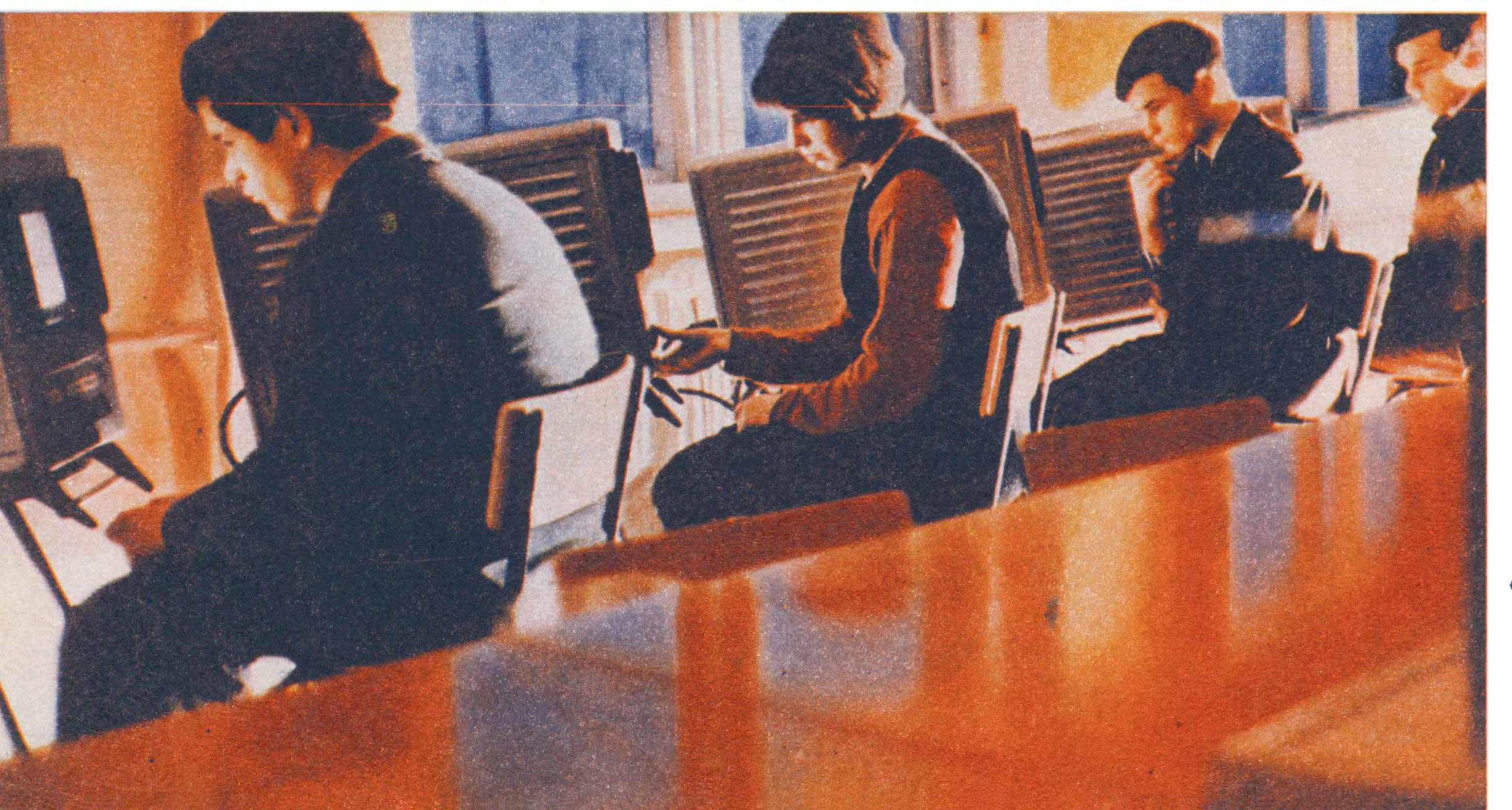

В кабинете по химии идет опыт.

Скоро звонок.

«Спрашивают» по физике машины-экзаменаторы.

Уроки Леонова

Владимир **ЧИВИЛИХИН**

Обозначил я в заглавии предмет и понял, что он неохватен, бесконечен; нам неведомы пока мерила, кои помогали бы доподлинно устанавливать размах и силу воздействия книг огромного писателя на людские умы и сердца. Должно быть, и наше электронно-машинное грядущее, неизбежность пришествия и блага которого объявляются все чаще и громче, окажется тут бессильным — мысли, идеи, облик, образы подлинно народного художника формируют души и влияют на жизнь многосложными, таинственными, подчас совершенно неуловимыми и не поддающимися никакому учету способами. Придется предельно сузить тему и коснуться хотя бы нескольких уроков Леонова, преподанных лично мне...

Редакция одного московского журнала обратилась как-то к писателям с анкетой. В ней содержалось приглашение назвать любимого литературного героя советской эпохи, отражающего черты нового человека. Какой, дескать, герой «полнее отвечал духу времени в литературе: а) о революции и гражданской войне; б) о первых пятилетках и коллективизации; в) в книгах об Отечественной войне; г) о нашей современности». Этот вопросник я отложил в сторону. И не только потому, что он как-то пунктуально и схоластически нажимал на меня, требуя, по сути, односложных ответов.

Есть в нашей литературе один чрезвычайно заметный герой, который, однако, не сражался на баррикадах и не бил, допустим, Врангеля, не строил Днепрогэса или Магнитки, не выселял мироедов и не сколачивал по деревням бедноту; не стоял он также под Сталинградом, не брал Берлин, не строил Братска, не поднимал целину и не тянул через пустыни и тайгу нефтепроводы; он не учил детей, не лечил больных, никогда не был неуловимым разведчиком — кумиром еще порядочного числа современных читателей...

И при всем, как говорится, при том для меня герой, которого я имею в виду,— своего рода кумир, если это понятие еще может существовать в высоком, неироническом значении. По моему глубокому убеждению, он полнее подавляющего большинства других персонажей нашей литературы отвечал и отвечает до сего дня «духу времени».

Герой этот — Иван Вихров; «стремление заступиться за родничок» стало для него символом веры, борьба с «притворяшками» и «вертодоксами» превратилась в норму поведения, а постоянная забота о том, «как его усилия отразятся на благополучии грядущих поколений», и «плебейская неукротимость в достиженьи цели» поставили его в ряд героев-созидателей, борцов и подвижников. Верный сын русского народа, слуга Отечества, Иван Вихров учит быть гражданами и патриотами всех нас: ученых и офицеров, пахарей и студентов, писателей и лесников, строителей и энергетиков, руководителей и руководимых, молодых и немолодых...

Не знаю, правда ли, нет, будто автор, изображая главного своего героя, волей-неволей вкладывает в образ так много себя, что это якобы можно заметить. Конечно, очень интересно бы проследить, как Леонид Леонов и Иван Вихров, эти «депутаты лесов», долгие годы стоят плечом к плечу, сообразуя свои поступки с общими для них принципами, но я, впервые встретившись с писателем весной 1957 года на его даче в Переделкине, по молодости, по глупости наивно вглядывался в Леонида Максимовича и дотошно искал в его внешности черты, напоминающие мне Ивана Матвеевича.

Ничего, помнится, не нашел. Иван Вихров — на фотографии, которую рассматривает Поля,— «был некрупного роста, сухощавый человек с бородкой, отпущенной по старым традициям лесного ведомства, с большими взлохмаченными бровями, круто приподнятыми вспышкой какого-то внезапного осенения; косой пробор с оторвавшейся на лоб прядью придавал ему внешность мастерового полуинтеллигентной специальности».

Леонид Леонов был тоже человеком среднего роста, без бороды, но с небольшими усами, с обыкновенными бровями, скорее напущенными, чем приподнятыми, не сухощавый и не полный; откуда-то еще бралось ощущение силы и основательности. Главное-то я заметил попозже — его крупную голову, крепко сидящую на широких плечах, и большие, малоподвижные руки, явно знакомые с лопатой, рубанком и зубилом. Да, еще волосы — густые, вразброс, безо всяких проборов, с седеющими, какого-то свинцового отлива прядями. Эти вихры и руки, эта медлительность придавали ему вид мастерового, только что закончившего тяжелую работу. Так оно и было, пожалуй,— он вышел навстречу мне из сада, глубоко дышал, и руки у него были не то в железных опилках, не то в земле...

Допросился я к нему по заданию редакции — «Комсомолка» той весной печатала много статей о лесах, я эту тему вел, и мне поручили «пробиться к Леонову и сделать беседу для газеты».

Для подготовки «материала» мне пришлось приехать еще раз, большая, емкая беседа была напечатана в качестве передовой 11 июня 1957 года, а от той первой встречи осталось общее впечатление какой-то непонятной по отношению ко мне настороженности Леонида Максимовича и одновременно приязни, которую — я сейчас это понимаю — можно было так же истолковать, как проявление обычной вежливости. И еще мне тогда почудилось, что он будто бы видит меня насквозь, со всеми моими недостатками и грехами; я путался в словах, краснел, а Леонов этого почему-то не замечал, хотя смотрел на меня, мне кажется, внимательно, немного прищуривая правый глаз.

Почти не помню подробностей того первого разговора, осталась в памяти обремененность писателя большими заботами, резкость в суждениях да какие-то афористичные обрывки мыслей и фраз:

— О лесе надо говорить так много, сколько он места занимает на земле...

— Люди держали экзамен на бога, а выдержали его на обезьяну...

— Отравление рек, безрассудная вырубка лесов, истощение почв — все это малочеловеческие поступки...

— Мне некогда заниматься интеллигентским расковыриванием болячек...

— Мир нуждается в трезвых умах и больших сердцах, потому что мы оставляем нашим детям заминированную планету...

Прошло почти двенадцать лет с тех пор, мы много раз встречались, я лучше его узнал и оценил, как писателя и человека, понял его непростую доброту, основанную на стремлении заставить всех нас, приходящих, больше думать и злее работать. И у меня такое ощущение, что с годами Леонов совсем не меняется — ни внешне, ни по сути. Рука у него по-прежнему сильная и жесткая, он так же колюч в разговоре и со щедростью огромного таланта раздаривает образы и сравнения.

Время от времени я раскрываю «Русский лес», перечитываю отдельные места, снова и снова прослеживаю жизнь Ивана Вихрова от младости до старости и, начав, не в силах преодолеть магнетизм лекции, посвященной судьбам русского леса...

О романе написано так много, что я не тщусь сказать что-то новое. Кроме того, писать литературоведческие статьи я не мастак, да и не справиться мне нипочем с анализом такого большого и сложного явления в искусстве, как «Русский лес». Скажу два слова о том, что меня привлекает, а иногда и попросту поражает в романе. Думаю, что никогда не пойму, например, этого чуда, когда в художественной ткани одного и того же произведения сливаются, взаимодействуют, гармонируют совершенные противоположности, как будто бы даже несовместимости.

Вернусь к журнальной анкете, предложившей военно-хозяйственную периодизацию нашей литературы. Действительно, главный герой «Русского леса» как-то не подходит в качестве иллюстрации ни к одному из помянутых в ней промежутков нашей истории. Однако это вовсе не означает отрыва Ивана Вихрова от дел и забот народных, от задач строительства нового общества. Скорее наоборот,— вокруг Вихрова мы осязаемо чувствуем атмосферу переломного, изменчивого, горячего времени, пережитого нами и нашими отцами. Больше скажу — этому герою явно тесновато в анкетных временных колодках!

Вспомним также заключительную фразу первой главы романа: «В эту ночь фашистские самолеты сбросили первые бомбы на спящие советские города». События поначалу приближены к нашим дням, затем внимание читателя переносится в предреволюционные годы и даже в прошлый век, но мы не забываем, чем началось повествование, ждем его продолжения, дожидаемся и снова, подчиняясь воле автора и внутреннему строю романа, вчитываемся в страницы, посвященные стародавним временам.

Ощущение того, что «Русский лес» — роман *исторический*, не покидает нас до самой последней страницы. И дело тут вовсе не в календарном «охвате событий», а в глубокой ретроспективе проблематики «Русского леса», в сплетении судеб героев с эпохальными поворотами нашего века, в широком и своеобразном изображении оптимистического движения истории, в известной стилевой архаике.

И вместе с тем «Русский лес» — в высшей степени *современный* роман. Излишне доказывать это положение на материале произведения, тем более что это уже делалось. Скажу о другом. За последние пятнадцать лет я много ездил по лесным районам страны,

---

Печатается с сокращениями. Полностью заметки публикуются в сборнике «Творчество Леонида Леонова» (Институт русской литературы АН СССР, изд-во «Наука»), выпускаемом под редакцией профессора В. А. Ковалева к 70-летию писателя.

знакомился с лесниками и лесничими, инженерами и таксаторами, с учеными и студентами лесных вузов. Всюду — в Сибири и на Дальнем Востоке, на Украине и Европейском Севере, в Киргизии и на Урале — «Русский лес» знают, читают и перечитывают, держат на столах и на полках в качестве концентрата родной духовной пищи. А однажды Л. М. Леонов сказал мне, что после выхода романа он получил около 8 тысяч писем и поток их не ослабевает. Это ли не главное доказательство того, что роман живет и работает сегодня?

С годами, кроме того, выясняется, что морально-этические и хозяйственно-экономические проблемы, снедавшие Ивана Вихрова, не исчезают, не притупляются, а обостряются, множатся, и на наших глазах этот литературный герой уже шагнул в будущее далеко за рамки той самой журнальной анкеты. И, думаю, мы вправе говорить об особом, глубинном историзме романа «Русский лес». Найти б такое же средостение жизни да столь же убедительно продемонстрировать бы связь времен!..

Мы сидели на просторной застекленной веранде. Закатное солнце пробивало сюда сквозь листву деревьев, и все тут было оживлено движущейся световой мозаикой. Леонов говорил о писательском ремесле. Наверно, надо было пренебречь приличиями и записывать следом, а то я пытаюсь сейчас хотя бы частично восстановить эту беседу и вижу, что многое уже ушло из памяти, и размывается леоновский рисунок фразы, пропадают острые словечки, жесты, интонация...

— Каждая вещь должна иметь сквозную логику действия, нитку, потянув которую можно было бы весь роман или повесть распустить, как джемпер. Начало нитки — первая фраза. Свою первую фразу я ищу неделю, две, три!..

— От компоновки зависит все: если парашют неправильно упакован, то результат — покойник. Нужно учитывать особенности человеческого восприятия. Вот, скажем, вам нужен дом, где произойдет убийство. Выгодно этот дом сначала описать в ясное утро, а потом уже — для контраста, мазками — в момент убийства. Пружина действия также ослабеет, если в этот момент вы, допустим, возьметесь описывать преступника...

— И нельзя говорить вначале: «Иван Иванович был хороший человек». Если читатель сразу все узнает о герое, он бросит книгу. Надо затягивать читателя, дать ему крючок с наживкой, пусть он его заглатывает поглубже, пусть! А заглотает — дергайте, приступайте к тому, ради чего вы сели за стол.

Я слушал и вспоминал, как Леонов заставляет пережить читателя вместе с Полей ее отношение к отцу, а потом «дергает крючок» — дает лекцию. Сила лекции возрастает — контраст, и у Поли — кружение головы и очистительное нравственное потрясение. Правда, очень здорово выбрано место и время...

— Знаете, важно уловить время, когда нужно дернуть крючок. Другими словами, вниманием и восприятием читателя надо владеть. Вы можете друга-читателя расчесывать, гладить, раскатывать, интриговать и так далее, а потом: «Стоп, дорогой товарищ! Натрите, пожалуйста, мне полы».

— И еще динамика действия, моторность! У Достоевского было сорок тысяч оборотов. Везде! А сейчас иногда просматриваешь книжку — то десять, то пять, а то вообще остановка. Замирают события, разрушается их связь со временем.

— Между прочим, очень интересно и полезно рисовать что-то вроде шкалы времени. Смотрите! Ось — время, а на ней кривые — судьбы людей, диаграммы поступков с их амплитудами и точками пересечения.— Леонов прочертил карандашом прямую и на ней резкую, ломаную линию, похожую на кардиографическую запись работы сердца.

— Это Поля. Родилась в 1922 году, молодость кипит в ней. А тут приезд в Москву, неизвестное будущее, и война, и отец, и Грацианский, и знакомство с Сережей. А эта плавная синусоида — Иван Вихров, 1896 года рождения. Для него время течет замедленно. А вот пересечения кривых на шкале времени. Важнейшие точки! Надо заранее — хорошо и всесторонне — представлять, как поведут себя герои в этих точках.

— И еще, обдумывая вещь, круги хорошо рисовать. Точки на окружности — герои: Петр, Марья, Олег, сын Олега и тому подобное, а между ними — хорды. И тут идут вопросы: что связывает героев друг с другом, какие у них отношения, не укоротить ли хорду между Марьей и Петром? И прочая. Не бойтесь, что такие графические упражнения оскучнят, так сказать, божественный акт творчества.— Он засмеялся, вглядываясь в меня, должно быть, проверяя впечатление от сказанного.— Вам сколько-нибудь интересно?

— Да!— признался я.

— Конечно, все это индивидуальный и скромный опыт, мелкие удобства, придуманные для облегчения придумывания. Другому такое, возможно, не надо; ведь это мы, старики, изводим себя за столом. Этим летом я на речке еще не был.— В интонациях его голоса послышалась усталость и грусть.— Многие молодые писатели сейчас слишком торопятся, спешат, не берегут своей темы. У них получается как в жизни с иными молодыми людьми. Встретит девушку и сразу норовит ее взять. Возьмет и тут же возненавидит. А надо, как в чистой жизни,— походить, попереживать, помучиться, узнать и полюбить ее, тему-то... Вы много работаете?

— Я считаю, что порядочно,— сказал я.— Даже болею...

— Вот-вот! Я в молодости зарабатывался, бывало, до исступления, до галлюцинации, до обмороков. И сейчас еще, в мои-то годы, сижу не меньше восьми часов каждый день. Только все же болеть не надо, берегите себя. Писателю следует поддерживать свое здоровье, оно ведь не принадлежит ему или его семье, это — народное достояние...

Снова я думаю о «Русском лесе», о том, как много заложено в этой могучей книге. Лес и лесные проблемы в романе имеют самостоятельное литературно-общественное значение, и в то же время они полотно, на которое экранизируются человеческие страсти, характеры, типы.

Вихров и Грацианский. Наверно, очень интересно было бы проследить, как эскизный карандашный набросок, рассказывающий поначалу о л и ч н ы х отношениях двух заклятых друзей, постепенно приобретает четкие контуры п р и н ц и п и а л ь н ы х разногласий, переходящих в о б щ е с т в е н н ы й конфликт ослепительного накала, как позднее появляются краски, полутона и трагические светотени, достигающие по своей психологической и философской значимости пределов о б щ е ч е л о в е ч е с к о г о, а глубоко национальный писатель поднимается до художественных высот, обогативших мировую культуру.

И еще думается об одном попутном исследовании, достойном пера серьезного критика,— Грацианский, как явление жизни. Если мы хорошо понимаем истоки жизненной энергии Вихрова, цели его поистине героической борьбы, мотивы его альтруизма и даже слабости, то сказать, что его антипод есть поганый гриб, выросший на гнилых отбросах дореволюционной действительности, мало. Образ Грацианского дает нам немалый простор для раздумий о движителях поступков этого ученого, врага всего сущего, для ассоциаций, сопоставлений с новыми фактами жизни. Пусть в романе сей мерзостный клеветник, лицедей и провокатор, профессиональный «отрезатель голов бескровным способом» покончил с собой «посредством речной проруби», грацианщина оказалась плавучей, и с духовными чадами Александра Яковлевича люди время от времени сталкиваются и посейчас — в науке, в экономике, в культуре, в обыденной жизни. И если Грацианский в бытность свою говаривал, что он узнает «Ивана по его неуменью устраивать личные дела», то по каким существенным признакам угадывать грацианских, хорошо приспособившихся к нынешним временам? Может, по унаследованному и благоприобретенному словоблудию, коему они не изменяют, какие бы беды ни обрушивались, скажем, на тот же русский лес? Или эти приспособчивые существа выступают ныне в новом обличье? Если, например, брать лесные дела, то на этом фронте идет все та же борьба за соблюдение технических правил, за принципы научного лесопользования, и я однажды писал о новых грацианских, которые не понимают, как это можно бороться за какие-то научные принципы, если отказ от них неплохо оплачивается: деньгами, должностями, спокойствием... А что может быть страшнее Грацианского, дорвавшегося до благополучия и власти?

...Вспоминая о Грацианском, иногда думаю: не нарочно ли оставил тут писатель простор для мыслей каждого, чтоб мы сами, исходя из нашего опыта, знания жизни и людей, становились открывателями источников «мертвой воды»?

Однажды по приглашению Леонида Максимовича заехала к нему группа членов Центрального Комитета комсомола — молодой новосибирский доктор физико-математических наук Юрий Журавлев, заведующий отделом пропаганды ЦК Валерий Ганичев, главный редактор журнала «Молодая гвардия» Анатолий Никонов и я. Мы много часов говорили обо всем на свете, и вот кто-то из нас спросил примерно следующее: как это вышло, что Леонид Максимович ничего не написал о гражданской войне? Остальные поддержали: почему, мол, некоторые писатели, до которых даже очень сильный ветер не доносил порохового духа, напечатали об этом крутом времени тома в о с п о м и н а н и й, а вот Леонов да и Шолохов тоже пока молчат, хотя они-то знают эти исторические события, как непосредственные свидетели и даже участники? По какой, дескать, такой важной причине два крупнейших современных писателя не расскажут теперешней молодежи о своей горячей юности?

Эти безусловно интересные вопросы были заданы не в столь категоричной форме, я тут нарочно обнажаю их костяк. Леонов, выслушав нас, засмеялся:

— Что касается меня, то я еще не в таком возрасте, чтобы писать мемуары.

— Ну, а все-таки?..

— Знаете, и вправду было интересно!— опять засмеялся он.— Какое грохотало время!

И он принялся рассказывать — красочно, сочно, емко, и я, захваченный этими картинами, почти ничего не запомнил, кроме каких-то отрывочных эпизодов.

— Хозяйство моей типографии и редакции умещалось в две тачанки. Гоним белых, работаем, и все время хочется есть и спать. Рассказать об этом? Влетаем, помню, в какое-то село. Мне двадцать лет, у меня желтуха, а из еды — хлеб, похожий на пемзу, и тюлька. Едем по селу, на избах черные тряпки; это значит, все съедено, врангелевцы только что прошли. И был у меня такой Беляев в блестящей кожаной куртке, вроде завхоза. Собирает он мужиков, косит на меня глазом: «Комиссара-то надо покормить». Находили для меня кое-чего, и этим питались все. Раз Беляев раздобыл кусок свинины. Съели. Вдруг красноармеец бежит: «Вы что жрете? Этот кабан вчера сдох». Мы переглянулись, и только; желудок имел, видно, свое мнение на этот счет, не отдал. Вот как ели!

Рассказывая, он поглядывал на нас, правый глаз узил, и нельзя было понять, всерьез он все это, или в шутку, или имеет в виду еще что-то, о чем мы должны догадываться сами.

— Ну, газету уважали! Приходим в Джанкой поздним вечером. Изба полна богатырей. Храп, темнота, пахнет конским потом, тютюном, засохшей кровью. Я нащупал свободное место, лег. Вдруг спичка у глаз: «Это мое место! Я из штаба, а ты кто такой?» «Редактор дивизионной газеты»,— отвечаю. Попятился. Вот как газеты боялись!..

— А ночью пошел по малой нужде — тесно, некуда ступить. Чую под ногой котелок, топчусь на нем, никак не могу отодвинуть в сторону. Чиркнул спичкой, а это чья-то голова. Вот как спали!..

Лет двадцать назад Л. М. Леонов писал в газете: «То была пора гнева и предельной материальной скудости, но мы были богаче всех: неразменные червонцы юности звенели в наших песнях. На восемь человек печатников и ездовых в моей крохотной походной типографии приходилось две тачанки, три шинели да кожаная куртка, одна; остальные шли пешком, кутаясь во что придется или даже накрывшись одеялом от морозного сивашского сквозняка. Но нам было тепло — люди грелись тем зноем, который несли в себе; его хватало и на то, чтобы отогреть уставших...»

А мы во время той памятной встречи все же вынудили писателя согласиться с нами — вернуться к этому разговору, собраться вот так же группой, а рядом посадить стенографистку. Однако изначальная тема, о которой мы уже успели забыть, не была исчерпана; Леонов умеет так руководить разговором, что сразу и не поймешь, куда он его правит,— отодвигает главное в сторону, пошучивает, иногда язвит, и только после ты убеждаешься, что все это было в строку и шло к какому-то логическому итогу.

— Знаете, товарищи,— серьезно заговорил он под конец.— Писатель ведь часто не волен в выборе фона и материала, он прежде всего подчиняется идеям и проблемам, которые не дают ему спокойно жить. Понимаете, мне не документ важен, не сама эта натуральная жизнь, а ее отражение в личности художника. Я помещаю залогарифмированные факты жизни в свои координаты. Два русских гения — Лев Толстой и Федор Достоевский — брали один мир, российскую действительность прошлого века, а ведь у каждого из них свои координаты! Да не две, не три, а по полсотни своих координат! Кроме того, важны символы, отражающие идеи...

Все верно, думал я потом. Ведь «Русский лес», например, зиждется на прочнейшем фундаменте реальности. Лесные проблемы представлены в романе с необыкновенной достоверностью и научной обстоятельностью. И одновременно этот фон осмысливается читателем как некий символ непримиримой борьбы светлых и темных сил. Или вспомним сцену у родника. О ней думали и писали многие. Но, оказывается, этот лесной ключик, символическая точка «скрещения координат» всего романа, имеет на родине писателя родничок-прототип. Там же, у деревни Полухино, есть реальное урочище под названием Облог, и Пустоша тоже есть, и Заполоски...

А однажды, роясь в старых лесных книгах, я наткнулся на примечательное сочинение тридцатых годов, насквозь пропитанное ядом и демагогией, в котором классик отечественного лесоводства Г. Ф. Морозов, чьи идеи, по сути, отстаивает в «Русском лесе» Иван Вихров, обвинялся в семи смертных грехах. Звали одного из авторов этой книжицы не то Алексейчиком, не то Николайчиком, и сейчас я вспомнил трех «героев» романа с фамилиями, напоминающими звенышки выдвижной антенны,— Андрейчик, Ейчик и Чик, которые как бы олицетворяют в «Русском лесе» комарье, толкущееся над живой плотью больших идей. Несут в романе свою тяжелую смысловую ношу и Калина, и Матвей Вихров, и Кнышев, и, наконец, наиболее «грузоподъемные» образы — Вихров и Грацианский, найденные и разработанные с гениальной прозорливостью и последовательностью.

Фото Дм. Бальтерманца.

Мировая литература продемонстрировала бесконечные возможности и дала множество непохожих друг на друга образцов художественного иносказания — бессмертное повествование Сервантеса о Рыцаре Печального Образа, символические круги Дантова ада, аллегории Свифта, «невидимые миру слезы» Гоголя, мистически-романтическую символику Мелвилла, гротесковую феерию Щедрина, лирико-драматический, печальный подтекст Чехова... Леонид Леонов открыл новые горизонты в искусстве. В романе «Русский лес», в «Золотой карете», «Метели» и многих других пьесах, в киноповести «Бегство мистера Мак-Кинли», в повести «Evgenia Ivanovna» присутствует, на мой взгляд, особый художественный прием — своего рода прессование реальности до скульптурных символов, концентрированно выражающих идейно-философский подтекст; это леоновское открытие есть принципиально новый ракурс в образном видении мира, щедрый взнос советского писателя в копилку человеческой культуры.

При общении с Леоновым разговоры о слове возникают сами собой. Вспоминаются некоторые его высказывания.

— Иногда одно слово самостоятельно окрашивает фразу, абзац или даже человека. Если некто говорит: «Хороший бюст был у этой женщины»,— то он уже сам весь окрашен. Или вот есть слово «труп». Вспомните потрясающее толстовское: «Живой труп»! Или гениальная строчка Пушкина: «Как труп, в пустыне я лежал». Стреляет в мозг и сердце. А сколько сейчас беспорядочной и бесприцельной стрельбы, да еще холостыми патронами! Искусство — великое чудо...

Я сидел и думал о том, что силу, глубину и магию этого чуда все мы обречены познавать до конца своих дней и, наверное, многое останется за семью печатями.

— Накопление так называемого материала — глубокий, сложный, очень даже творческий процесс. Это не накопление исписанных страничек в записной книжке, а накопление давления, которое потом мучительно трудно выпускается посредством строчек...

— Нет, нет, записную книжку вести можно, пожалуйста, это кто как привык, только записи в ней я считаю скорее особым литературным жанром. Не годится превращать записную книжку в главного посредника между жизнью и свежеиспорченным листом бумаги, как иногда происходит. Вот вы на дороге случайно подбираете шестеренку от велосипеда, но когда решаете использовать ее, пустить в дело, то выясняется, что она чужеродна, потому что вы взялись строить не велосипед, а трактор...

Да, трудно бывает найти нестертое слово, уместную деталь, как нелегко подчас бороться с соблазном «обыграть» какую-нибудь яркую «находку»! Ведь подлинное искусство несовместимо с искусственностью, и скрупулезный поиск «находок» может легко превратиться в самоцель, детали начнут выпячиваться, портить целое именно своей яркостью...

— Верьте руке! — перебил Леонов мои мысли.— Она работница, она не подведет. Кстати, вы не знаете, что за феномен — эта наша конечность? Мне говорили, будто ученые подсчитали, что кисть и пальцы могут занять около пяти миллиардов различных положений! Так что верьте руке...

— Поставили точку и сдержите себя, не надо сразу в редакцию. Пусть работа отлежится до состояния отчуждения, чтобы можно было ее проанатомировать. Вы сами увидите, где надо вправить мосол, где устранить перелом. Раскрывайте кожу, и если уж у вас в руке оказался скальпель, то снимайте сразу лишний жир, оставляя мускулатуру. Чините себе кости, потом зашивайте, да так, чтоб не порвать сосуды и нервы. Знаете, в обращении с собственной рукописью нужны и жестокость и нежность...

— И вот еще необычно важное... Более или менее подходящие слова и их сочетания, крепкие абзацы, плотная компоновка глав — ох, как всего этого недостаточно! Вещь должна подчиняться общему, тому, что составляет воздух произведения. Вот когда в театре раздвигается занавес, выходит на сцену человек и говорит: «Здравствуйте, Иван Петрович!» — то вы за эти двадцать секунд уже делаете вывод об эпохе, характере человека, его настроении...

— Корабль имеет надводную и подводную части. Главное — остов, винты, придающие кораблю прочность и движение,— находится под обшивкой и водой, невидимо... На поверхности могут быть хорошие, даже талантливые сооружения, но самые важные устройства и механизмы, обеспечивающие прочность и движение, должны быть сокрыты под водой. Остов, винты! И еще руль. Руль!

Леонов выразительно смотрел на меня, и я, кажется, понял, что он имеет в виду не только соотношение текста и подтекста в художественной ткани литературного произведения, а нечто большее. Может, куда плывет корабль? Это было бы намного содержательнее и глубже знаменитого хемингуэевского айсберга!

— Конечно, талант в искусстве желателен,— съязвил он.— Но писательство для того, чтобы «изобразить»,— это не искусство!

— Писатель — полномочный представитель народа. Каждый настоящий художник должен чувствовать за спиной сто тысяч человек соотечественников. И если они не могут выразить свои надежды, идеалы, заботы, то ты должен, ты обязан смочь!

Представление о Леониде Леонове будет неполным, если не знать некоторых его увлечений. Стоит, в частности, сказать о саде. Это не сад в обычном смысле слова — фруктовых деревьев в нем почти нет, это скорее ботанический сад, имеющий, как считают специалисты, немалую научную ценность. В маленькой прозрачной оранжерее — уникальная коллекция кактусов, в другой — какие-то диковинные заморские растения, цветы поражающих форм и оттенков, а по всему полугектару дачной территории — ну уж не знаю, чего только нет!

Леонида Максимовича ничем нельзя удивить. Однажды мы с Владимиром Солоухиным заехали к нему, вернувшись из Олепина. Там, у родного дома Солоухина, мы обобрали созревший урожай невежинской рябины и, помню, взялись рассказывать Леонову, какое восхитительное варенье, какие настойки получаются из этого редкого сорта русской ягоды, выведенного в прошлом веке на Владимирщине. Хозяин послушал нас, послушал и пригласил в сад. «Вот, смотрите! Вот, а вот еще»,— приговаривал он. Рябины у него оказалось более десятка сортов — и невежинская, и черноплодная, какие-то еще с черными, сине-сизыми, вишневыми ягодами, а под конец показал совершенно неожиданное: небольшое рябиновое деревце бережно держало на тонких веточках белоснежные кисти плодов.

Привез как-то я в Переделкино из своего жалкого Звенигородского питомничка несколько молодых кедров и веймутовых сосен, пообещал сибирскую пихту, но оказалось, что все это у Леонова есть.

— Ну, а багульник?— спросил я.

— Семья рододендронов у меня большая,— засмеялся Леонов.

— А саранка есть?

— Конечно, идемте глянем.

— Бадан? Облепиха?— называл я сибирские эндемики.— Кандык?

Все это у него было. Может быть, женьшеня все же нет? Леонид Максимович подвел меня под тень густого дерева, где из мягкой лесной подстилки выступали три стрельчатых стебля с зеленым ажурным венцом. Мне хотелось отблагодарить Леонова за несколько редких растений, которые он подарил мне, но как? И только один раз я все же презентовал ему сюрприз — привез с гольцов Алтая три живых экземпляра Rhodiola rosea, «золотого корня», не уступающего по своим свойствам женьшеню...

Сорок лет увлекается Леонов коллекционированием интересных растений, страстно любит это дело, и, наверно, для тех, кто понимает в ботанике, его сад — открытая и увлекательная книга. А я видел, как некоторые посетители сада с трудом удерживаются от улыбки, когда хозяин с гордостью показывает какой-нибудь жалкий листочек, называет его латинское имя-отчество и восклицает:

— Это драгоценность! Из Чили. Редчайшая вещь! Просто нет цены!..

Между тем комментарии эти бывают очень интересными. Японские писатели, с которыми я встречался в Токио, говорили мне, что Леонов-сан, когда был у них, интересовался больше травой, чем, например, техническим прогрессом Японии. Сказал об этом Леониду Максимовичу.

— Ну, они несколько преувеличивают,— проворчал он.— В этой стране очень много интересного! Там просто молва такая пошла. Из-за одного случая...

— Что за случай?— полюбопытствовал я.

— Был я в каком-то ботаническом саду и увидел растение, которое искал шестнадцать лет. Даже растерялся от неожиданности. «Что с вами?» — спрашивает работник сада. «Pancratium speciosum»,— отвечаю. «Это Pancratium illiricum»,— мягко возразил японец. «Нет,— говорю,— это Pancratium speciosum». «Извините, Леонов-сан, вы не правы». И он принес японскую ботаническую энциклопедию, показывает. Я посмотрел и сказал, что все равно это Pancratium speciosum. Тут я впервые в жизни увидел, как японцы бледнеют, у него даже глаза задрожали. Он быстро ушел и минут через пятнадцать вернулся с огромным американским определителем растений. «Простите, Леонов-сан, вы правы, в нашей энциклопедии ужасная ошибка». И вот после этого случая среди японских знатоков пошел слух, будто я знаток среди знатоков, хотя все объяснялось простой случайностью — я много лет искал Pancratium speciosum и хорошо его знал...

Конечно, этот сад не чудачество художника. Леонов здесь отдыхает, думает, радуется, и природа помогает ему работать, как помогала она, судя по дошедшим до нас свидетельствам, Ду Фу, Бетховену, Ньютону, Гете, Торо, Мусоргскому, Флоберу, Чайковскому, Родэну, Тагору, Ленину.

«Природа в ее простой истине является более великой и прекрасной, чем любое создание человеческих рук, чем все иллюзии сотворенного духа». Эта мысль немецкого физика Юлиуса Роберта Майера глубока и многоттеночна; ученый-естествоиспытатель, композитор, агроном, философ, лесовод, писатель могут по-разному истолковать ее для себя. Не знаю, можно ли верить легенде о ньютоновской яблоне или Бетховену, когда он прямо говорит, что улавливает свои идеи в природе — «в лесу, на прогулках, в тишине ночи, ранним утром»; как правило, результат общения с миром природы является следствием сложнейших опосредствований. Не вдаваясь в эту самостоятельную тему, я одной большой цитатой покажу, как в зеленом уголке Подмосковья рождаются мысли и образы, имеющие к тому же прямое касательство к стержневому смыслу настоящих заметок. Помните разговор Ивана Вихрова с другом своей юности, большевиком Валерием Крайновым, советским дипломатом, заехавшим в Москву по пути «из одной командировки в другую»?

«У меня сложилось мнение,— делился своими наблюдениями Валерий,— что многие в Европе начинают понимать неизбежность социальных сдвигов... естественно, с годами это сознание будет расти под воздействием фактов. Сюда надо включить и кое-кого из тех, кто, никогда и не принадлежа непосредственно к буржуазии, хотя бы частично извлекает свою пищу из несчастий войны, из послушности людской нужды, из невежества ближних, из их трагической разъединенности, наконец. На лугу человеческом немало таких травок, которые тоже не обхватывают, не душат жертвы, как большие паразиты, а легонько прикладываются сосальцем к корешку соседа. Забывать стал... ну, как ее, есть у нас такая?!

— Марьянник, Melampyrum nemorosum,— подсказал Иван Матвеич, очень довольный за друга, что хоть и ушел из леса, но образы в мышлении по-прежнему черпает из их общей науки.— Тем же самым занимается все семейство Rhinantus apterus, полевого погремка.

— Вот, вот, именно п о г р е м о к,— обрадовался этой находке Валерий, имея в виду, как он пояснил, распространенную в западноевропейских странах склонность к отвлеченному пустозвонству насчет культуры.— К сожалению, наиболее мыслящие нередко добираются до истины пешком или на старинных велосипедах, хотя давно имеется скоростной транспорт в завтрашний день...»

Вот лежит у меня на полке его последняя книга — «Литература и время». Лежит близко — протягиваю руку, раскрываю и не могу оторваться. В этом сборнике напечатаны статьи, речи, публицистические заметки Л. М. Леонова, сделанные за сорокалетнюю его службу отечественной словесности, начиная с «Поездки в Сорренто», включая, в частности, речь на Первом съезде писателей, статьи о Грибоедове, Гоголе, Чехове, Горьком, Барбюсе, патриотическую публицистику военных лет, страстные, ставшие уже классическими выступления в защиту природы, глубокое и многоплановое «Рассуждение о великанах», прекрасное «Слово о Толстом», малоизвестную, боевую и мудрую статью «О театре будущего», и кончая памятной речью на Ленинградской ассамблее Европейского сообщества писателей, которая закончилась просьбой не судить оратора за то, что ему в этой речи требовалось более, чем слушателей, «убедить и себя самого в примате гражданина над художником».

Эта книга — об искусстве и жизни, о народе и личности художника, о патриотизме, о добре и зле. В каждой статье и теме огромный русский писатель, поднимая читателя над обыденщиной литературных фактов, подмечает в искусстве явления и соотносит их с явлениями жизни. Видно, это святая тайна большого мастера, умеющего подчас строчкой, написанной в ту пору, когда моего поколения писателей и на свете-то не было, породить живые и быстрые ассоциации с сегодняшним нашей литературы и нашего времени. Густые леоновские абзацы засасывают глаз, ты не видишь еще, куда они тебя ведут, но вдруг в твоем восприятии как бы взрываются детонаторы, и вот ты уже покорён простой, точной мыслью, явлением истины. И каждым своим словом Леонид Леонов пресекает устоявшийся, банальный взгляд на предмет разговора, в то же время оставаясь верным своей цели, своей философии, своей несгибаемой позиции художника-патриота...

— Современному интеллигенту можно жить по-разному,—говорил он мне во время последней встречи.— Тихо высидеть диплом, потом сытно прокормиться, даже накопить на автомобиль — это тоже жизнь, конечно, только какая? Ведь живем-то мы, по сути, одно мгновение. И как же надо разгонять обороты, чтобы!..

Леонов остро взглянул на меня из-под опущенных бровей, и я, уже привыкший к стилю его мышления, почувствовал, что сейчас он сильно, образно, как-то очень по-своему выразит нашедшее на него в эту секунду наитие и повернет разговор к делу всей его жизни — к литературе, искусству.

— Вот крутится маховик, понимаете? Мы однажды говорили об этом... Десять тысяч оборотов. Подносим спичку — головка стирается. Двадцать тысяч оборотов—вспышка! Тридцать тысяч — железо дает искры, озаряет темный цех. Сорок! И вот в этот момент мы берем чистый лист бумаги, подносим, и он — запылал...

Время от времени бывает такое: раздается в дверях звонок, я открываю и вижу — стоит кто-нибудь из друзей. «К Старику бы заехать, а?» В этом прозвище, о существовании которого Леонов, кстати, не подозревает, нет ни капли фамильярности, а лишь уважение к опыту, мастерству, к трудам и силе старшего товарища, к его подвигу писателя-гражданина.

Мы едем в Переделкино, с волнением ожидая, когда он выйдет навстречу, напустив на лицо, по примеру Ивана Вихрова, «то неопределенно-замысловатое выражение, с каким и надлежит всяким там старичкам появляться среди молодежи».

Семьдесят лет для Леонида Леонова, однако, не старость. Он был и остается писателем-бойцом: так же выступает с трибун по проблемам, волнующим всех нас, ездит на долгие заседания редколлегий, комиссий и сессий, по-прежнему принимает множество людей, перерабатывает огромную почту, пишет. Правда, о чем пишет — он никому и никогда не говорит, пока не одолеет вещь окончательно. Недавно дал мне полистать толстую стопку бумаги, исписанной аккуратным, мелким, как выражался еще Горький, «микробным» почерком, и сказал, что это новый роман—«пока не готовый, большой, сложный и чудовищно трудоемкий». Леонов смотрел на меня, чуть прищурив правый глаз, а я вдруг вспомнил, что у старых машинистов тоже так — правый глаз чуть слабее левого, потому что всю дорогу его сушит ветер, сечет дождь и на ресницах смерзается иней...

Золото на экзамене

К. БАРЫКИН

Фото К. КАСПИЕВА.

В этом особняке на одной из московских улиц находится удивительная инспекция; начало свое она берет в петровском еще указе «об учинении для пробы золотых и серебряных вещей пробирных клейм, переписке золотых и серебряных рядов и лавок, о выборе старост для надзора». Через руки нынешних московских «старост», блестящих знатоков золотого дела, прошли немалые богатства — изделия из драгоценных металлов: уникальные и сравнительно часто встречающиеся; теперешнего изготовления и давних времен. Их тут проверяют и государственным пробирным клеймом удостоверяют качество изделий из золота, из платины, из серебра и палладия.

Много забот у работников инспекции. Времена пробирного надзора, когда золото и серебро клеймили примитивным способом, с помощью молотка и наковальни, канули в прошлое. Современные сплавы сложны и разнообразны. Изделий промышленности, содержащих драгоценные металлы, немало. Нужны не только специальные знания, но и совершенная техника; современные промышленные сплавы драгоценных металлов содержат не только благородные металлы, но и много других элементов периодической системы. И сплавы, и промышленные изделия из них или с их содержанием, и жидкое золото (бывает и такое!), и тончайшие листочки сусального, и фотографические материалы, и зеркала, и расписанная золотом посуда, и многое другое тщательно контролируются в Московской инспекции с применением не только обычных химических и пробирных методов, но и новейшей техники: электрофотоколориметров, потенциометров, спектрографов... Московская инспекция впервые в мировой практике применила электроискровое клеймение, совершенно исключающее какое-либо повреждение дорогостоящих, высокохудожественных изделий.

В нашей стране для бытовых изделий установлены такие пробы: для платиновых — 950; золотых — 958, 750, 583, 500 и 375; палладиевых — 850 и 500; серебро клеймится 960, 916, 875, 800 и 750 пробами. Это значит, что на тысячу частей сплава приходится указанное в пробе число частей драгоценного металла. За этим инспекцией установлен строжайший контроль.

Ошибаться нельзя, и коллектив коммунистического труда Московской инспекции понимает это. Работникам инспекции до всего есть дело, если это касается экономии драгоценных металлов. Однажды прихожу в инспекцию. Виктор Петрович Тарусин, руководитель этой организации, открывает сейф, достает брусочек серебра. Небольшая пластинка — пяти сантиметров. Вес — 50,3 грамма. Металл добыт из... трех литров раствора отработанного фотофиксажа, которого в каждой солидной фотолаборатории — несчитанные литры. Из тонны такого вот бросового фиксажа получают не менее трех-четырех серебряных килограммов. Щедрая кладовая! А ведь было время, когда фотолаборатории и рентгеновские кабинеты серебрили канализационные трубы.

Лет десять назад я беседовал с Тарусиным и по репортерской привычке выпытывал что поинтереснее, а он все возвращался к серебру, которое зазря пропадает при обработке фотоматериалов мелкими организациями. И вот результат: если в 1958 году такого серебра в народное хозяйство не вернулось ни грамма, то за последние годы его поступило более 300 тонн. Жаль только, что не все еще поняли значение этого дела и продолжают выбрасывать такое серебро...

Настойчиво и упорно под руководством управления драгоценных металлов Министерства финансов СССР работает инспекция над заменой серебра алюминием — для создания зеркальных поверхностей. Зачем, в самом деле, расходовать серебро на производство бытовых зеркал, елочных украшений, термосов и другой подобной продукции, если зеркало, покрытое алюминием с помощью метода термического распыления в вакууме, не только не хуже, но нередко лучше серебряного? Зачем? Но ведь серебрят... Много еще здесь забот: не везде поняли большое народнохозяйственное значение алюминирования.

...Запросы в инспекцию поступают самые необычные. Один из музеев как-то обратился с просьбой аттестовать металл, что пошел на эфес и ножны чапаевской шашки. Присылали инструменты духового оркестра: в какие трубы наигрывали кавалергарды его императорского величества? Надо же, в серебряные... Как-то пришла в инспекцию женщина, выложила из хозяйственной сумки солидные кирпичики металла.

— Давно они у меня. Строители ремонт вели, нашли. Один брус оставили себе — гвозди на нем удобно прямить. Два — вот они. Солила в бочонке капусту, на крышку, чтобы потяжелей, клала. Сейчас переезжаем в новую квартиру, хотела выбросить, а соседки говорят: поди покажи, может, какой дельный металл. Зашла в палатку утильсырья — не взяли: не бронза и не медь.

Едва Виктор Петрович взял брус в руки, сразу же насторожился: золото! Проверили — действительно. И высокопробное. Как и положено, металл заприходовали, выдали принесшей его солидную премию.

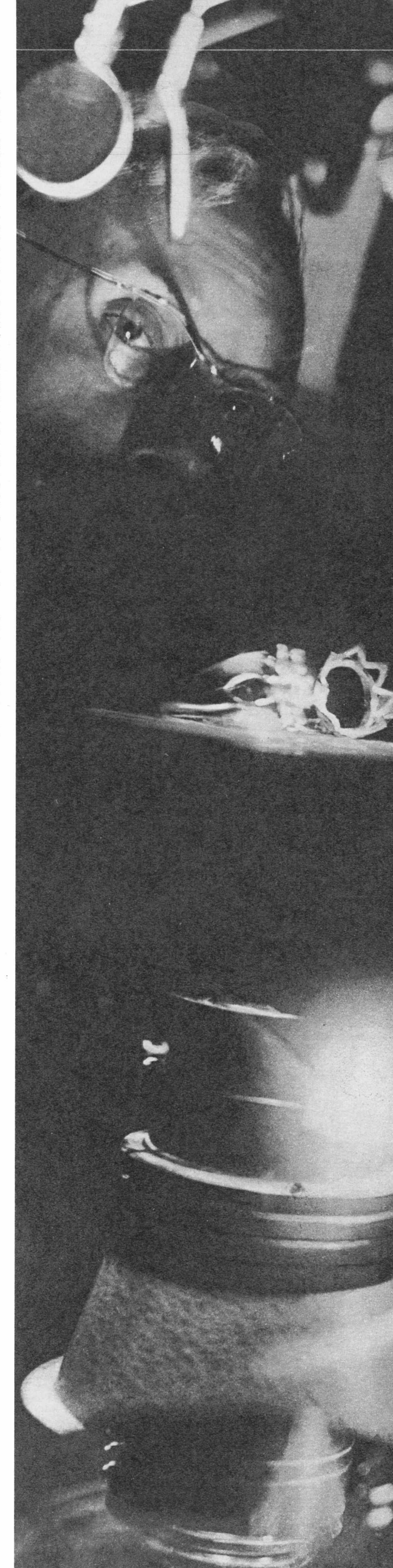
Музеи представляют на аттестацию и личные вещи, такие, скажем, как дирижерская палочка и переплет партитуры одной из опер Чайковского, кольцо Достоевского... Но это лишь эпизоды в многогранной и важной работе Московской инспекции. Трудятся здесь отменные знатоки своего дела, люди очень редкой специальности. М. А. Лупакова, Г. И. Мошкова, З. В. Волынчикова, Л. Н. Купцова и их товарищи имеют за плечами десятки лет стажа, богатейший опыт. От таких работников не скроется никакая ошибка в сплаве. Побывавшее в их руках изделие, если оно вышло из инспекции с государственным пробирным клеймом, не может оказаться неполноценным. Впрочем, из инспекции вообще не может выйти изделие, не соответствующее пробе. Творческая и непростая работа и у контролеров-ревизоров инспекции. Тщательно изучая технологию применения драгоценных металлов, они входят в самые сокровенные тайны производства. Без этого невозможно обнаружить источники экономии драгоценных металлов, вскрыть еще не использованные резервы. С этим успешно справляются такие высококвалифицированные инженеры, как П. К. Бовтало, А. И. Исайчева, А. И. Маркова, А. А. Лопатухина.

Я говорил уже о пробах, установленных для бытовых изделий из драгоценных металлов, привел их числовые значения. Почему же не делают изделий из чистого золота? Металл это мягкий, и, например, кольцо из чистого золота вскоре приобретает вид просто-напросто неприятный, а вот добавка к золоту других металлов, обычно серебра, меди, платины, палладия и некоторых других, позволяет менять цвет золота — от красного до зеленого и белого; в зависимости от соотношения добавок и укреплять его.

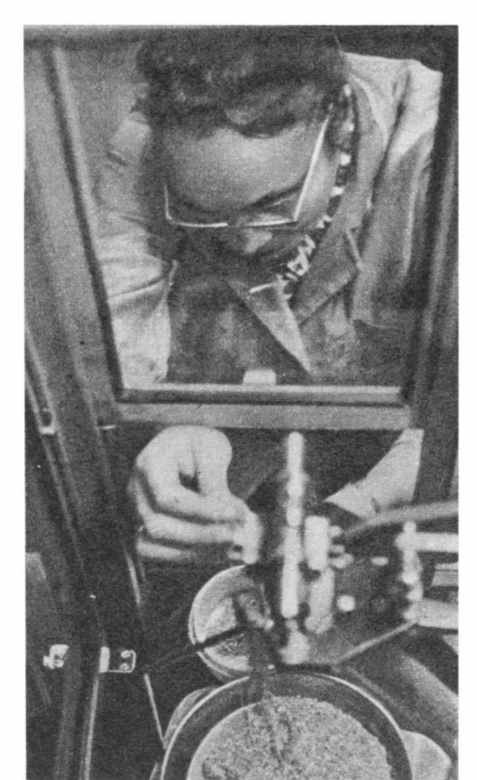
Наша промышленность стала выпускать кольца 375-й пробы. Не случайно такие кольца пользуются большим спросом; красивые, износоустойчивые и более дешевые, чем кольца наиболее распространенной 583-й пробы.

Бытует мнение о золоте как о металле, на который ничего не действует, кроме «царской водки» — смеси соляной и азотной кислот. Есть даже такая поговорка: «Золото и в грязи блестит». Так ли? Нет. Ртуть и ее соединения, хлор, бром, йод не соседи золоту, они действуют на него. Особенно ртуть, соединения которой иногда применяются в косметических средствах. А это приводит к недоразумениям: дескать, золото плохое. Виновато же не золото, а какой-нибудь крем. И чем выше проба, тем более золото подвержено действию указанных веществ.

...Что же за организация, которая так тщательно, квалифицированно следит за качеством бытовых изделий из драгоценных металлов, которая призвана беречь каждый грамм драгоценного металла? Скромная надпись при входе гласит: «Московская инспекция пробирного надзора».

Иван Иванович Калашников проводит очередной эксперимент.

Поистине золотые весы. Ежедневно Наталья Тимофеевна Антипова взвешивает на них по нескольку килограммов золота.

В. ПРЯДИН,
директор киевской гостиницы «Москва»

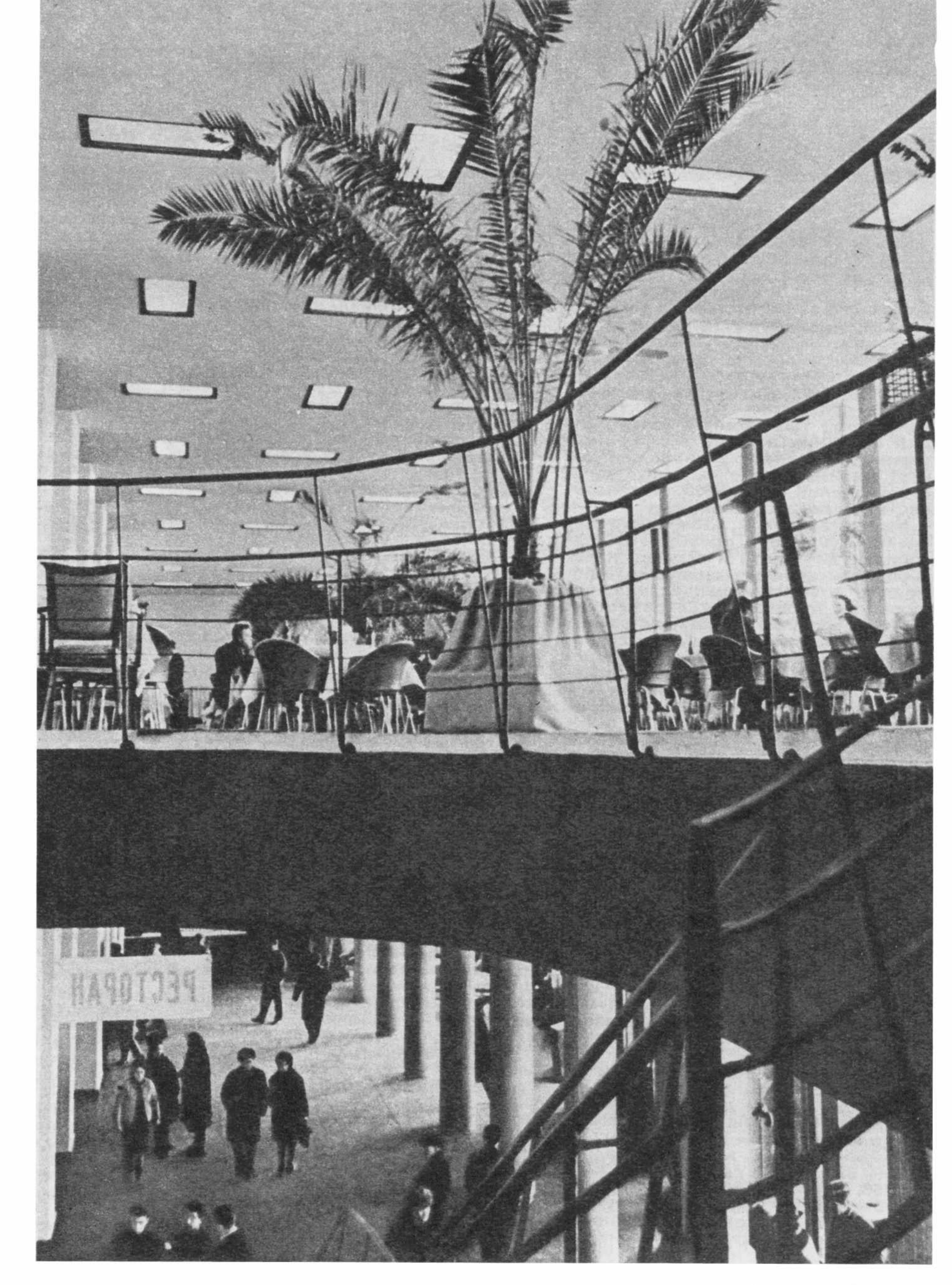

Фото Н. Козловского.

Наш гость, иностранец, бизнесмен, занимающийся делами туризма, как-то сказал мне на прощание: «Я прожил в вашем отеле не один день, а мои карманы вы так и не сумели выпотрошить до дна, там кое-что еще позванивает. Вот где ваш промах, мистер директор. Не обижайтесь, но делать деньги вы еще не научились». Потащил он меня к киоску в вестибюле, повел наметанным глазом и говорит: «Всякий, знающий толк в сувенирах, обязательно увезет с собой то, что будет напоминать ему о вашей прекрасной земле. Вот игрушка, спутник. Замечательная память о родине настоящих спутников! Так сделайте этот сувенир добротно — пусть будет серебро, позолота, эмаль. Меня не интересует, во что изделие обойдется вам, в рубль или в два. Предложите его мне за пять рублей. И я раскошелюсь не задумываясь. Но не предлагайте вот таких, пластмассовых...»

Где уж тут было обижаться. Просто он не знал, сколько мы сами друг друга уговариваем, убеждаем в том, как нужны нам оригинальные сувениры. И таланта украинским умельцам не занимать, и резчики по дереву есть замечательные, и мастера керамики, художественного стекла, вышивки... А мы чаще всего выставляем на полки киосков все те же набившие оскомину близнецы-кувшинчики, аляповатые копеечные безделушки, а в последнее время — поделки из блеклой пластмассы.

Я начал с сувениров, рискуя вызвать у читателя скептическую улыбку: «сувенирная» тема уже стала банальной. А почти все остается без изменений. Очевидно, кто-то по инерции считает, что это мелочи. Но ведь в наше время, когда путешествуют тысячи людей, по так называемым мелочам и составляется мнение о культуре обслуживания. Мы иногда слишком много внимания уделяем размерам номера в отеле да тяжести штор на окнах и порой забываем про изящный сувенир или красиво оформленный путеводитель в киоске и вовремя предложенный стакан чая.

Иностранец смотрел на все со своей колокольни. И, беседуя с ним, меня так и подмывало рассказать ему об одном случае. Не так давно его земляк, турист с Запада, снимавший у нас в гостинице номер, внезапно занемог. Его спешно увезли в больницу. На следующий день девчата, горничные, навестили больного со скромным подарком. Справились о самочувствии и спросили: «Может, что-то принести?» А он никак не мог понять, что же происходит. Проявление обычного человеческого внимания в его сознании неотделимо от «прейскуранта». Наконец, уразумев что к чему, турист даже прослезился.

Да, хорошие обычаи, душевную доброту наших людей деньгами не измеришь. Но это не значит, что и там, где речь идет о гостеприимстве, о культуре обслуживания гостя, надо сбрасывать со счетов фактор экономический.

Летом прошлого года киевская гостиница «Москва» перешла на новые методы планирования и экономического стимулирования. С тех пор минуло несколько месяцев. И вот передо мной колонки цифр, за которыми стоит все то, что мы называем «дополнительные услуги». Оказалось, что именно она, эта категория услуг, в изменившихся условиях работы стала одной из самых прочных статей дохода в нашем гостиничном хозяйстве.

Исполком горсовета утвердил предложенные дирекцией гостиницы тарифы за многие услуги, которые до этого не были никем предусмотрены. Не выходя из гостиничного номера, теперь можно заказать и получить билет на поезд, самолет, стадион, в театр, музей. Плата за такие услуги почти не превышает расходов на проезд в троллейбусе.

Раньше как было? Вы остановились в гостинице, и вам захотелось послать своим друзьям в городе букет цветов или бутылку шампанского. Работники гостиницы выполняли ваше желание. Выполняли по доброй воле, из любезности — так издавна заведено, хотя по службе никто не обязан был делать это. Теперь же, когда посыльный знает, что из денег, которые вы платите за услугу, определенная часть отчисляется в фонды гостиницы — в фонды материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и т. п.,— он не ждет вашего вызова, а сам приходит к вам с предложением оказать ту или иную услугу.

Наши работники охотно встретят гостя на железнодорожном вокзале, пристани, в аэропорту. В бюро обслуживания ему напечатают на машинке деловые бумаги, выполнят перевод на русский, украинский, английский, французский языки. Если есть желание, организуют выезд за город, прогулку по Днепру.

Работники гостиничного бюро обслуживания в 1967 году только за «мелкие» услуги получили и внесли в государственную кассу сумму, равную их годичной заработной плате. Цифра показалась нам внушительной. В третьем квартале прошлого года доход от этой категории услуг превысил доход третьего квартала 1967 года почти на 30 процентов. Возросли и другие доходы. За счет чего? Мы теперь имеем больше прав и смелее внедряем разнообразные формы сервиса. И в этом материально заинтересован персонал гостиницы. Отсюда и качество, культура обслуживания, инициатива...

Ныне нам планируют «сверху» только доходы, прибыли и размеры отчислений от них в фонды предприятия. Все другие показатели мы планируем сами. Это большая ответственность. Нам самим решать, за счет чего экономика гостиницы должна ежегодно идти в гору. И вот здесь-то, мне кажется, таится некоторая угроза «торможения». В чем тут дело?

Мы пересмотрели свои штаты, сократили их до целесообразного минимума, наладили строжайший учет расхода электроэнергии, тепла, воды, осуществили ряд других мер. Уменьшение расходов и рост доходов определили тенденцию экономического подъема. Но на какой период? В одном из своих выступлений в печати председатель Госплана СССР товарищ Н. Байбаков говорил о том, что практика частых изменений планов приводит к стремлению попридержать резервы. Скажу откровенно, мы тоже не сразу «раскрыли карты» и кое-что из внутренних резервов держим в запасе, рассчитывая использовать их в течение 4—5 лет. А потом? Ведь гостиница не завод, не фабрика, наши фонды не активные, а пассивные, и через пять лет в гостинице будет столько же номеров, сколько имеется сегодня. А между тем плановые задания, как известно, разрабатываются по нарастающей. Вывод один: очевидно, наши планово-финансовые органы должны быть очень внимательны к специфике такого хозяйства, как гостиница, и учитывать его особенности, чтобы не поставить нас в трудное положение.

Современная гостиница превратилась в целый комплекс служб, призванных удовлетворять бытовые и культурные запросы гостей.

В нашей гостинице есть ресторан, кафе, почта, телеграф, пункт по обмену иностранной валюты, бытовой цех, химчистка, парикмахерские. Здесь работают киоски, где продаются книги, газеты, журналы, сувениры, аптечные товары. И сколько служб, столько и хозяев. В одном здании сходятся интересы многих ведомств. А порой и сталкиваются. Конечно, никто не станет ратовать за то, чтобы подчинить нам почту или, скажем, валютно-финансовые операции. Но передать в ведение гостиницы бытовые службы просто необходимо. Москвичи так и поступили, и это себя оправдывает. Или ресторан. Эдакая махина — два банкетных зала, два кафе, четыре буфета. Работает ресторан неплохо, и все же не так, как хотелось бы. А влиять на его работу мы можем только косвенно: там свое начальство. Может быть, целесообразно передать и ресторанное хозяйство гостинице. Хотя бы опыта ради. Нашим работникам при этом только хлопот прибавится. Но в интересах дела стоит пойти на такой эксперимент.

И теперь о самом нашем уязвимом месте.

Мы строим новые гостиницы. Строятся они и в Киеве. И тем не менее многие приезжающие в Киев не могут получить номера. Приходится сжиматься, уплотняться. За счет этого мы увеличили проектную мощность гостиницы почти на сто мест. Наши коллеги пытаются сделать то же самое. Но это капля в море. Мы не успеваем отвечать на телефонные звонки, объяснять, почему не можем принять гостей...

Между тем всего этого, по-моему, можно избежать. Только следует более разумно использовать то, что мы имеем. Почему гостиница переполнена? По-прежнему очень велик поток командированных. В некоторых ведомствах, как видно, не очень беспокоятся о том, чтобы прибывший специалист побыстрее решал свои дела и возвращался к месту работы, командированные нередко надолго располагаются в номерах. Киев, как и всякий столичный город, ежедневно принимает тысячи людей. Здесь созываются совещания, сборы, проходят научные сессии. Каждое ведомство приглашает людей, когда хочет, не считаясь с возможностями города. Бывают дни, когда перед администраторами гостиниц выстраиваются в очередь «посланцы» десятков учреждений с заявками. В такое время «невызванному» приезжему не позавидуешь. А потом — «отлив», спад. И случается, что номера стоят пустые.

Надо создать нечто вроде «диспетчерского пункта» — два-три работника с широкими полномочиями, к ним должны обращаться за консультацией организаторы крупных совещаний, чтоб ни тесноты не было, ни обиды.

Получив статью В. Прядина, собственный корреспондент «Огонька» по Украине А. Стась обратился к первому заместителю министра коммунального хозяйства УССР Владимиру Степановичу Бугаенко с просьбой высказать свои соображения о гостиничном хозяйстве, в частности о вопросах, поднятых директором гостиницы «Москва».

— Работа, которая ведется в гостинице «Москва»,— сказал заместитель министра,— перекликается с хорошими делами коллективов других наших гостиниц. Сейчас все больше и больше внимания уделяется культуре обслуживания, независимо от того, куда прибывает гость — в столицу или в город на периферии. И строится у нас гостиниц немало. Например, на Украине за последнее десятилетие количество гостиниц и мест в них (только в коммунальном хозяйстве) увеличилось более чем вдвое. Новые отели выросли в Киеве, Донецке, Черновцах, Ивано-Франковске, Полтаве, Ровно, Тернополе, во Львове и в других областных и районных центрах.

Однако В. Бугаенко считает, что нынешние темпы строительства гостиниц еще неудовлетворительны. Он называет некоторые цифры. Сооружение гостиницы на 200 мест растягивается в среднем на 3 года. Серьезной помехой является и то, что еще не разработаны по-настоящему современные проекты гостиничных зданий. В последнее время стали широко использовать проект, предложенный ленинградцами. Но это весьма дорогая новинка. Архитекторы, в том числе и украинские, пока не дали коммунальникам экономически выгодное и всесторонне приемлемое решение этой задачи.

— Растягивание сроков строительства, его удорожание всегда отрицательно сказываются на всей экономике. А в гостиничном хозяйстве тем более, потому здесь в ряде случаев мы больше даем, чем берем. Если с 1961 по 1968 год государственные капиталовложения на строительство гостиниц составляли 36,1 миллиона рублей, то за это же время прибыль от их эксплуатации едва превысила 9 миллионов. Есть гостиницы, которые смогут окупить себя только через 15—20 лет.

Тут, пожалуй, и берет начало ряд проблем, которые тесно взаимосвязаны. Например, рентабельность некоторых коммунальных услуг на городском транспорте: она на пределе. Увы, этим же страдают и некоторые гостиницы. Поэтому мы должны всячески поощрять все виды сервиса, разнообразить его, повсеместно внедрять. В результате двойной выигрыш — и для гостя и для государства.

Необходим глубокий экономический анализ всех нововведений. Быть может, настало время пересмотреть существующие тарифы — это уже сделано в таких отраслях, как энергетика, газификация, производство строительных материалов. Речь идет не о том, чтобы, скажем, механически повысить тарифы на номера в отелях. Но надо более рачительно распорядиться своим добром. Вот хотя бы сезонность. У нас и летом, и зимой, и в бойкой курортной местности, и в некурортном городе цена номера в гостинице одна и та же. За койку в трехместном номере вы платите столько же, сколько и за место в восьмикоечной комнате общежития. Мы многое уравняли, а это уже не отвечает духу времени.

Это лишь некоторые соображения. Их нужно тщательно взвесить, кое-что проверить экспериментом. Тут придется поработать экономистам, плановикам и социологам. В самом деле, что получается: когда-то, давным-давно, было решено строить гостиницы в зависимости от числа жителей того или иного города. Эти нормативы существуют и поныне, хотя они явно устарели, так как сегодня не только количество населения, но и многие другие факторы диктуют свои требования.

Гостиница «Москва» в Киеве осуществляет свою хозяйственную деятельность по-новому, и ее коллектив получил первые положительные результаты перестройки. Однако спешка здесь ни к чему. Присматриваясь к опыту гостиницы «Москва», внимательно изучая его, министерство коммунального хозяйства республики будет постепенно рекомендовать работникам других гостиниц осуществлять планирование и экономическое стимулирование по-новому.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О земляке

Перед самой войной мне и десяти не было. Но помню, как вечерами отец мой, малограмотный донской казак-инвалид, чуть не по складам читал вслух «Тихий Дон».

Читал, гремел деревянной ногой, удивлялся и по-своему выразительно комментировал книгу:

— Истинная правда, побей меня бог! Вся нашенская жизнь тут, как на ладони. Этот Михаил Шолохов, язви его в душу, будто под окошком стоял и слушал, об чем гутарют казаки. А сам-то молодой был тем временем.

И добавлял горделиво:

— Казак он, всенепременно казак. Мы, казаки, народ дюже способный и ко всякому делу приструнный.

Михаил Александрович лишь лукаво улыбался в усы, когда я недавно рассказал ему об отце.

Мы гордимся, что живем на Донщине, с которой теперь навечно связано имя Шолохова — большого и честного писателя. Мы гордимся, что Шолохов рассказал о нашем героическом многострадальном крае всему миру, что обыкновенная прежде казачья станица Вешенская стала литературной Меккой, посетить которую считает за большую честь любой писатель.

Был в Вешенской и известный английский писатель Чарлз Перси Сноу, который назвал «Тихий Дон» наиболее прекрасным из романов, созданных кем-либо в течение сорока лет. И это было сказано не вежливости ради. Известно, что в Англии «Тихий Дон» неоднократно издавался колоссальными тиражами.

Но вот читаю в вашем журнале статью ростовского журналиста Константина Приймы «Куда исчезли в Англии 100 страниц «Тихого Дона». Это поразительно! Так изуродовать шедевр мировой литературы! Хороша же эта традиционная английская «свобода» печати! Для кого свобода? Для издательства «Путнам», варварски искромсавшего роман, который признан всем миром.

Да, возмущение было первым чувством. Но потом я подумал: обидно, конечно, но ведь это и здорово! «Тихий Дон» борется, сражается. А раны — гордость бойца. Ведь дело-то в том, что, вырубив 100 страниц из «Тихого Дона», английское издательство «Путнам» выдало себя с головой, лишний раз раскрыв перед нами суть буржуазной свободы.

Сила искусства такова, что жизнь заставила «Путнам» издать роман. А хваленая буржуазная свобода заставила скрыть от читателей правду истории. Например, правду об интервенции, о грязных делах англо-французских империалистов на Дону. Короче, правду о нашей Великой революции.

Нашкодили. господа издатели, как шелудивые псы. Опозорились в глазах литературного мира. А «Тихий Дон» тем временем покоряет новые миллионы сердец. Мы верим, что придет то время, когда и английский читатель сможет взять в руки «Тихий Дон» в полном переводе и оценить великолепную силу и красоту шолоховских строк.

Н. КИСЛЯКОВ

г. Миллерово, Ростовской области.

Шолохов — гордость Советской страны, а для вешенцев особая, потому что он наш земляк. Именно поэтому мы с особым интересом прочитали в «Огоньке» статью Константина Приймы «Куда исчезли в Англии 100 страниц «Тихого Дона». Читали и сначала удивлялись, а потом наше удивление переросло в возмущение.

Не вызывает сомнения, что упражнения издателей и редакторов «Путнам» над «Тихим Доном» — это, во-первых, преднамеренная фальсификация исторической правды о Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в России, во-вторых, стремление скрыть от своих соотечественников кровавые дела английских, французских и немецких интервентов на нашей земле. Но империалисты, интервенты от этого не стали и не станут чище. Наглядное подтверждение тому — война Соединенных Штатов Америки против Вьетнама. По такому поводу у нас на Дону говорят: черного кобеля не отмоешь добела.

Впрочем, им не нравятся и наши пословицы, и поговорки, и даже казачьи песни. Все это они выбросили из «Тихого Дона», обесцветили и обескровили роман... Тут уж мы усматриваем неуважение не только к автору классического произведения, но и к русскому народу.

Совсем недавно мы прочитали в газетах, с какой скрупулезностью, умилением и сочувствием в Лондоне была подготовлена выставка печатных творений, издававшихся подпольными контрреволюционными силами в Чехословакии. А вот к переводу и изданию литературного шедевра века — роману советского писателя — отнеслись по-иному. Нет, что ли, в Англии порядочных переводчиков, редакторов и издателей? Хочется думать, что это не так.

Д. КОЧЕТОВ, колхозник колхоза «Тихий Дон»; Х. БОКОВА, свинарка совхоза «Кружилинский», Герой Социалистического Труда; А. ЗОТЬЕВ, завуч Базковской средней школы, заслуженный учитель школы РСФСР; П. ЧУКАРИН, журналист (редактор вешенской районной газеты «Советский Дон»).

В. ВИКТОРОВ

В № 33 журнала «Огонек» за 1963 год наши читатели впервые встретились с Янисом Лусисом. В то время молодой копьеметатель только начинал свой спортивный путь, достойно заменив многократного чемпиона страны Владимира Кузнецова. Прошло пять лет. И в канун XIX Олимпийских игр в № 40 «Огонька» за прошлый год было рассказано о блестящем финском турне третьего призера Токийской олимпиады, одного из главных претендентов на золотую медаль олимпиады Мексиканской, Яниса Лусиса. Выступая на стадионе маленького финского городка, Лусис установил новый мировой рекорд. Его копье пролетело 91 метр 98 сантиметров. И вот в третий раз мы встречаемся на страницах «Огонька» с замечательным советским спортсменом. В этом очерке рассказывается, как Янис Лусис завоевал в Мехико золотую медаль.

Я надеялся на встречу с Лусисом в Цахкадзоре, в горном оазисе, где будущие олимпийцы примеривались к мексиканской высоте,— и ошибся: Лусис предпочел готовиться к встречам на мексиканском уровне дома, в Риге. Увидеться с ним мне удалось только в Ленинакане на чемпионате страны, и там-то под знойным небом Армении Лусис рассказал мне о своей поездке в Финляндию. Но вот что меня поразило: рассказывая о финском турне, Лусис ни разу не упомянул о близящемся турне мексиканском, а я так и не решился заговорить о нем, хотя понимал, что все то, что делал Лусис в последние четыре года, к чему он стремился, было лишь подготовкой к близящейся олимпиаде. Я чувствовал, что разговор об олимпийских делах будет Лусису не по нутру, как и о делах его личных, хотя все уже знали, что он соединил свою судьбу с судьбой известнейшей копьеметательницы (до начала Токийской олимпиады, мировой рекордсменки) Эльвиры Озолиной. И с тех пор, как это стало известно, кто же не понимал, какой горький осадок должна была оставить в сердце Лусиса Токийская олимпиада! Ведь в Токио Лусис пережил не только свою относительную неудачу, но и абсолютную неудачу Озолиной. Кто перед началом XVIII Олимпийских игр сомневался в том, что именно Озолина будет первой? А она, сломленная неожиданным рекордным броском Елены Горчаковой, оказалась лишь пятой.

Да, в какой уже раз копье сбивало с ног общепризнанных фаворитов Олимпийских игр... Кто, к примеру, мог предположить на Хельсинкской олимпиаде, что Тойво Хютияйнен выпустит у себя дома вперед двух американцев? Кто мог предвидеть, что в Мельбурне на первом месте окажется норвежец Даниэльсон, а не поляк Сидло? Ну а мог ли кто предсказать победу Виктору Цибуленко в Риме? Или успех Пенти Невалы в Токио? И вот там же, в Токио, разыгралась еще одна драма, в которой Лусис, оказывается, совсем не был сторонним наблюдателем, и, конечно же, в отсветах этой неудачи он должен был прожить все эти четыре года, отделяющие Токио от Мехико. Разве мог забыть Лусис и о своей неудаче и о провале многих других неоспоримых претендентов на победу? И чем чаще его копье залетало за девяностометровую черту, чем прочнее он укреплялся на позиции главного претендента на золотую олимпийскую медаль, тем, должно быть, тревожнее становилось у него на душе. Вот, может быть, почему так сдержан был его рассказ о долгожданном мировом рекорде, установленном им в Финляндии, вот почему он так упорно избегал разговора о Мехико.

Так или иначе, но я решил и в Мехико не докучать Лусису и, даже узнав о его удивительном броске на тренировочном стадионе в олимпийской деревне, не пошел его поздравлять. И правильно сделал. Уже на следующий день Лусис пресек все журналистские восторги, разгоревшиеся вокруг его броска. Лусис заявил, что метал облегченное женское копье и поэтому его бросок через все поле ни о чем не говорит. «Оставьте меня в покое — так можно было истолковать его заявление,— поищите свои сенсации в другом месте, а мне не до вас...»

Не знаю, поняли ли мои соседи по вилле прессы Лусиса или просто нашли более разговорчивых героев, но его они оставили в покое. Даже давнишний соратник Владимир Кузнецов до самого дня соревнований не подходил к Лусису. Прилетев в Мехико на сей раз не в роли участника, а рядового зрителя, Кузнецов первые четыре дня, пока на Университетском стадионе одна за другой рушились наши надежды, не появлялся в олимпийской деревне, чтобы ненароком не столкнуться с Лусисом. Только 15 октября утром, когда копьеметатели приступили к выполнению квалификационной нормы, Кузнецов впервые увидел Лусиса со скамьи стадиона.

Уже потом Владимир Кузнецов рассказал мне, что впервые после долгого перерыва он посмотрел на Лусиса снова глазами соперника. Ведь в последний раз они встретились как соперники четыре года тому назад в Токио, когда Кузнецов вдруг решил снова взять в руки копье и доказать, что еще может потягаться с лучшими копьеметателями мира. Тогда на квалификационных соревнованиях Владимир Кузнецов показал лучший результат, чем Невала, Кульчар и Лусис — будущие призеры олимпиады,— а на вечерних соревнованиях не смог ни разу хорошо метнуть копье и остался на восьмом месте. Теперь в Мехико Кузнецов со скамьи стадиона смотрел, как пробивались в основные соревнования его старые знакомые. Вот немец Штолле и венгр Кульчар уже махнули копье за восемьдесят метров с первой попытки, эстонец Март Паама и чемпион Токийской олимпиады Пенти Невала не дотянулись до заветного рубежа, а вот и Лусис берет разбег. Он как будто бы не очень торопится? Да, есть в его движениях какая-то усталость, трудно уловимая, но есть. И все равно, какая мощь в его движениях! Недаром четырнадцать раз улетало его копье за девяносто метров. Что ему теперь квалификационный рубеж!

Кузнецов уже давно пришел к выводу, что девяносто метров — это реальный результат, а, начав работать в научно-исследовательском институте, точно рассчитал, что для этого нужно делать, какой выдерживать угол атаки и сколько метров в секунду должно пролетать копье, чтобы прорваться в спортивную стратосферу. И вот Лусис все эти теоретические выкладки освоил на практике. Его копье уходит в воздух почти под прямым углом, а скорость полета превышает 30 метров в секунду. Даже сейчас, когда в движениях Лусиса чувствуется какой-то разнобой, бросок должен быть никак не меньше 87 метров... Никак не меньше? И вдруг на табло вспыхнули цифры: «83.68». Да, Лусис пока не тот, что был в Финляндии. Но это же только утреннее соревнование! Для чего ему в конце концов жилы тянуть? Ведь он и так показал результат, с которым в Токио занял бы первое место. И все же эти 83.68 тревожили Кузнецова. Что из того, что токийский чемпион Невала даже не смог показать квалификационной нормы? Что из того, что другой финн, Киннунен, попал в число претендентов на золотую медаль лишь после третьего, последнего броска? Кто не знает, что и сегодня 80 метров — это результат. Да, результат, но не для Лусиса. И Кузнецов не решился и на этот раз подойти к нему, а лишь издали проводил его со стадиона, подождал, пока тот уехал, и тогда сам сел в автобус.

Кузнецов знал, что он понадобится Лусису только на следующее утро, когда наступят последние часы перед стартом и уже ничто не сможет прикрыть его от ста шестидесяти тысяч глаз, нацеленных со всех сторон, от пяти тысяч журналистов, которые на этот раз не оставят его в покое.

Вот о чем думал Кузнецов, поднимаясь на шестой этаж высотного дома в олимпийской деревне. Лусис оказался дома, собирался идти завтракать и был, как всегда, невозмутим, молчалив и корректен.

— Пойдем поедим,— предложил он Кузнецову, и тот не мог не удивиться этой выдержке, хотя не раз уже поражался ей за те семь лет, что знал этого человека.

— В тебе, как всегда, вся невозмутимость латышского народа,— сказал Кузнецов.— Пойдем поедим.

Лусис и Кузнецов о многом говорили в тот долгий день. О спортивной науке и работах в лаборатории теории методики развития скоростно-силовых качеств, которой руководил Кузнецов. О тренировках Эльвиры Озолиной. О силовой подготовке, которую провел сам Лусис.

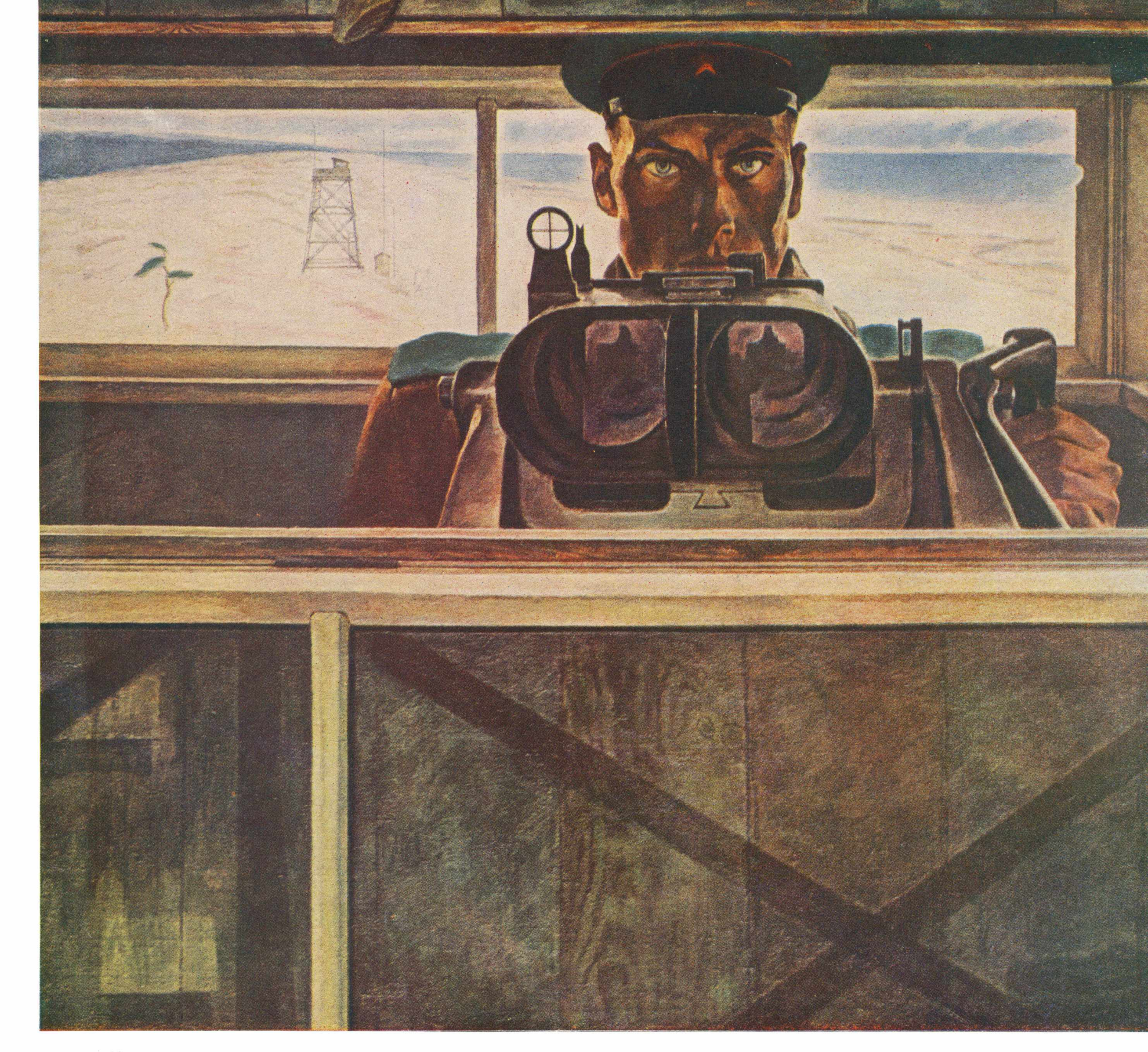
— Это же тема моей докторской диссертации — силовая подготовка спортсменов высших разрядов,— сказал Кузнецов.— Тебя бы завернуть в целлофанчик и представить аттестационной комиссии. Ты же мой эксперимент!

Но Лусис все такой же задумчивый, невозмутимый, даже не улыбнулся этой шутке.

— Подожди немного,— сказал он.— Недолго ждать осталось. Вот выступлю и заворачивай. Но тогда мы не сможем погулять по Мехико. Ну и город! Одна улица Инсургентес — тридцать пять километров.— И они поговорили о Мехико-сити, об архитекторах, строящих этот огромный город, а потом поднялись наверх, в квартиру, где, уже вернувшись с квалификационных соревнований, отдыхал Виктор Санеев и еще ждали своего часа Игорь Тер-Ованесян и Рейн Аун. Настороженной тишиной была насыщена квартира № 601, и сидеть в ней было тягостно.

Кузнецов все пытался заговорить с Лусисом о копье, но никак не мог решиться. Вот уже много лет он собирал копья, в его коллекции было их уже 46, самых знаменитых, и теперь Кузнецов надеялся получить от Лусиса то, с которым тот завоюет олимпийское первенство. Но как об этом попросить?

Они посидели перед дорогой, спустились вниз и еще издали увидели за стеклами автобуса маленького черноволосого финна Киннунена, и плечистого венгра Кульчара, и немца Штолле, и двух поляков — Сидло и Никичука, а Кузнецов все подбирал слова. «Да, между прочим, я надеюсь получить у тебя копье...» Нет, «между прочим» — это глупая наивность. «Ты, конечно, знаешь, что я жду от те-

Ю. Павлов (Москва). И ДНЕМ И НОЧЬЮ.

И. Обросов (Москва). ГОЛУБЫЕ ОЗЕРА ЛЬНА.

бя!» Но почему Лусис должен это знать? «Копье, которое получу от тебя, будет сорок седьмое». «Чепуха»,— решил Кузнецов, а автобус уже въезжал на забитый людьми стадион. Да, народищу не протолкнуться. Еще бы! День-то какой! Сегодня будут известны чемпионы и в прыжках с шестом, и в беге на двести метров, и в беге на три тысячи метров с препятствиями. Будет на что посмотреть!

Копьеметатели одной группкой прошли на тренировочный стадион, не торопясь, разделись, будто все уже было позади, будто медали уже лежали у них у всех в сумках.

На контрольных часах было 3 часа 30 минут — только час до старта. Да нет, уже не час. Ведь за тридцать минут вспыхнет сигнальная лампочка, и они все пойдут на пункт сбора в тоннель. Еще можно сделать несколько бросков. Еще можно сказать Янису о копье. Вот прекрасный повод: «Янис, ты не забыл, что тебе метать копье? Так не забудь вручить его мне после шестой попытки». Нет, это все тот же бред. Но другого случая не будет. Вот уже Киннунен закончил разминку и Кульчар берется за свою сумку. Только Лусис все еще возится с ядром.

На поле уже никого не было, когда Янис Лусис тоже закончил разминку. Теперь они вместе пройдут до развилки и расстанутся... Дошли. Ну что же, пора изречь это извечное «ни пуха, ни пера»...

И в тот момент, когда Кузнецов хотел пожелать Лусису удачи, тот улыбнулся и спросил:

— Ну что тебе, копье?.. Будет тебе копье.

И тогда Кузнецов сказал:

— Не забудь сделать зарубку. А то потом не найдешь...

— Сделаю,— пообещал Лусис.— И пошел, не оглядываясь, а Кузнецов, глядя ему вслед, подумал: «Маззалитиса нет в Мехико, а я со своим копьем... Трудно Янису придется без своего тренера».

И все равно, устроившись на условленном месте у финиша стометровки вместе с кинооператором, которому Кузнецов обещал помочь в съемке, он глаз не спускал со стойки с копьями. Кузнецов видел, как Лусис выбрал одно из копий и несколько раз метнул, испытывая планирующую плавность его полета. «Лучшего и не надо,— отметил про себя Кузнецов.— Сделай же зарубку». Но разве можно уследить за пятьдесят метров, что делает с копьем Янис Лусис? Тут и лица его не разглядишь... А что, если использовать телевик?

Огромная оптическая труба разом вплотную приблизила к Кузнецову лицо Лусиса. Оно было все такое же спокойное, будто бы не ему сейчас начинать... Надо же! Лусису начинать. Хотя, впрочем, это неважно. Ему все равно сразу, как в Одессе, как в Саариярви, надо с первой попытки застолбить результат. Только бы собрался, только бы забыл о Токио и о вчерашнем своем броске. Ему надо сразу метнуть за девяносто, и все. Пусть тогда догоняют. Тогда они будут думать только об одном: как бы проиграть достойнее.

Пятисотмиллиметровый телевик оттягивал руку, и Лусис то появлялся, то исчезал, а потом совсем исчез, и Кузнецов понял: начал разбег. Теперь уже невооруженным глазом было видно, что Лусис бежит медленнее, чем обычно, и рука его опущена слишком низко. Нет, так не бросишь за девяносто... И судейское табло тут же подтвердило эту догадку: 81 метр 74 сантиметра. Вот и застолбил! Нет, Лусис, видно, ничего не забыл. Это тревожно. А сейчас пойдет в атаку Киннунен. Еще бы, какой шанс! И стадион взвыл, приветствуя новые цифры, вспыхнувшие на электротабло: «86.30».

Это серьезно! Это очень серьезно! И как это серьезно, Кузнецов понял, когда закончилась первая попытка. Никому не удался бросок за флажок Киннунена, но зато Кульчару удалось выйти вперед. Это же почти совсем как в Токио, только вместо Невалы другой финн — Киннунен.

Зачем он так низко опускает руку перед броском? Как ему сказать об этом? А может быть, он сам поймет? Нет, он, наверное, этого не понял, иначе, готовясь ко второму броску, попробовал бы поднять руку повыше... Вот сейчас узнаем. Вон он на старте, и белое копье над плечом... Какая страшная сила разбега! Руку, руку!

Как хотелось Кузнецову раскрыть Лусису его ошибку! Руку повыше, и все будет хорошо! Нет, снова низко, и копье развернуто почти поперек движению, и все равно 86.34. Все равно он вышел вперед, хоть на четыре сантиметра, да вышел. Насколько же он метнул бы, если бы не рука? На наших глазах погиб новый мировой рекорд. Ну что же, будем благодарны и за эти четыре сантиметра. Теперь он первый. Пока первый...

Вот теперь надо отрываться. А для этого надо помнить о руке. Вспомни же! Ну вспомни! И когда Лусис взял разбег, когда он снова стал опускать все ниже правую руку, Кузнецов не выдержал и закричал изо всех сил: «Рука! Рука!» — но Лусис по-прежнему волочил руку чуть ли не по земле. Третья попытка хуже второй. Всего 82.66. И хоть Лусис и остался первым после третьей попытки, но только потому, что Киннунен и Кульчар так старались сразу обогнать его, что не смогли использовать своих попыток. Кузнецов чувствовал: если Лусис не исправит броска, если не сможет вложить всю свою огромную силу в копье, не удержать ему первого места.

Сколько же осталось попыток? Еще три. Пора отрываться, и, когда Лусис снова устремился вперед, Кузнецов и кинооператор в два голоса закричали ему вслед: «Выше руку!.. Выше руку!..» Но Лусис мчался, по-прежнему заваливая тело вправо, клоня его к земле.

Что же это значит? Неужели же он не видит, не понимает, не слышит? Это же еще одна неудача... Ну да, так и есть... 84.40... А Кульчар на этот раз не прозевал: 87 метров 6 сантиметров пролетело его копье. Венгр вышел вперед. Неужели же и в Мехико будет еще одна сенсация?

Вот начинается уже пятая попытка. Пора, Лусис! Пора! Конечно, он сам это понимает. В разбеге нет больше крена. Сейчас вся скорость перейдет в копье... Слишком быстро... Не успел остановиться... Заступ... Нет у Лусиса пятой попытки. Есть у него только одна, последняя, шестая...

Вот она, шестая попытка. Сколько сильных, отлично подготовленных атлетов не могли использовать ее! Тут нужна вера. Тут надо уметь заставить себя забыть обо всем. И в том числе о том, что она шестая, последняя. В окуляре телевика совсем рядом подпрыгивает, трясется лицо Лусиса. Неужели он так взволнован? Да нет же, это трясется моя рука, подумал Кузнецов. Лусис невозмутим. И копье недвижимо застыло в его руке. Сделал он на нем зарубку? А нужна ли будет эта зарубка? Сейчас начнется последняя попытка, а впереди Кульчар. Тот самый Кульчар, который в Токио отобрал у Лусиса серебряную медаль. Ну, а здесь, в Мехико, он хочет отобрать у него золотую? И ничего нельзя сделать? Слишком поздно понял Лусис свою необъяснимую ошибку. Почему он так низко опускал руку? Почему?

И когда Лусис взял шестой раз разбег, когда охрипший, невыносимо уставший Кузнецов снова закричал ему вслед «Руку!», хотя этого уже совсем и не требовалось, когда стадион поднялся на ноги, хоть и не верил в чудо, Лусис вдруг остановился. Он остановился в тот самый момент, когда копье должно было взлететь в воздух, и, может быть, лишь один человек на всем огромном стадионе подумал в этот миг не о том, что Лусис не верит в себя, что он уже проиграл, а о том, что надо было подумать: Лусис полностью контролирует свои действия, он просто проверяет точность своего разбега...

Этим человеком, понявшим, что делает Лусис, был Владимир Кузнецов. И он не ошибся. Лусис вернулся на старт, снова взял разбег, и все увидели, как наконец-то тело метателя слилось с копьем, как копье стало ввинчиваться в воздух, удаляясь все дальше и дальше и, наконец, вонзилось в землю, где-то там, на другом конце поля.

Этот шестой бросок Яниса Лусиса оказался короче его рекордного броска, но он был достаточно далек, чтобы закрепить за ним олимпийскую победу. Не торопясь шел по полю Янис Лусис, туда, куда судьи тянули слишком короткую для его броска металлическую рулетку, а на табло еще горели только начальные цифры: «6» и «814» — порядковый номер попытки и личный номер участника. А потом вспыхнула и завершающая цифра: «90.10». И всем стало ясно: Лусис победил...

А через пятнадцать минут еле стоящий на ногах Кузнецов встретился с Лусисом и спросил его:

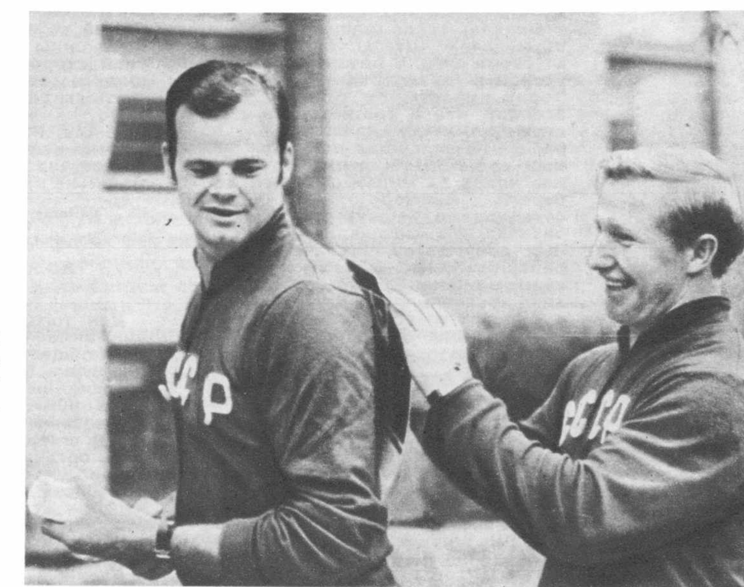
— Скажи мне, Янис, что случилось? Ты же меня совсем замучил. Что с тобой случилось?

— Да ничего не случилось. Просто столько сил накопил, что никак не мог их правильно использовать,— сказал Лусис.— Знаешь, смешно сказать, но я в конце концов мечтал об одном: поскорее устать. И к четвертой попытке я наконец устал. На пятой нашел нужную траекторию, и вот, видишь,— все в порядке... Ну пойдем к судье. У меня есть к нему дело.

...И Кузнецов понял, что это за дело, когда судья с улыбкой протянул Лусису белое копье, а тот, в свою очередь, передал его Кузнецову. На обмотке копья виднелась свежая зарубка.

Мехико 16 октября. Шестая попытка.

Два олимпийских чемпиона — Янис Лусис и штангист Виктор Куренцов.

ЧЕТЫРЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В рождественский вечер, 24 декабря, на военно-морскую базу Сан-Диего в Калифорнии вернулись восемьдесят два моряка со шпионского корабля «Пуэбло».

На пресс-конференции слово было предоставлено капитану Бьючеру, а затем его помощнику, офицеру-администратору судна Мерфи. Но адмирал, руководивший церемонией приема, прервал обоих на полуслове. Они начали было говорить правду, а Америка знала о «Пуэбло» только официальную версию — лживую.

ЛОЖЬ НОМЕР ОДИН: ГДЕ ЗАДЕРЖАЛИ «ПУЭБЛО»

За год до этого, 23 января 1967 года, в территориальных водах КНДР было задержано американское разведывательное судно «Пуэбло». Правительство США поспешило заявить, что корабль «захвачен в открытом море» и, следовательно, задержан незаконно.

Но в заявлении, написанном рукой капитана Бьючера, фотокопию которого мы приводим, говорится совершенно недвусмысленно, что «Пуэбло» «был пленен во время осуществления шпионской деятельности в территориальных водах Корейской Народно-Демократической Республики». На пресс-конференции, устроенной в КНДР для иностранных журналистов, помощник капитана Мерфи указал семнадцать (!) мест вторжения судна в чужие воды.

Правда, когда капитан Бьючер вернулся в Штаты, он отказался от своих слов. В интервью, напечатанном журналом «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», он трижды (!) повторяет, что в соответствии с инструкциями командования его корабль не нарушал территориальных вод КНДР и держался не менее чем в 13 милях от корейского берега. Бьючер лжет вместе с господами из журнала. Ибо мы располагаем фотокопиями секретных документов, захваченных корейскими пограничными силами на судне-шпионе. В одном из них сказано дословно так: «Надводное патрулирование вплоть до трехмильной границы от берегов Северной Кореи и островов **разрешается**».

ЛОЖЬ НОМЕР ДВА: ЧЕМ ЗАНИМАЛСЯ «ПУЭБЛО»

Хозяин «Пуэбло» известен. Ибо его именем помечены все найденные на судне документы. Это Управление национальной безопасности. Штаб в Мэриленде. Директор — генерал-лейтенант Маршал Картер. Штат — четырнадцать тысяч человек. Бюджет (по официальным данным) — один миллиард долларов в год. Средства — самолеты, подводные лодки, надводные суда и разведывательные спутники. Задачи: распознавание сигналов, используемых для наведения ракет на цель, изучение радиостанций и радарных установок «противника», дешифровка кодов, прослушивание переговоров. Именно для этого «Пуэбло» был направлен к берегам КНДР и Советского Союза.

Власти Соединенных Штатов могут сколько угодно повторять, что «корабль не вел никакой противозаконной деятельности». В захваченных на «Пуэбло» документах указывается график движения судна и его задачи. Вот они: «сбор информации о передвижениях и возможностях северокорейского военно-морского флота», «береговые радары Северной Кореи», «советские ракетные операции — запуски и связанная с ними деятельность», «сила советской военно-морской береговой обороны (учения)» и тому подобное. В расписании движения судна указано: январь — Северная Корея, Цусимский пролив. Февраль — март — Японское море, апрель — май — Петропавловск...

Смысл деятельности корабля и связанный с нею риск был ясен многим американцам. Недаром некоторые члены сенатской комиссии по иностранным делам отметили «провокационный» и безответственный» характер миссии «Пуэбло».

ЛОЖЬ НОМЕР ТРИ: ОТКАЗ ОТ ПОДПИСИ

Для того, чтобы выручить своих шпионов, американская сторона обратилась к КНДР с просьбой о встрече. После двадцати восьми заседаний, проведенных в Паньмыньчжоне с февраля по декабрь 1968 года, генерал-майор Джилберт Вудворд от имени правительства Соединенных Штатов Америки подписал заявление, фотокопию которого мы печатаем. В нем правительство США публично признавало постыдный факт шпионажа, приносило торжественное извинение правительству КНДР и заверяло в том, что впредь таких нарушений не будет. В связи с признанием вины и по просьбе американской стороны власти КНДР согласились освободить экипаж преступного корабля.

Но не успели еще высохнуть чернила на этом заявлении, как тот же генерал-майор, не моргнув глазом, назвал подписанный документ «не имеющим никакой цены».

ЛОЖЬ ЧЕТВЕРТАЯ И НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Для того, чтобы как-то отвлечь внимание американской и мировой общественности от позорного скандала, Вашингтон пустил в ход затасканный трюк с «жестоким обращением». Но трюк есть трюк... Едва успев ступить на родную землю и еще до того, как спохватились организаторы встречи, Мерфи заявил, что в КНДР с моряками «Пуэбло» обращались хорошо и что они встретили в плену «среди северокорейцев очень приятных людей». Капитан Бьючер, со своей стороны, отказался отвечать на усиленные намеки журналистов «о грубости северных корейцев».

Прошло десять дней. И вдруг Бьючер заговорил, но только на страницах журнала «Ю. С. ньюс». На свет появились состряпанные факты о «промывании мозгов» и другие небылицы, которые позволили органу монополистических кругов США отозваться о членах экипажа как о «героях», достойных особой награды, разумеется... после «тщательного расследования».

Для успеха этого расследования мы предлагаем приобщить напечатанный нами документальный материал к делу «Пуэбло».

Помощник капитана Мерфи показывает пункты нарушения кораблем «Пуэбло» границ КНДР.

Фотокопии секретных разведывательных документов, обнаруженных на судне.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЛАНДСКНЕХТЫ ДОЛЛАРА И МИР В ЕВРОПЕ

Спартак БЕГЛОВ

Январские вести из некоторых европейских столиц напомнили мне об одной дискуссии, состоявшейся в Лондоне около года назад. Ее участниками были советские и английские журналисты. Речь шла о том, как будут дальше развиваться отношения между нашими двумя странами. В конце концов весь разговор сосредоточился на одном вопросе: способны ли европейцы сами обеспечить мир и безопасность на своем континенте, или же дело никак не обойдется без заокеанских «варягов» с атомной бомбой в одной руке и долларами в другой?

Помнится, как убеленный сединой редактор иностранного отдела одной лейбористской газеты упорно твердил свое: «Англии не обойтись без НАТО, без американцев. Мы нужны им, поскольку без нас теряет смысл существование Атлантического союза. Служа Атлантическому союзу, мы спасаем фунт стерлингов!».

Когда ненависть к коммунизму переходит в привычное состояние (а как известно, привычка — вторая натура), то происходят невероятные вещи. Покойный Уинстон Черчилль вкупе с Джоном Фостером Даллесом и Конрадом Аденауэром объявил, например, что с определенного момента понятие «Европа» распространяется только на ту часть континента, которая лежит к западу от Эльбы, Щецина и Триеста. Закрыть Восточную Европу да и только! И все потому, что на другой половине Европы победил социализм. В конце концов это привело к убогой «философии» упомянутого мной лейбористского редактора: «Мы чувствуем себя в кармане у богатого дядюшки, как у себя дома. За антикоммунизм хорошо платят».

Летом 1967 года мне пришлось быть свидетелем пламенного выступления одного деятеля либеральной партии в канадском парламенте, который поставил вопрос так: что дает Канаде участие в НАТО, кроме обременительной повинности держать в Европе, за много тысяч миль от родного дома, целую бригаду канадских солдат в роли наемников, а также постоянной опасности стать жертвой ядерных провокаций американских генералов, распоряжающихся небом Канады, как своим собственным? Ответ тогдашнего премьер-министра Канады звучал примерно в следующем духе: подсчитайте, какая доля наших богатств уже перешла в собственность миллионеров и миллиардеров с юга, и вы поймете, почему мы не можем проводить независимую от США политику.

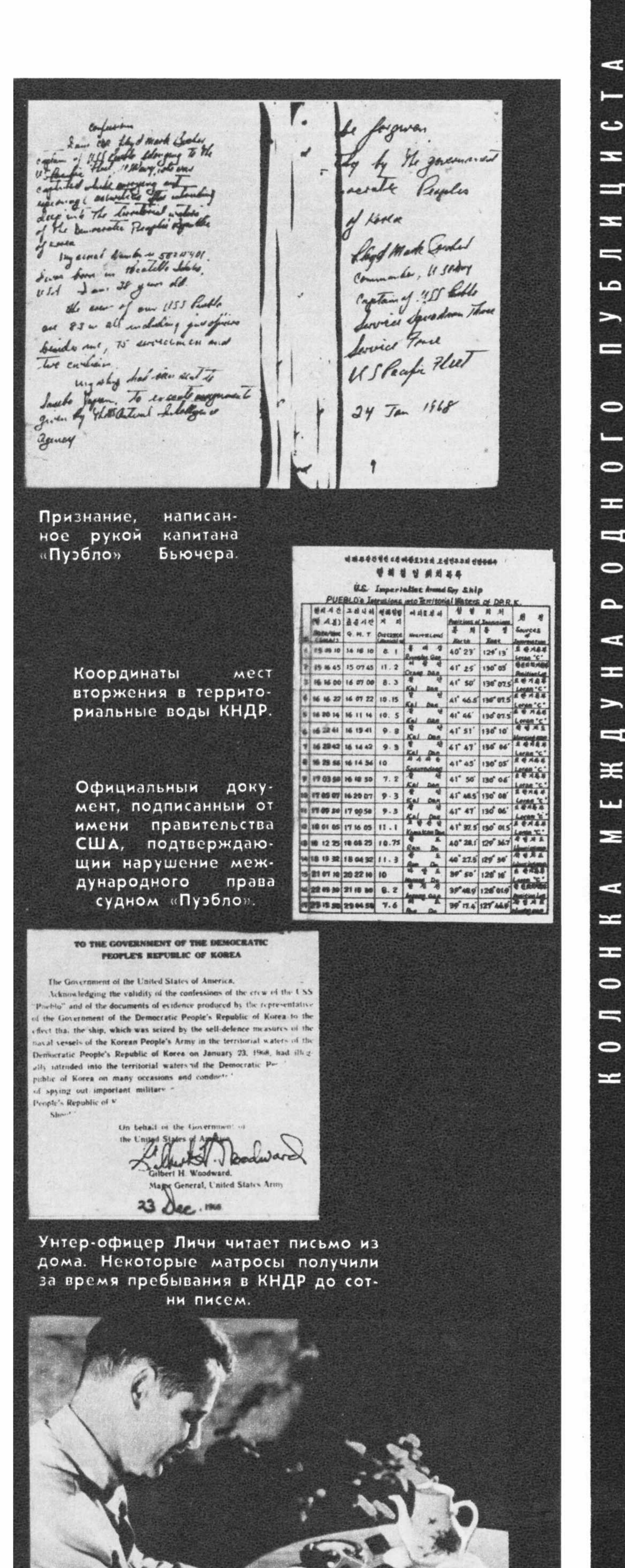
Но вот пришли в Канаде к власти новые люди из той же партии. Они все откровеннее намекают на то, что в кармане у богатого дядюшки не так уж уютно и безопасно. Что же в первую очередь не устраивает канадцев? Думаю, не ошибемся, если скажем: роль ландскнехта, наемника. Против этого восстает человеческая натура, если только антикоммунизм не стал ее обратной стороной, как это произошло с некоторыми лейбористскими деятелями Англии.

Все эти примеры из недавнего прошлого встали в моей памяти, когда в первых новостях этого года сплелись вместе, казалось бы, разные по характеру события. Из западногерманского города Франкфурта сообщили, что военно-транспортный самолет «С-141» доставил туда первую партию американских солдат из общего числа 15 тысяч, перебрасываемых из-за океана для проведения маневров «Рефорджер-I» близ границы между ФРГ и Чехословакией. Лондонский телетайп принес весть о том, что участвующий в конференции глав правительств стран Содружества наций канадский премьер-министр Трюдо заявил о предстоящем пересмотре его страной вопроса о дальнейшем участии в НАТО. Из Парижа поступили результаты работы советско-французской «большой комиссии», запланировавшей в предстоящем пятилетии удвоение объема советско-французской торговли и еще более широкое развитие научно-технического сотрудничества между двумя странами.

Перечисленные события первых недель нового года имеют самое прямое касательство к судьбам мира в Европе. Одни страны, как это делают Франция и СССР, ищут пути равноправного сотрудничества. Другие же, как это делают правящие круги США, ФРГ и Англии, толкают Европу к усилению напряженности с помощью новых провокационных маневров, превращая всю систему НАТО в организацию по вербовке ландскнехтов на службу воинствующим доктринам антикоммунизма. Третьи, наученные горьким опытом, все больше задумываются, не слишком ли хлопотно, обременительно и, главное, опасно пребывать и дальше на ролях наемников?

Что верно, то верно. Ландскнехт, в какие бы пышные мундиры он ни рядился, не может быть себе господином. Хотя за антикоммунизм хорошо платят, Англия не поправит свои дела посылкой на Рейн трех новых дивизий и 80 самолетов, о чем было недавно объявлено в Лондоне.

Обо всем этом не мешало бы помнить деятелям той ущербной «атлантической Европы», которую породила антикоммунистическая горячка инициаторов «холодной войны». Никто, кроме самих европейцев Запада и Востока, не может наладить сотрудничество во имя устойчивого мира и безопасности на нашем континенте. Большая Европа не нуждается в ландскнехтах, чтобы стать хозяйкой своей судьбы.

Признание, написанное рукой капитана «Пуэбло» Бьючера.

Координаты мест вторжения в территориальные воды КНДР.

Официальный документ, подписанный от имени правительства США, подтверждающий нарушение международного права судном «Пуэбло».

TO THE GOVERNMENT OF THE DEMOCRATIC PEOPLE'S REPUBLIC OF KOREA

The Government of the United States of America,

Acknowledging the validity of the confessions of the crew of the USS "Pueblo" and of the documents of evidence produced by the representative of the Government of the Democratic People's Republic of Korea to the effect that the ship, which was seized by the self-defence measures of the naval vessels of the Korean People's Army in the territorial waters of the Democratic People's Republic of Korea on January 23, 1968, had illegally intruded into the territorial waters of the Democratic Pe... public of Korea on many occasions and conduct... of spying out important militar... People's Republic of K...

Sho...

On behalf of the Government of the United States of America

Gilbert H. Woodward
Major General, United States Army

23 Dec. 1968

Унтер-офицер Личи читает письмо из дома. Некоторые матросы получили за время пребывания в КНДР до сотни писем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я, конечно, понимал, что, затормозив машину, поступаю необдуманно, и не убаюкивал себя рассуждениями, что должен навестить Анжелику просто из вежливости. Нет, это был порыв, продиктованный непреодолимым желанием сделать нечто в пику Кэллингхемам, нечто такое, что встретило бы осуждение со стороны Ч. Д. В своей роли пламенного поборника чистоты американских нравов он все еще иногда распространялся на тему о кознях «дрянной женщины, от которой мы спасли тебя, а заодно и от всей этой банды дегенератов в Европе».

Я поставил автомобиль перед домом, нажал звонок и, как только дверь открылась, поднялся по отвратительной лестнице в уже знакомую мне квартиру.

На пороге меня встретила сама Анжелика. Я ожидал увидеть бледную, больную женщину, которую оставил здесь вчера, а увидел нечто прямо-таки ослепительное. Черный костюм Анжелики и желтый шарф на шее никто бы, конечно, не назвал роскошным туалетом, но с каким изяществом она держалась и как была хороша собой! При сравнении с ней Проп выглядела какой-то синтетической, а Дэфни — молоденькой проституткой из семьи внезапно разбогатевшего выскочки.

— Я проезжал мимо и решил навестить тебя, узнать о твоем здоровье. Сегодня ты выглядишь гораздо лучше.

— Врач сказал, что завтра я смогу выйти на улицу.— Ее серые глаза скользнули по мне. Она, несомненно, заметила мой вечерний костюм, но не выразила удивления и не проявила особого радушия.— Если хочешь, зайди на несколько минут.

Вслед за ней я прошел в выкрашенную в розовый цвет гостиную, на этот раз тщательно прибранную. Дверь в спальню была открыта, и я заметил, что и там царит порядок. Около шаткого стола стояла табуретка, а на столе — портативная пишущая машинка; здесь же лежала рукопись, напечатанная на машинке. На всей обстановке квартиры по-прежнему лежала печать глубокой, хотя и опрятной бедности. Я все еще продолжал бунтовать против крикливой роскоши дома Ч. Д., и потому убогость этой квартиры произвела на меня какое-то освежающее действие. «Да, здесь хоть можно свободно дышать»,— подумал я.

Анжелика вынула сигарету из открытой пачки и закурила. Со мной она держалась как с обычным знакомым и всем своим поведением старательно подчеркивала, что пусть я и бывший муж, но не имею права на какое-то особое положение.

— Это второй роман Джейми,— сообщила она.— Он принес рукопись сегодня утром, и я перепечатывала исправления.

Мне следовало бы сразу сообразить, что она обязательно заговорит о Джейми, и все же упоминание его имени испортило мне настроение. Когда она жестом пригласила меня сесть в украшенное оленьими рогами кресло, я заметил, что на пальце у нее уже нет кольца с гранатом в виде дельфина.

— Вчера вечером я вела себя глупо,— заметила Анжелика.— Как настоящая истеричка. Я сам. Однако я-то понял, что она — вольно или невольно — сравнивает нас, и ее неуклюжая попытка обелить его и явное желание захлопнуть дверь у меня под носом возмутили меня.

— Бедный маленький писатель! — воскликнул я.— Его рукопись, видите ли, отклонили, и потому он напился и пытался задушить тебя, а глубокой ночью, когда ты была больна, хотел силой ворваться в квартиру и напугал тебя так, что ты решила обзавестись пистолетом? Именно все это ты «прекрасно понимаешь»?

Она взглянула на меня злыми, потемневшими глазами.

— Да, именно все это я прекрасно понимаю.

— И ты тратишь целый день, перепечатывая исправления в его рукописи после того, как вчера вечером умоляла помочь отделаться от него?

— Да. Джейми рассказал мне, что набросился на тебя, но ты сбил его с ног и отправил в машине по какому-то несуществующему адресу в Бруклине. Он не обидчив, это только позабавило его.

— Какое великодушие! — Я чувствовал, что все больше выхожу из себя.— Долго ли тянется ваш чудесный роман?

— Около двух лет.

— А он случайно начался не в то время, когда ты жила с Чарльзом Мэйтлендом?

Анжелика посмотрела на меня с удивлением; упоминание имени моего соперника она, очевидно, расценила как грубую бестактность.

— С нем? С Чарльзом Мэйтлендом? Но это же было так давно. Мы с Джейми встретились в Позитано. В прошлом году зимой мы вместе ездили в Калифорнию. Один из его родственников скончался и оставил ему небольшое наследство.

— И он его получил?

— Да, но от денег уже ничего не осталось.

— А вы живете порознь? Благопристойно и в то же время оригинально, не правда ли?

— Так хочет Джейми. Он против того, чтобы я приходила к нему, и обычно сам приходит ко мне. Так он чувствует себя более свободным.

— Да... Как тут не повторить, что у вас прямо-таки идеальный роман! Ну, а разве не пора несколько ограничить его свободу и выйти за него замуж?

— Что ты! Джейми ни за что на свете не женится на мне.

— И тебя это устраивает?

— Вполне.

Я понимал, что моя злость не только бессмысленна, но и запоздала по меньшей мере года на три. Да и не следствие ли она вечера, проведенного в обществе Ч. Д.? Но я был лишен возможности участвовать в финальной сцене драмы в Портофино, и лишь теперь, видимо, настал момент сыграть ее, хотя сейчас, когда прошло столько времени, ворошить прошлое было особенно тяжело. Я встал и подошел к Анжелике.

— А я вот тебя не устраивал.

— Биль...— Она повернулась ко мне.

— Только сейчас я понял, в чем был неправ. Я недостаточно много пил, да? Я недостаточно низко пал тогда, правда? Я уступал в этом отношении Чарльзу Мэйтленду, а Джейми перещеголял нас обоих. Я не пытался задушить тебя. Я старался изо всех сил создать для тебя сносную жизнь и даже совершил огромный старомодный грех, женившись на тебе.

Анжелика не спускала с меня глаз, на ее побелевшем лице появилось суровое выражение. Меня обуревало желание причинить ей боль, расплатиться за Портофино, хотя теперь, спустя годы, это не имело никакого значения.

— Поздравляю,— продолжал я.— Нечего сказать, хорошую жизнь ты создала себе! Разъезжаешь без дела, живешь в грязи, разыгрываешь из себя служанку какого-то забулдыги, который даже не намерен жениться на тебе! Не удивительно, что ты бросила своего ребенка, не удивительно, что даже не удосужилась спросить о нем. Не удивительно...

Я едва успел схватить ее за руку и уклониться от пощечины. Потом я с силой притянул Анжелику к себе, так что ее лицо почти касалось моего.

— Почему он не хочет на тебе жениться?

— Пусти меня!

— Сначала скажи!

— Ну хорошо! — Она сверкнула глазами.— Я скажу, если это тебя интересует. Он не хочет на мне жениться потому, что у меня нет денег. Его единственная цель — жениться на богатой наследнице и купаться в роскоши. Ты удивлен? А я-то думала, что так поступают все писатели, в том числе и бывшие.

Она рванулась и освободилась из моих рук. Некоторое время мы стояли и зло смотрели друг на друга. Потом выражение гнева постепенно исчезло у нее с лица, сменившись унылой улыбкой.

— Извини, Биль. Не следовало мне так говорить. Я не хочу ссориться с тобой.

Я почувствовал, что и моя злость ушла, как уходит воздух из проткнутого воздушного шарика, и вместо нее возникло ощущение сильнейшей усталости, неловкости и стыда.

— Я вполне заслуживаю пощечины. Не понимаю, что со мной произошло.

— Тебе не надо было приходить.

— Да, да.

Я обвел взглядом маленькую, мрачную комнату, испытывая одно лишь желание — как-то загладить свое отвратительное поведение.

— Мне бы очень хотелось что-нибудь сделать для тебя.

— Вот и чудесно,— сразу согласилась Анжелика.— И ты это можешь.— Она подбежала к столу и схватила лежавшую на нем рукопись.— Вот, возьми роман Джейми. У тебя ведь, наверно, большие связи в издательствах. Если ты найдешь роман хорошим, пусть даже сносным...

Так Анжелика одержала победу. Ее ни капли не тронула драматическая сцена, так старательно разыгранная мною. Мы были чужими друг другу, она видела во мне просто человека, который мог пригодиться Джейми.

Меньше всего мне хотелось брать рукопись, но я все же взял.

Анжелика проводила меня до двери.

— Ты сделаешь все, что в твоих силах, да?

— Постараюсь.

— Рукопись возвращать не надо. У нас есть копии.

На пороге я остановился.

— Ну что ж, прощай, Анжелика.

— Прощай, Биль.

Я взглянул на нее. Нет, она и мысли не допускала, что обречена, что не сможет постоять за себя! Как-то сразу, без всяких к тому оснований во мне возникло желание защитить ее.

— Если я когда-нибудь потребуюсь тебе, если он опять начнет буйствовать...

— Мне не потребуешься ни ты, ни кто-нибудь другой.

— Но все же, если потребуюсь, позвони. Мой номер телефона найдешь в справочнике. Обещаешь?

— Хорошо.

Под влиянием порыва я наклонился и поцеловал Анжелику в губы. Мне казалось, что я целую ее просто так, в знак расставания, но ее губы неожиданно дрогнули и ответили. Прикосновение к ним, таким знакомым, еще недавно таким родным, произвело на меня впечатление электрического удара. Я обнял ее за талию, и мы, смущенные, застыли в долгом объятии.

Потом мы одновременно отпрянули друг от друга. Я убеждал себя, что все это случайность, мимолетный и нечаянный возврат в прошлое, но сердце у меня колотилось, в ногах я почувствовал внезапную слабость. Стыд и раскаяние охватили меня при мысли, что за все годы моей жизни с Бетси я ни разу не испытывал подобного ощущения.

У тебя, должно быть, осталось совершенно превратное впечатление.

— Ты была больна.

— Да нет, я говорю о Джейми. Я сгустила краски, все получилось слишком уж мелодраматично. А на самом деле это не так. Я хочу, чтобы ты ясно это понял. Мне не нужна твоя помощь. И не думай, что я такая уж несчастная и нуждаюсь в чьей-то поддержке.

— В самом деле?

— Конечно, Джейми трудный человек, особенно когда пьян, а сейчас он пьет уже целую неделю. Однако у него были все основания запить. Над этим романом он работал два года и сейчас сидит без денег. Он возлагал такие надежды на свою книгу, а на прошлой неделе издательство ее отвергло. Я прекрасно его понимаю.

Возможно, она и не думала проводить параллель между Джейми и тем, чем когда-то был

Анжелика стояла и смотрела на меня своими большими глазами. Даже на фоне стен, покрашенных отвратительной розовой краской, она выглядела каким-то прекрасным видением.

Но вот охватившее меня волнение стало затихать, во мне поднималось нечто похожее на ненависть к Анжелике; я понимал, что она вновь нанесла мне поражение. Без всяких усилий, легко и небрежно она чуть не заставила меня потерять голову, как часто случалось в прошлом. Что это — преднамеренный поступок? Не хотела ли она тем самым подчеркнуть, что ушла из моей жизни по своей воле и желанию, а не потому, что этого хотел я?

Я ждал ее первого слова или движения. Мне безумно хотелось, чтобы она пригласила меня вернуться в квартиру и я бы ответил презрительным отказом. Но она стала закрывать дверь.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1, 2.

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

— Прощай, Биль.
— Прощай, Анжелика.
Бетси уже лежала в постели, когда я вернулся домой. Она была в очках для чтения и в светло-голубом халате, никогда не производившем на меня особого впечатления. Мое позднее возвращение она встретила вполне спокойно, тем более что вообще обычно не задавала мне никаких вопросов. Всю нашу совместную жизнь она строила, исходя из убеждения, что никогда не нужно надоедать мне расспросами.

Я разделся и лег, затем рассказал ей о своем разговоре с Дэфни и о предстоящем назавтра ленче. Бетси посочувствовала мне. Потом мы заговорили о Ч. Д., но Бетси не стала жаловаться на его обращение и вообще даже не упомянула об инциденте в доме отца. Я не мог не восхититься ее гордостью, хотя, должен сказать, находил восхитительным все, что касалось Бетси. Если она только играла роль идеальной жены, то играла ее великолепно.

Об Анжелике я не сказал ни слова.

Утром, едва проснувшись, я вспомнил наш поцелуй. Вспомнил настолько отчетливо, что на мгновение смутился, а потом пришел в бешенство, яростно пытался заставить себя забыть все. И не мог.

Ч. Д., который постоянно баловал Рикки, накануне прислал ему швейцарские часы с кукушкой. После завтрака всем нам — мне, Бетси и Элин — пришлось чинно проследовать вслед за Рикки в детскую и наблюдать, как нелепая деревянная птица девять раз высунулась из своего домика и прокуковала девять раз. Я с удовольствием смотрел на искренний восторг Рикки, но и это невинное удовольствие портила мысль о событиях вчерашнего вечера.

Рукопись Джейми я взял с собой на службу, не потому, что собирался ее читать,— просто мне не хотелось оставлять дома ничего, что имело бы отношение к Анжелике. Утро выдалось трудным, мне предстояло разделаться с некоторыми неотложными делами, поскольку я знал, что ленч с Дэфни, как всегда, затянется до вечера и перейдет в попойку в одном из самых модных баров. В половине первого ко мне зашла моя секретарша Молли Макклинток.

— К вам пришел мистер Лэмб,— доложила она.

— Лэмб? Какой еще Лэмб?
— Он назвал себя вашим личным другом.
— Не знаю я никаких...
— Не отказывайте ему хотя бы ради меня! — Молли в шутку приняла умоляющую позу и нарочито глубоко вздохнула.— Это же настоящая куколка! Пусть он войдет. Быть может, если я устрою ему свидание с вами, он удостоит меня хотя бы взглядом!

Несколько заинтригованный, я распорядился впустить неизвестного мне Лэмба. Через несколько минут в кабинет вошел Джейми.

Я сразу же его узнал. Хотя обстоятельства нашей первой и пока единственной встречи были довольно своеобразными, Джейми не принадлежал к числу людей, которых можно забыть. Он был вполне трезв, с сильно напомаженными волосами, в дорогом, идеально отглаженном коричневом костюме и выглядел подлинным образцом декорума или как самая модная кинозвезда из Голливуда, благосклонно согласившаяся выступить в гастрольном концерте. Он и в самом деле мог бы сойти за кинозвезду, если бы выражение его томных черных глаз было чуть глупее и если бы он не столь ловко использовал свою мужскую привлекательность.

Не без скрытого раздражения я отметил отсутствие синяка там, куда нанес ему удар. Мне показалось — и это лишь усилило мое раздражение,— что вместе с ним в кабинет вошла Анжелика. Я спросил себя, уж не она ли купила ему этот шикарный костюм. Потом у меня возник новый вопрос: что вообще делает Джейми у меня в кабинете?

Прошло минут пять, а я все еще не мог ответить себе на этот вопрос. Не ожидая приглашения, Джейми сел и сразу стал называть меня по имени; без всякого смущения он заговорил о нашей «дуэли»; всякий раз, упоминая Анжелику, он называл ее не иначе как «миленькая старая Лика» или «бедная старенькая Лика». Свою речь он сопровождал томными взглядами из-под густых ресниц и беспричинными дружескими улыбками. Он попросил у меня прикурить и, перегнувшись через стол, дольше, чем нужно, задержал мою руку в своей загорелой руке. Он держался так, словно я был его самым близким другом и не чаял в нем души.

— Лика говорила, Биль, что она передала тебе мою рукопись.
Я вспомнил о поцелуе. Может, она сообщила ему и об этом? Я смутился и ответил:
— Да.
— Ты уже прочитал ее?

— Нет.
— Все-таки Лике следовало бы сначала переговорить со мной.
— Рукопись у меня здесь. Можете взять ее.
— Взять?! Что ты, Биль! Мне хочется знать твое мнение.— Его взгляд скользнул с моего лица на картину Дюфе, висевшую над столом.— Неплохо ты тут устроился, а? Обстановочка совсем не та, в какой прозябал бедный голодающий писатель! Да, да, Лика мне рассказывала о тебе. Я даже прочитал твой «Полуденный зной». Ничего, ничего! Жаль, что ты бросил писать.

Его снисходительность выглядела такой же глупой, как и его уверенность, что у меня нет других дел, кроме как сидеть и упиваться его чарами.

— Рад, что моя книга вам понравилась,— холодно ответил я.

На лице у него снова появилась эта неожиданная теплая улыбка.

— А знаешь, Биль, прочитав ее, я сразу решил, что ты мне понравишься. Поэтому-то я и пришел к тебе. Лика так хорошо к тебе относится. У нее только и разговора, что о тебе. Глупо было бы, решил я, если бы мы не стали друзьями.— Он лениво выпустил струю дыма, показывая изумительно белые зубы.— Расскажи-ка о Кэллингхемах. Старикашка, должно быть, занятная птица. Говорят, его домик на Лонг-Айленде ничуть не хуже, чем у Херста, когда тот был на самой верхушке.

И только здесь я все понял. Мне надо было бы понять это с самого начала, но, признаться, я не ожидал столь вопиющей наглости. Джейми пришел ко мне просто потому, что я был зятем Кэллингхема. Он учуял возможность поживиться и, не утруждая себя размышлениями, как пчела к улью, направился прямо к цели.

Именно в этот момент в кабинет с пронзительным хохотом пулей влетела Дэфни в обрамлении своего норкового манто.

— Биль, дорогой! Твоя божественная секретарша...

Она увидела Джейми и остановилась как вкопанная. Лэмб неторопливо встал и, изображая из себя воспитанного молодого джентльмена, отошел в сторонку.

— Дэфни,— сказал я,— позволь представить тебе писателя Джейми Лэмба. Джейми — мисс Кэллингхем.

За время моего знакомства с Дэфни мне неоднократно доводилось наблюдать, с каким нетерпением она набрасывалась на все, что ей понравится, но еще ни разу я не замечал в ее взгляде подобной жадности. Вместо Джейми это мог быть безумно понравившийся ей браслет в витрине ювелирного магазина или аппетитное мороженое в кафе.

Потом я посмотрел на Джейми. В его взгляде тоже светилась алчность, только он более умело ее маскировал. Уже через минуту в его темных глазах появилось выражение глубокого уважения с крохотной примесью мужского кокетства. Все это он сдобрил ослепительной улыбкой.

Не спуская глаз с Джейми, хихикая и болтая, Дэфни упала в кресло, в котором только что сидел он. Так он писатель?! Чудесно! Да, она очень интересуется литературой! Передо мной разыгрывалась сценка из голливудского боевика: на рынке рабов молоденькая императрица видит робкого, но очень красивого гладиатора.

Я молча сидел за письменным столом.

Наконец Дэфни нашла нужным вспомнить о моем существовании. Она повернулась ко мне и вызывающе тряхнула рыжими волосами, на которых чудом держалась маленькая черная шляпка.

— Биль, дорогой, ну как тебе не стыдно ссылаться на какое-то заседание, если я специально приехала в город и хочу пойти с тобой на ленч! — С деланным возмущением она надула губки.— Теперь я должна одна торчать в ресторане и умирать от скуки.

Никогда еще я не видел, чтобы столь грубая приманка была так грубо схвачена.

— Что вы, мисс Кэллингхем! Я с большим удовольствием, если только вы позволите...
— В самом деле, мистер Лэмб?
— Разумеется, с радостью.
— Мистер Лэмб, вы просто ангел. Ну что ж, бежим и не будем мешать вращаться гигантским колесам коммерции.

Дэфни встала, жестом предложила Джейми взять ее под руку и бросила мне в знак извинения улыбку.

— Вот видишь, Биль, теперь ты не будешь чувствовать себя виноватым. Правда? Передай милой Бетси мой самый нежный привет.

Они в мгновение ока исчезли из кабинета. Я наблюдал за этой комедией со злорадством и усмешкой. Меня никто не обязывал следить за нравственностью сестры моей жены, а тем более за добропорядочностью любовника моей бывшей жены. Я знал, что Джейми не просто подлец, а подлец с опасной склонностью к физическому насилию. Так же хорошо я знал, что Дэфни хотя и не чудовище, но вконец испорченная девчонка. Меня не беспокоило, что я позволил Дэфни уйти с Джейми. Поистине, рыбак рыбака видит издалека.

Я пригласил на ленч одного из своих коллег и беззаботно обсуждал с ним тиражи наших изданий.

Перевел с английского Ан. Горский.

Продолжение следует.

«ВЧЕРАШНЯЯ, СЕГОДНЯШНЯЯ И БУДУЩАЯ...»

В 1967 году издательство «Молодая гвардия» выпустило первое прозаическое произведение Миколы Зарудного — роман «На белом свете». Нужно сказать, что дебют признанного украинского драматурга в новом для него амплуа оказался удачным.

Роман «На белом свете» посвящен украинской деревне пятидесятых годов. Перед нами картины сельской Украины, показанные «широким планом», и более детализированные события, случившиеся в одном из колхозов республики. Автор часто делает экскурсы к событиям более дальним — к тридцатым — сороковым годам.

Книга написана лирично, с юмором, добротным народным языком, далеким от речевой стилизации. Подробно, со множеством ярких и точных деталей изображает автор сельский быт, с любовью рисует портреты людей, создает поэтические картины крестьянского труда.

И не зря в предисловии к роману Михаил Алексеев пишет: «Краски, запахи Украины запестреют, затрепещут, заблагоухают, едва вы прочтете первые главки. Названия селений, имена людей, песни, старые и новые, обычаи, также старые и новые, разнообразие неповторимо самобытных характеров — все это искусно перемешано, переплетено, инкрустировано художником, и в результате получилось впечатляющее дивное полотно, имя которому — Украина, вчерашняя, сегодняшняя и будущая. И всюду светится улыбка, добрая, умная, иногда грустноватая, иной раз даже грубоватая, но всегда уместная,— ведь она взята автором у народа, а народ никогда не допустит пошлости и бестактности даже в тяжеловесной своей «усмешке».

Особенно впечатляющими получились у Зарудного люди старшего поколения — Поликарп Чугай, Нечипор Сноп и другие.

Когда-то, во время Великой Отечественной войны, молодой Поликарп Чугай познакомился с медсестрой Мартой. Познакомился и полюбил — нежно и самозабвенно. После войны привез ее домой. Потом, где-то в пятидесятом году, завербовался на далекий Север на лесозаготовки, чтобы заработать на хату. Письма и деньги присылал Марте исправно. Так прошел год, а осенью добрые люди написали, чтобы возвращался Поликарп домой, если не хочет потерять жену. Связалась она с Ладьком Мартыненко: днюет и ночует у него.

«Нет, не ехал, а летел домой Поликарп. Всего он мог ожидать, только не Мартиной измены...

— Где она? — ворвался в хату.— Где она, мамо?!

— Убежала, сыну, с Ладьком удрала, неверная, еще вчера...

Поликарп с воем рухнул на пол и так впился пальцами в доски, что срывались ногти».

Вечером он блуждал по улицам села. Взглянув в сумасшедшие глаза Поликарпа, от него в страхе шарахались люди, с ужасом бежали дети... Ночью разбушевался страшный ветер, вздымал над селом облака пыли, сносил с хат стрехи. И вдруг среди этого рева прозвучал колокол: «Пожа-ар! Горим!» Над хатой Ладька Мартыненко стоял высокий, растерзанный ветром столб огня. Люди спешили с ведрами, кричали, плакали. А огонь уже перекинулся на другую хату, на третью, и вскоре пылала в огне вся улица... Поликарп в беспамятстве лежал в кустах обгорелой бузины... От самосуда его спас Нечипор Сноп. Он стоял над ним с топором в руках и кричал: «Не дам! Прочь от него!»

Семнадцать хат сгорело в Сосонне в ту страшную ночь...

Поликарпа Чугая осудили. На суде он плакал: «Люди, простите меня...» Люди не прощали...

Через десять лет Поликарп возвратился домой. Он решил искупить перед людьми свой тяжкий грех. Ежедневно приходил он в контору и просился на самую тяжкую работу.

Поликарп Чугай выписан Зарудным со строгой, сдержанной простотой. Выписан, будто вырублен.

Надолго остается в памяти и Нечипор Сноп. Долгие годы работая в колхозе «за нули», он не согнулся, не разуверился, а выстоял, выдюжил. Щедрое душевное богатство Нечипора проявляется в неизбывной доброте, в чувстве ответственности перед жизнью, в отношении к колхозному труду, к семье, к детям. Немного назовешь в нашей литературе характеров такой вот красоты, человечности и силы, как Нечипор Иванович Сноп! Эти характеры — апофеоз труду советского земледельца. Они выявляют внутреннюю красоту, благородство души, глубину чувств, свойственные труженику-крестьянину.

М. ЛАПШИН

ВЕСЕЛЫЙ ПЬЕДЕСТАЛ

Даже звезды любуются
парою этой —
Озаренность, готовность
рвануться в полет!..
Так могли бы кататься
Ромео с Джульеттой,
Если б был у Шекспира...
искусственный лед.

Судьба, как яркая
зарница,—
Он стал героем саг
и книг!
Двойною славой
серебрится
Его бобровый воротник.

В издательстве «Физкультура и спорт» вышла веселая, талантливая книга, которая доставит немало приятных минут любителям и знатокам спорта. Раскрыв эту книгу, они как бы увидят на пьедестале почета почти всех своих любимцев.

Книга так и называется — «Веселый пьедестал», а в роли судейской коллегии, вручающей награды чемпионам и рекордсменам, выступают авторы книги — художник Игорь Соколов и поэт Евгений Ильин.

Это очень дружная коллегия — острый дружеский шарж, в котором поразительно передано портретное сходство, и не менее острая эпиграмма отлично сочетаются на каждой странице.

От А до Я, от Алачачяна до Якушина — таков размах книги. А между первой и последней буквами алфавита читателей ждут веселые встречи, и притом не только с известными спортсменами и их наставниками, но и со спортивными журналистами, писателями, фоторепортерами, киноработниками и художниками.

Одно огорчает в этой книге: тираж. На первый взгляд он не так уж мал: 100 тысяч экземпляров, но книга мгновенно исчезла.

ТУРГЕНЕВСКОЕ

«Любимым детищем» называл И. С. Тургенев человека необыкновенного, героя своего романа «Отцы и дети»,— Евгения Базарова, «нигилиста», что у Тургенева означало: революционера и демократа.

Великое чувство признательности вызывает у зрителя работа Евгения Рубеновича Симонова, автора инсценировки и спектакля «Отцы и дети», блистательно воссоздавшего на сцене Малого театра образы, известные всему миру, не только России.

Глубина и смелость творческого замысла Е. Симонова станут особенно ясны, если вспомнить жизненную обстоятельность тургеневского романа, неспешную повествовательную его манеру, тончайший анализ характеров, изящество отделки... Как сохранить, как перенести все это на сцену, не нарушив цельности тургеневского романа, как избежать иллюстративности, «пересказа» произведения классики?..

Режиссер и инсценировщик Е. Симонов вместе с художником Б. Волковым, в совершенстве передающим зримые приметы тургеневского обаяния во внешнем облике героев, в ощущении всей прелести среднерусского пейзажа, обстановки и т. д., добились главного. У них рождается отнюдь не краткий «вариант», но цельная и своеобразная, высокохудожественная аналогия романа, изнутри направленного у Тургенева против дворянства.

Знакомство с Базаровым идет по нарастающей. Он медленно, но неотвратимо завоевывает сердца, этот нелюдимый, насмешливый, даже желчный по первому взгляду человек, наделенный у артиста В. Коршунова необоримой внутренней силой, неприятием отжившего строя, презрением к нему. Эта сила раскрывается все убедительнее с каждым новым поворотом сцены, где тургеневский век, тургеневская среда, тургеневские конфликты возникают в своей истинности, трогая и убеждая.

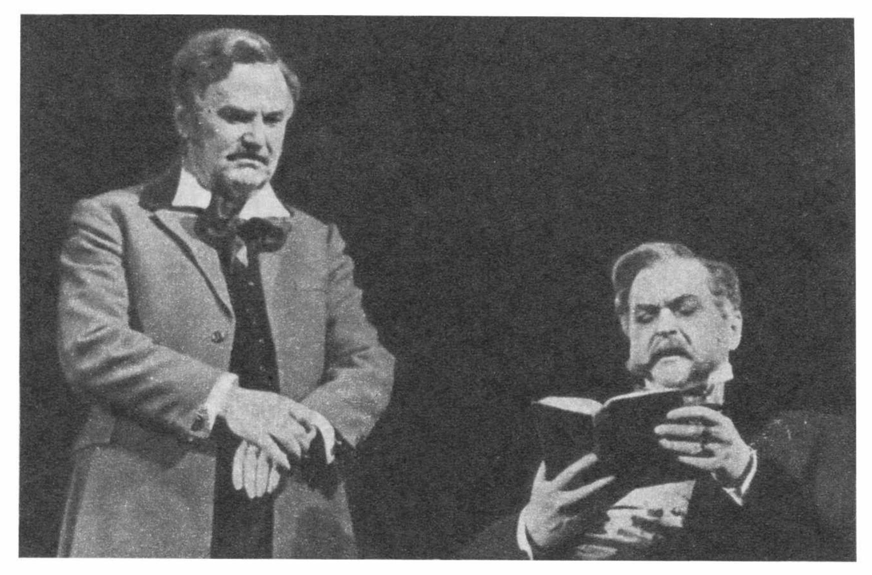
Постановка состоит из четырех частей: У Кирсановых. У Одинцовой. У Базаровых. Финал. Все они разыграны актерским ансамблем Малого театра с поразительным чувством красоты напевно-мягкого тургеневского слова, стиля, образа.

В этом гармоничном спектакле нет ни одной роли, которая не поразила бы наше воображение, о которой мы не воскликнули бы: как это верно, как это по-тургеневски!

Н. ТОЛЧЕНОВА
Фото А. Гладштейна.

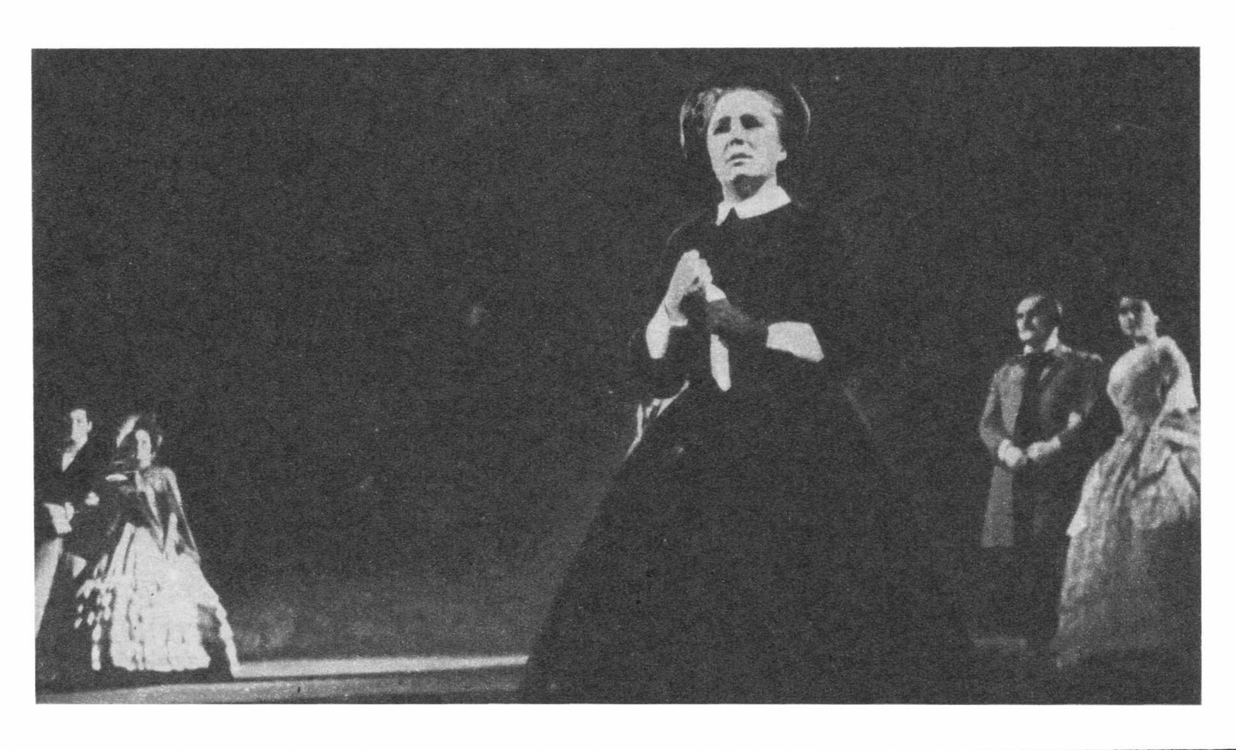
Базаров — В. Коршунов, Фенечка — Н. Корункова.

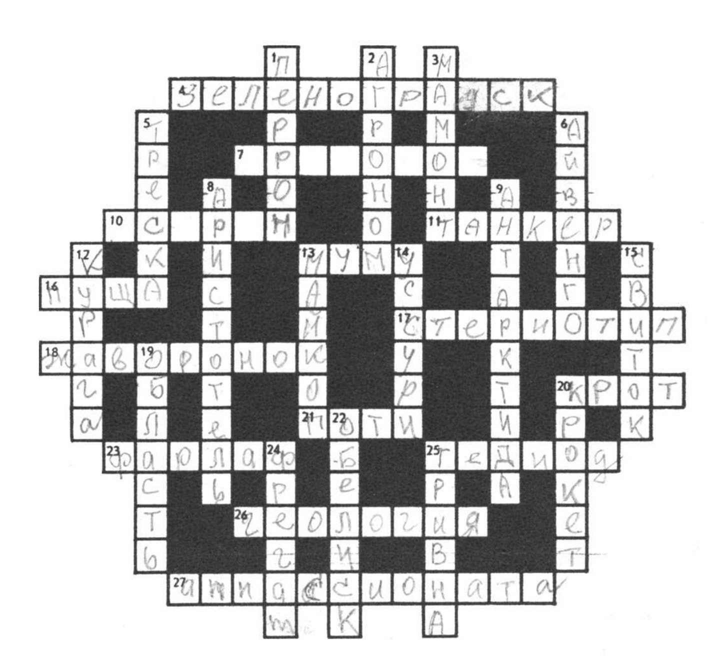
Николай Петрович (слева) и Павел Петрович Кирсановы в исполнении Н. Анненкова и Е. Велихова.

Старики Базаровы. С. Фадеева и Д. Павлов.

Финал. Одинцова — Р. Нифонтова у могилы Базарова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Курорт в Калининградской области. 7. Опера А. Н. Верстовского. 10. Действующее лицо пьесы Н. Ф. Погодина «Человек с ружьем». 11. Нефтеналивное судно. 13. Повесть И. С. Тургенева. 16. Лесной массив, заповедник. 17. Копия типографского набора. 18. Певчая птица. 20. Пушной зверек. 21. Порт на Черном море. 23. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 25. Электронная лампа. 26. Наука, изучающая состав и строение Земли. 27. Соната Бетховена.

По вертикали:

1. Железнодорожная платформа. 2. Специалист по сельскому хозяйству. 3. Вымершее млекопитающее. 5. Промысловая морская рыба. 6. Роман В. Скотта. 8. Древнегреческий мыслитель. 9. Южная полярная область. 12. Сушеный абрикос. 13. Центр автономной области. 14. Приток Амура. 15. Старинная рукопись. 19. Административно-территориальная единица в СССР. 20. Игра в деревянные шары. 22. Памятник. 24. Парусный корабль. 25. Денежная единица в Древней Руси.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

4. Грибоедов. 7. Магма. 8. Тенор. 9. Ориноко. 10. Платан. 13. Грабин. 18. Анива. 19. Шалфей. 20. «Калхас». 21. Кобра. 23. Радиан. 26. «Мазепа». 28. Атакама. 29. Манеж. 30. Викин. 31. Циклотрон.

По вертикали:

1. Тромбон. 2. Тосканини. 3. Козерог. 5. Багет. 6. Вобла. 11. Ашхабад. 12. Апофема. 14. Реклама. 15. Беранже. 16. Байка. 17. Дакар. 22. Баскетбол. 24. Инвар. 25. Наречие. 26. Манилов. 27. Зенит.

На первой и последней страницах обложки этого номера — фотографии бывших военных фотокорреспондентов Б. Кудоярова, Б. Лосина, Д. Трахтенберга. Снимки сделаны в осажденном Ленинграде, в дни прорыва вражеского кольца и на улицах города-героя после снятия блокады.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

Сдано в набор 31/XII-68 г. А 00305. Подписано к печ. 15/I-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 195. Заказ № 3662.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Вот так их и тренирую...

Рисунки В. Тильмана, Е. Шабельника, Е. Воеводина, Ю. Черепанова, Б. Боссарта, П. Гейвандова.

Новичок.

— Разве в наше время такой мотыль был!

Юрий БЛАГОВ

Вчерашний человек

В свои без малого сто лет
Собрался я на юг,
Но, посмотрев на мой билет,
Сказал с презреньем внук:
— При покоренной высоте
Плацкарты ни к чему,
Теперь, позавтракав в Чите,
Обедают в Крыму!
На небывалых скоростях
Проносится наш век,
А ты трясешься в поездах,
Вчерашний человек...

Я не обиделся ничуть,
А вспомнил старину...
Сидит мой дед, готовясь в путь,
А я свое тяну:
— Творит чугунка чудеса
Великие сейчас,
Летит, не требуя овса,
По тридцать верст за час!
На небывалых скоростях
Проносится наш век,
А ты трусишь на лошадях,
Вчерашний человек...

Не может молодость свой пыл
Умерить с давних пор,
Еще в пещерном веке был
Осмеян рутинер.
— Мы округлили плоский брус,
И вышло колесо,
Теперь, пристроив сверху груз,
Везем его — и все!
На небывалых скоростях
Проносится наш век,
А ты таскаешь все в руках,
Вчерашний человек...

Без подписи.

Как на юге...

— Где тут выставка самодеятельных изобретателей!

Рыбак-дантист.

— Кажется, хозяин идет.

— Хоть бы раз съехать без происшествий...

Первый выезд.

Без слов.

— Теперь все в нападение!

Без подписи.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

